

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

ТИПОЛОГИЯ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ

ТОМ 7
ВЫПУСК 1

2024

ISSN 2686-7419

**Типология морфосинтаксических параметров
том 7, выпуск 1**

Издаётся с 2018 года

Периодичность издания: 2 выпуска в год

Учредитель:

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Адрес редакции:

Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6

Сайт журнала:

<https://tmp.sc/>

Электронная почта:

tmp.2018.moscow@gmail.com

Свидетельство о регистрации:

ЭЛ № ФС 77-76307 от 19.07.2019

© Авторы, 2024

© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2024

Pushkin State Russian Language Institute

T Y P O L O G Y O F M O R P H O S Y N T A C T I C P A R A M E T E R S

VOLUME 7
ISSUE 1

2024

ISSN 2686-7419

Typology of Morphosyntactic Parameters
volume 7, issue 1

First published in 2018

Two issues per year

The founder:

Pushkin State Institute for the Russian Language

Editorial office:

Ac. Volgin Str., 6 (ulitsa Akademika Volgina, 6), Moscow, 117485, Russia

Website:

<https://tmp.sc/index.php/eng>

E-mail:

tmp.2018.moscow@gmail.com

Mass media registration certificate:

ЭЛ № ФС 77-76307 as of 19.07.2019

© The authors, 2024

© Pushkin State Institute for the Russian Language, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Екатерина Анатольевна Лютикова —

доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

[ORCID: 0000-0003-4439-0613](https://orcid.org/0000-0003-4439-0613)

[Личная страница в системе ИСТИНА МГУ](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Заместитель главного редактора

Антон Владимирович Циммерлинг —

доктор филологических наук; главный научный сотрудник Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН, Москва, Россия

[ORCID: 0000-0002-5996-2648](https://orcid.org/0000-0002-5996-2648)

[Личная страница на сайте ИЯ РАН](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

[Личная страница на Researchgate.net](#)

Ответственный секретарь

Ксения Павловна Семёнова —

специалист, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия

[Личная страница в системе ИСТИНА МГУ](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Редколлегия

Джон Фредерик Бейлин —

Ph.D.; профессор университета Стоуни Брук, Нью-Йорк, США

<https://linguistics.stonybrook.edu/faculty/john.bailyn/>

Олег Игоревич Беляев —

кандидат филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/belyaev/>

Яцек Виткощ —

Ph.D.; профессор университета г. Познань, Польша

http://wa.amu.edu.pl/wa/Witkos_Jacek

Анастасия Алексеевна Герасимова —

кандидат филологических наук; научный сотрудник Лаборатории автоматизированных лексикографических систем Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/Gerasimova/>

Павел Валерьевич Гращенков —

доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/gra-paul/>

Атле Грэнн —

Ph.D.; профессор университета г. Осло, Норвегия

<https://www.hf.uio.no/ilos/english/people/aca/atleg/index.html>

Нерея Мадарьяга —

Ph.D.; доцент университета Страны Басков, Витория, Испания

<https://ehu.academia.edu/NereaMadariaga>

Владимир Александрович Плунгян —

доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://www.ruslang.ru/publica/plungyan>

Мария Полинская —

Ph.D.; профессор университета Мэриленда и Гарвардского университета, США

<http://www.mariapolinsky.com/>

Андрей Владимирович Сидельцев —

доктор филологических наук; заместитель директора Института языкознания РАН

<http://iling-ran.ru/main/scholars/sidelcev>

Яков Георгиевич Тестелец —

доктор филологических наук, доцент; профессор учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; ведущий научный сотрудник Отдела кавказских языков Института языкознания РАН, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/Testelets/>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Ekaterina A. Lyutikova —

Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

[ORCID: 0000-0003-4439-0613](https://orcid.org/0000-0003-4439-0613)

[Personal page on Istina.msu.ru](https://istina.msu.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://www.academia.edu)

Deputy chief editor

Anton V. Zimmerling —

Dr. Phil. Hab.; principal research fellow at Pushkin State Russian Language Institute; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language Institute; principal research fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

[ORCID: 0000-0002-5996-2648](https://orcid.org/0000-0002-5996-2648)

[Personal page on The Institute of Linguistics RAS Website](https://www.ling.ras.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://www.academia.edu)

[Personal page on Researchgate.net](https://www.researchgate.net)

Executive secretary

Xenia P. Semionova —

specialist at the Vinogradov Russian Language Institute RAS, Moscow, Russia

[Personal page on Istina.msu.ru](https://istina.msu.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://www.academia.edu)

Editorial staff

John Frederick Bailyn —

Ph.D.; professor at the Stony Brook University, New York, USA

<https://linguistics.stonybrook.edu/faculty/john.bailyn/>

Oleg I. Belyaev —

Ph.D.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/belyaev/>

Jacek Witkoś —

Ph.D.; professor at the Poznań University, Poland

<http://wa.amu.edu.pl/wa/Witkos Jacek>

Anastasia A. Gerasimova —

Ph.D.; research fellow at the Laboratory for Computational Lexicography, Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/Gerasimova/>

Pavel V. Grashchenkov —

Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/gra-paul/>

Atle Grønn —

Ph.D.; professor at the Oslo University, Norway

<https://www.hf.uio.no/ilos/english/people/aca/atleg/index.html>

Nerea Madariaga —

Ph.D.; professor at the University of the Basque Country, Vitoria, Spain

<https://ehu.academia.edu/NereaMadariaga>

Vladimir A. Plungian —

Dr. Phil. Hab., Professor, RAS full member; deputy director of the Vinogradov Russian Language Institute RAS; Head of Section of Linguistic Typology of the Institute of Linguistics RAS; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://www.ruslang.ru/publica/plungyan>

Maria Polinsky —

Ph.D.; professor at the University of Maryland, professor at the Harvard University, USA

<http://www.mariapolinsky.com/>

Andrei V. Sideltsev —

Dr. Phil. Hab.; deputy director of the Institute of Linguistics RAS) Moscow, Russia

<http://iling-ran.ru/main/scholars/sidelcev>

Yakov G. Testeleets —

Dr. Phil. Hab.; professor at the Center for Linguistic Typology of the Institute of Linguistics of the Russian State University for the Humanities; leading researcher at the Department of Caucasian Languages of the Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/Testeleets/>

СОДЕРЖАНИЕ

Г.Н. Бубнов

Введение аргументов: самодийские (лесноненецкие)
предестинативы как совмещение вершин *D* и *i** 13

М.Ю. Князев

Экспериментальное исследование неоднозначности
при глаголах типа *объяснить*: заметки об анализе Бондаренко 35

М.Г. Меленченко

Синтаксические свойства недостаточного глагола *жїwч* 'любить'
в шугнанском языке 64

Д.А. Парамонова

Структурные и семантические различия
русских условных конструкций с одиночным и двойным союзом 89

Д.Б. Тискин

Некоторые модификации к теории связанных употреблений
индексальных выражений И. Басси 107

А.М. Хургес

Конструкции с дублированием топика местоимением
и конструкции типа «concerning X» как маркирование топика 124

CONTENTS

Gleb Bubnov

Introducing arguments: Samoyedic (Forest Nenets) predestinative
as a bundle of *D* and *i** 13

Mikhail Knyazev

An experimental study of the two readings of the complement
of explain verbs in Russian: Remarks on Bondarenko..... 35

Maksim Melenchenko

Syntactic properties of the defective verb *žiwj* ‘love’ in Shughni 64

Daria Paramonova

Structural and semantic differences between
Russian *esli* and *esli-to* conditional clauses..... 89

Daniel Tiskin

Some modifications to Bassi’s theory of fake indexicals..... 107

Alina Khurges

Pronominal doubling and “Concerning” constructions as topic marking..... 124

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2024.61.32.001

ВВЕДЕНИЕ АРГУМЕНТОВ: САМОДИЙСКИЕ (ЛЕСНОНЕНЕЦКИЕ) ПРЕДЕСТИНАТИВЫ КАК СОВМЕЩЕНИЕ ВЕРШИН D И I^{**}

Г.Н. Бубнов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация: Эта статья исследует категорию **предестинатива** в самодийских языках, с фокусом на лесном ненецком. Рассматриваются синтаксические и семантические особенности предестинативных форм, а также проводится их сравнение с **именным временем** и низкими **аппликативами**. В статье предлагается объяснение в рамках гипотезы **совмещения вершин**, согласно которому маркеры предестинатива озвучивают вершину, совмещающую вершину i^* , вводящую внешний аргумент, и вершину D . Этот анализ объясняет смешанные свойства предестинативных посессоров и открывает еще одно возможное совмещение вершин с его синтаксическими последствиями.

Ключевые слова: предестинатив, самодийские языки, формальный синтаксис, введение аргументов, лесной ненецкий

Для цитирования: Бубнов Г.Н. Введение аргументов: самодийские (лесноненецкие) предестинативы как совмещение вершин D и i^* // Типология морфосинтаксических параметров. 2024. Том 7, вып. 1. С. 13–34. (На английском.). doi:10.37632/PI.2024.61.32.001

* Автор признателен Ф.Г. Шушурину, И.В. Калякину, М.А. Беркович, Д.Е. Касенову, Д.С. Сидоркиной, В.Р. Маслюкову, П.Н. Астафьеву, Д.А. Бурову, А.И. Добрыниной, П.В. Рудневу, Су-Хвану Ли, М.А. Даниэлю (косвенно), Е.А. Лютиковой, И.В. Макаrchуку, Линусу Торвальдсу (косвенно), Лэсли Лэмпорту (косвенно), The Document Foundation (косвенно) и OpenAI (косвенно), которые в разной мере и в разных сферах помогли мне написать эту работу.

В настоящей статье использованы результаты проекта «Межмодульное взаимодействие в грамматической теории: моделирование грамматических категорий на материале языков России», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 году.

INTRODUCING ARGUMENTS: SAMOYEDIC (FOREST NENETS) PREDESTINATIVE AS A BUNDLE OF *D* AND *I*^{**}

Gleb Bubnov
HSE University

Abstract: This paper explores the **predestinative** category in Samoyedic languages, focusing on Forest Nenets. It examines the syntactic and semantic properties of predestinative forms, comparing them with **nominal tense** and low **applicative**. The study proposes a **bundling** hypothesis, suggesting that predestinative markers spell out a bundle of an argument-introducing *i*^{*} head and the *D* head. This analysis explains the mixed properties of predestinative possessors and unveils another possible bundle along with its syntactic effects.

Keywords: predestinative, Samoyedic languages, formal syntax, introducing arguments, Forest Nenets

For citation: Bubnov G. Introducing arguments: Samoyedic (Forest Nenets) predestinative as a bundle of *D* and *i*^{*}. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2024. Vol. 7, iss. 1. Pp. 13–34. doi:10.37632/PI.2024.61.32.001

1. Introduction

In this paper I examine the Samoyedic category traditionally called (pre)destinative, which expresses **intended possession**. I consider various theories proposed in the literature about this category, describe its nominal and verbal properties and explain its mixed character via bundling of an argument-introducing (applicative) head and *D*.

Predestinatives were first described in [Prokofyev 1937] for Tundra Nenets, Nganasan, and Forest Enets. The descriptions were next provided in [Tere-

* I would like to thank Philip Shushurin, Ivan Kalyakin, Maria Berkovich, Daniyar Kasenov, Darya Sidorkina, Vsevolod Masliukov, Pavel Astafyev, Daniil Burov, Anastasiya Dobrynina, Pavel Rudnev, Soo-Hwan Lee, Michael Daniel (indirectly), Ekaterina Lyutikova, Ilya Makarchuk, Linus Torvalds (indirectly), Leslie Lamport (indirectly), The Document Foundation (indirectly) and OpenAI (indirectly), who helped me in varying degrees and in different areas to write this paper.

The results of the project “Crossmodular interaction in the grammatical theory: modeling grammatical features based on the data of the languages of Russia”, carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2024, are presented in this work.

ščenko 1956] for Forest Nenets, [Salminen 1997; Nikolaeva 2009, 2010] for Tundra Nenets; [Tereščenko 1979; Katzschmann 2008] for Nganasan, and [Tereščenko 1966; Khanina, Shluinsky 2010] for Forest Enets.

This paper mostly relies on primary fieldwork data collected in the city Tarko-Sale for the Pur dialect of the Forest Nenets language. Where possible, I refer to and provide examples of corresponding phenomena in other Samoyedic languages.

Predestinative forms except for the predestinative marker itself obligatorily have possessive suffixes¹, which follow the predestinative morpheme. An example of the predestinative is given in (1) for Forest Nenets. In this sentence, the cake that I baked is intended by me to be Vasya's property, but it is not yet.

- (1) *mǎñ°* *Vaśa-ŋ* *ńańǎ-t°* *ǰĩł'ĩ-ŋa-t°*
 1SG Vasya-GEN bread-DEST bake-GFS-1SG
 'I baked Vasya a cake.'

Predestinative phrases can only be **nominative**, **accusative**, or **genitive**; never dative, ablative, locative, or prolativ. As for the nominative and accusative cases, their distribution for predestinative phrases is the same as for other nominals. Genitive predestinative phrases are used as secondary predicates. In this paper, I consider only the distribution of nominative and accusative predestinative phrases.

The most comprehensive theory regarding predestinatives is presented by [Nikolaeva 2012, 2015] for Tundra Nenets and [Leisiö 2014] for Nganasan, where nominal tense criteria proposed by [Nordlinger, Sadler 2004, 2008] were used to argue against predestinatives. In contrast, the applicative hypothesis was introduced by [Siegl 2008] and later maintained in [Siegl 2013] for Forest Enets, although it is not thoroughly developed. This hypothesis suggests that predestinatives represent a nominal counterpart to well-known verbal applicatives.

What makes the predestinative category not fully nominal and compels researchers to interpret it as a form of tense or applicative? This paper aims to address and clarify this question.

In Section 2, I examine the nominal properties of the predestinative possessor. In Section 3, I discuss the **applicative** hypothesis, and, in Section 4, I expand the applicative hypothesis by unifying argument-introducing heads and

¹ The possessive marker of third person singular can be omitted.

by incorporating the bundling hypothesis to explain the Samoyedic data. I argue that the predestinative marker spells out a **bundle** of the argument-introducing head *i** and the *D* head, which explains the mixture of verbal and nominal properties of predestinative possessors.

2. Nominal properties

Let's examine the arguments that can be posited for the nominal status of the predestinatives. In Section 2.1, we consider the nominal properties of the predestinative possessor's syntax in relation to their similarity with regular possessors, and in Section 2.2, we compare predestinatives and nominal tense.

2.1. Nominal domain

In this section, we explore arguments for nominal status of the structures that predestinative morpheme spells out and the arguments they introduce (henceforth **predestinative possessors**).

Predestinative possessors behave syntactically exactly like **regular** possessors [Malchukov et al. 2010; Nikolaeva 2015]. They cannot be separated from the nominal head [Nikolaeva 2015], they are cross-referenced by the possessive marker the same way regular possessors are, and they appear in the genitive case.

The fact that the **predestinative** requires a possessive marker after it (optional for 3SG as everywhere else) means that the **predestinative** and **regular** possessors are in complementary distribution. In other words, there can neither be two possessive markers nor a regular possessor with a predestinative without corresponding marker, as can be seen for Tundra Nenets in (2). A sentence (2a) demonstrates the ungrammaticality of the cooccurrence of regular and predestinative possessors when cross-referencing is provided for only one of them. In such a situation, where two possessors are present, a possible strategy² to resolve the ungrammaticality is to replace the predestinative one with a dative argument, as shown in (2b).

- (2) a. *[(*mən* °) *kniga-də-mt*°] *m'ija-d'm*
 I book-PRED-ACC.2SG give-1SG
 Int.: 'I gave you my book.'

² This strategy is only available with proper ditransitive verbs like 'give', but not with verbs like 'bake'.

- b. (mən°) kniga-m' i n' aənt° m' ija-d° m
 I book-ACC.1SG 2SG.DAT give-1SG
 'I gave you my book.' [Nikolaeva 2015]

That complementary distribution indicates that predestinative possessors occupy the same position as regular possessors, that is they are **NP-internal**.

Further, predestinative markers precede not only possessive markers, but also case markers (where they are not fused with possessive ones) in Forest Nenets, Tundra Nenets, Nganasan and Forest Enets [Bakró-Nagy et al. 2022] (see Table 1 for Tundra Nenets). Although it is a consequence of the fact that possessive markers by themselves in regular possessive come after case markers or are fused with them, it poses a bigger problem for an approach that treats predestinatives as verbal categories. It requires a sufficient explanation for the low position of the predestinative morpheme in the nominal spine.

Table 1. Tundra Nenets predestinative forms [Adapted from Nikolaeva 2015]³

	1SG	2SG	3SG
NOM	<i>ηəno-də-w°</i> boat-PRED-1SG.POSS	<i>ηəno-də-r°</i> boat-PRED-2SG.POSS	<i>ηəno-də-da</i> boat-PRED-3SG.POSS
ACC	<i>ηəno-də-w°</i> boat-PRED-1SG.POSS	<i>ηəno-də-m-t°</i> boat-PRED-ACC-2SG.POSS	<i>ηəno-də-m-ta</i> boat-PRED-ACC-3SG.POSS
GEN	<i>ηəno-də-n°</i> boat-PRED-1SG.POSS.GEN	<i>ηəno-də-n-t°</i> boat-PRED-GEN-2SG.POSS	<i>ηəno-də-n-ta</i> boat-PRED-GEN-3SG.POSS

2.2. Nominal Tense

In [Nikolaeva 2012, 2015] for Tundra Nenets and [Leisiö 2014] for Nganasan, Samoyedic predestinatives are compared to temporal nominal phrases found in other languages. Nikolaeva and Leisiö follow the typological criteria for nominal tense proposed in [Nordlinger, Sadler 2004, 2008]. However, our focus will be solely on the structural properties of Samoyedic predestinatives, examining how they differ from and resemble nominal temporal markers. Guaraní is perhaps the best-known language cited as having nominal temporal markers. It features two such markers, *-ra* and *-kue*, which are interpreted as future and past tense-aspect markers, respectively [Tonhauser 2007].

³ The bold highlighting and separating case and possessive morphemes are my own.

- (3) *ko-va petei pa'i-ra*
 this-RC one priest-RA
 ‘This is a **future** priest.’ [Tonhauser 2007]
- (4) *Che-vesino-kue che-visita hĩna. Ko'agã oi-ko Buenos Aires-pe*
 B1SG-neighbor-KUE B1SG-visit PROG now A3-PASS Buenos Aires-PE
 ‘My **former** neighbor is visiting me. He now lives in Buenos Aires.’
 [Tonhauser 2006]

There are several properties that distinguish the Guaraní markers' behavior from the predestinative one's. The first is that, unlike Guaraní, the Samoyedic predestinatives cannot express nominal predicate temporal relation as in (3), but only possession temporal relation as in (4), according to [Nikolaeva 2015] for Tundra Nenets. The same holds for Nganasan [Daniel 2009]. It means that the temporal relation of predestinatives always takes scope over the possessor, unlike that of Guaraní markers, which can have a lower scope (even in the presence of the possessor [Tonhauser 2006]). That means the temporal operator in Samoyedic languages applies later; therefore, the corresponding syntactic structures always occupy a higher position in the functional sequence.

Also, the predestinative's distribution is much more restricted. Here I provide my own Forest Nenets data. A predestinative phrase cannot be a **predicate** (5) as opposed to (3). The phrase *pušatǎj°* ‘my wife’, in order to be attributed to the phrase ‘this girl’, should be embedded within a verb phrase and function as a genitive case-marked secondary predicate, as in (5b).

- (5) a. **čikæ ńe mǎń° puša-tǎ-j°*
 this girl 1SG wife-DEST-1SG.POSS
 Int.: ‘This girl is my future wife.’
- b. *^{OK}čikæ ńe [mǎń° puša-tǎ-j° me-w°nta-j°]_{VP}*
 this girl 1SG wife-DEST-1SG.POSS take-PROSP-1SG.POSS
 ‘This girl is the one I will take as a wife in the future.’

A predestinative phrase cannot be the **subject** of a **transitive** verb, see (6) as opposed to (4).

- (6) **l'ekaλ-ta-j° jablaka-m ηamuλ'a*
 doctor-DEST-1SG.POSS apple-ACC eat
 Int.: ‘The doctor who will treat me is eating an apple.’

A predestinative phrase cannot be the **subject** of an **unergative** verb. Compare (7)⁴ with the unaccusative verb ‘to arrive’ and (8) with the unergative verb ‘to run’.

- (7) *l'ekaλ'-ta-j°* *šulpe-š° S to-ηa*
 doctor-DEST-1SG.POSS run-CVB arrive-GFS
 ‘The doctor ran for me.’

- (8) *l'ekaλ'-(%ta)-j°* *šulpi*
 doctor-DEST-1SG.POSS run
 ‘The doctor is running (%for me).’

Additionally, whether the predestinative phrase and verb combine depends on the semantics of the verb. As noted by [Nikolaeva 2014: 75],

«...predestinatives are absolutely impossible with verbs of destruction and manipulation which imply that the predestinative possessor will not become the owner of the predestinative object, such as e.g. ‘the child broke the cup meant for me’, ‘I sold the house meant for you’, ‘I tore the shirt meant for you’.»

Moreover, although as argued by [Tonhauser 2007] the Guaraní markers are not strictly speaking tense markers (but rather aspectual ones) since their temporal interpretation depends on the clausal one, [Nikolaeva 2015] argues that it is not true for Tundra Nenets. She provides an example and posits that Samoyedic predestinatives can have an independent temporal interpretation, see (9).

- (9) *t'en'ana* [*ηan'i po-xi°* *l'ekarə-d°-waq*] *to°*
 yesterday other year-ATTR doctor-PRED-1PL come.3SG
 ‘Our next year’s doctor arrived yesterday.’ [Nikolaeva 2015]

She writes that the person in question becomes our doctor only next year but arrived yesterday, indicating a mismatch between the tense of the main clause

⁴ The converb *šulpe-š°* ‘running’ can be omitted here, and the example will remain acceptable. My aim was to demonstrate that the difference between (7) and (8) lies not in their semantics (both examples share the same manner semantics) but in the syntax of the verbs *to-š°* ‘to arrive’ and *šulpe-š°* ‘to run’, which constitute the event structure (rather than an adjunct converb). These verbs are cross-linguistically categorized as unaccusative and unergative, respectively; however, this distinction has not been fully explored in Nenets and requires further investigation.

and the tense associated with the change of possession. However, I argue that this sentence can be reanalyzed in terms of phrase structure as follows: the person does not become our doctor next year but rather became our “next year’s doctor” yesterday, see (10).

- (10) *t'en'ana* [*ŋan'i po-xi° l'ekarə]-d°-waq to°*
 yesterday other year-ATTR doctor-PRED-1PL come.3SG
 ‘Our next year’s doctor arrived yesterday.’ [Nikolaeva 2015]

The following data provides supporting evidence **against** the **independent** temporal interpretation of intended possession. In example (11) from Forest Nenets, it is impossible to interpret the sentence as referring to a girl whom the speaker plans to marry in the future; instead, the only available interpretation suggests that the girl becomes a wife for the speaker through the very act of arrival, such as entering the speaker’s family. Similarly, in example (12), the interpretation is not about a potential romantic partner but exclusively about a woman who becomes “possessed” by the act of arriving. The most pragmatically salient interpretation provided by native speakers implies a scenario where the girl is a sex worker who, by entering someone's apartment, becomes symbolically “owned” by the inhabitant.

- (11) *puša-ta-j° to-ŋa*
 wife-DEST-1SG.POSS arrive-GFS
 *‘My future wife arrived.’
 OK‘A girl entered my family.’

- (12) *ŋe-ta-j° to-ŋa*
 girl-DEST-1SG.POSS arrive-GFS
 *‘My future girlfriend arrived.’
 OK‘A sex worker came to me (a girl came to become mine).’

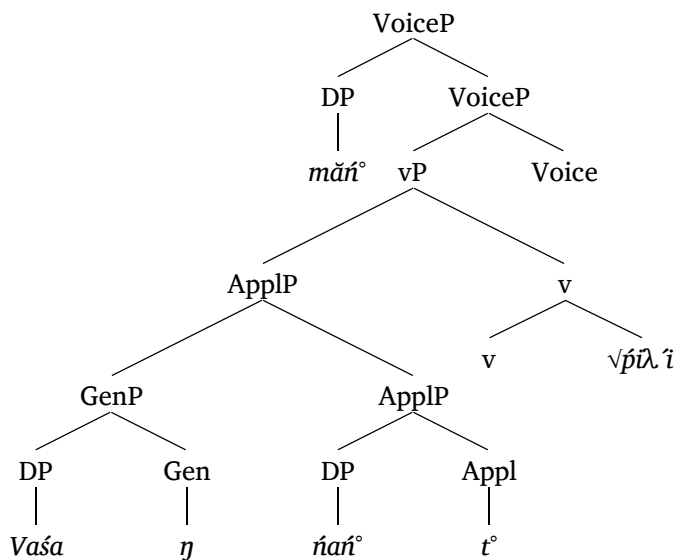
The analyzed data — characterized by the absence of predicate interpretation, usage restricted by the positioning within the verbal structure, and dependent temporal interpretation — suggest that predestinative possessor markers exhibit **more verbal** characteristics compared to traditional possessive markers.

3. The applicative hypothesis

The distribution of Samoyedic predestinatives aligns with the distribution of **low applicatives** [Pylkkänen 2008]. Low applicatives are vP-internal and introduce Goals, which are arguments expressing a recipient. I suggest that the **predestinative possessor** represents another instantiation of Goal.

The syntactic derivation proceeds as follows. The predestinative morpheme *-ta* realizes the *Appl* head, which is merged above the theme DP to which it attaches. *Appl* itself is merged above by the *v* head. The tree in (13) illustrates this derivation for Forest Nenets⁵.

- (13) *mǎń°* *Vaśa-ŋ* *ńańa-t°* *ǃĩł'ı-ŋa-t°*
 1SG Vasya-GEN bread-PRED bake-GFS-1SG
 'I baked Vasya a cake.'

First, the applicative hypothesis explains why a predestinative phrase can only be the subject of an unaccusative verb or the object of a transitive verb: a predestinative phrase is an **internal argument** of the verb, since Goals can only be introduced inside vP, as argued in [Pylkkänen 2008]. This explains why predestinative phrases appear in nominative or accusative cases. As mentioned earlier, genitive phrases are left for future research.

Low applicatives form part of the verbal structure and lack their own **temporal** reference, rendering the predestinative tense **dependent** on the clausal

⁵ Until Section 4.2.3, we consider only predestinative phrases without possessive markers on the head and, correspondingly, without a surface case marker.

tense⁶. Furthermore, this semantics explains why the distribution of predestinatives is restricted by the semantics of the verb, as discussed in Section 2.2. If the semantics of the verb does not combine with the transfer of possession, it cannot take ApplP as its complement.

There is, however, clear evidence indicating that accepting the applicative hypothesis while setting aside the nominal possessive hypothesis fails to account for all the observed facts. As argued by Nikolaeva herself, the low applicative hypothesis, briefly proposed in [Siegl 2008] and [Siegl 2013] for Forest Enets, presents several clear challenges. As discussed in Section 2.1, predestinative possessors behave, at least to some extent, **more like regular possessors** than like verbal arguments. In addition to their genitive case marking, possessive marking on the noun head, and internal position within the nominal phrase, Nikolaeva notes that predestinative possessors, **unlike direct objects** (14) in Tundra Nenets, cannot be passivized or relativized through participles (15) [Nikolaeva 2015]. I suggest that Nikolaeva associates predestinatives with potential direct objects due to the similar treatment of low applicative arguments in, for example, English or Bantu languages.

(14) a. *kniga Maša-n°h m'i-wi°*
 book Masha-DAT give-PASS.3SG
 'The book was given to Masha.' [Nikolaeva 2015]

b. [*Maša-n°h m'i-wi°*] *kn'iga-m'i*
 Masha-DAT give-PERF.PART book-1SG
 'the book I gave to Masha.' [Nikolaeva 2015]

(15) a. **pidər° kn'iga-də-mi° m'i-wer°*
 you book-PRED-ACC.2SG give-PASS.2SG
 Int.: 'You were given a book.' [Nikolaeva 2015]

b. **[kn'iga-d° m'i-wi°] ηəc'ekem'i*
 book-PRED.ACC give-PERF.PART child.1SG
 Int.: 'the child to whom I gave a book.' [Nikolaeva 2015]

⁶ As noted by Darya Sidorkina (p.c.), the low applicative semantics, as posited in [Pylkkänen 2008], implies (1) that the possession relation forms part of the assertive content, rather than being presupposed. As a consequence, we expect that the possession relation will be cancelled under negation, in questions, in protases of conditional sentences and in other non-veridical contexts; (2) what is asserted is not the possession relation itself but rather an intended possession relation, meaning the actual possession relation can be negated in the right context. Therefore, additional data is needed to compare predestinative possessors to Goals in this respect.

Furthermore, Nikolaeva argues that predestinative possessors **differ** from **indirect arguments** as well: unlike indirect arguments, they are unable to control the subject of purpose clauses, as demonstrated by the comparison between examples (16) and (17), respectively.

(16) *Maša-n^h pəne-mⁱ [PRO səd^orəbta-wənc^o] mⁱiqŋa-dəm-c^o*
 Masha-DAT coat-ACC.1SG sew-PURP give-1SG-PAST
 ‘I gave my coat to Masha to sew.’ (Adapted from [Nikolaeva 2015])

(17) (*pidər^o*) *ŋəno-də-mt^o [(^{*}PRO) s^oertə-wənc^o] mⁱiqŋa-dəm-s^o*
 you boat-PRED-ACC.2SG make-PURP give-1SG-PAST
 ‘I gave the boat meant for you to be made (by somebody else).’ (Adapted from [Nikolaeva 2015])

In the next section, we address these issues by refining the applicative hypothesis.

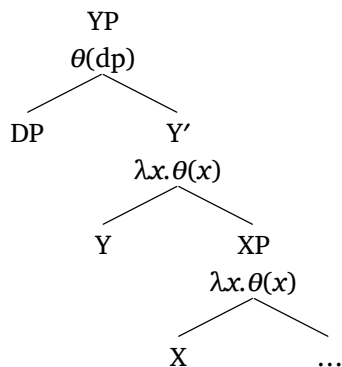
4. Refining the applicative analysis

In this section, we explore how the current applicative analysis can be refined to capture not only the verbal properties of predestinative possessors but also their nominal properties. This attempt seeks to assign both the low applicative and possessor syntactic positions to the predestinative possessor. In Subsection 4.1, I examine the phenomenon of *delayed gratification*, as discussed by [Myler 2014], and demonstrate that it does not apply to our case. In Subsection 4.2, I consider the unification of the argument-introducing heads and the bundle hypothesis and show that this approach works well with our Samoyedic data.

4.1. Unsaturated possessor

[Myler 2014] demonstrates that the saturation of arguments introduced by heads can be delayed and accomplished higher in the derivation by a specifier of another head, which may contribute no specific semantics on its own and thus may function as an expletive. Myler refers to this phenomenon as *delayed gratification*. Example (18) shows how the saturation of possessor relation can be delayed. If a head (X in the example) semantically introduces argument but, for some syntactic reasons, cannot have a specifier, its argument can be introduced syntactically later, as the specifier of the head Y in the example.

(18) Delayed gratification [Myler 2014]

Let us consider the structure for the English example of existential possession proposed by [Myler 2014] in (19). The possessor is semantically introduced inside DP, via the *Poss* head, but syntactically inserted saturating the predicate's semantic role only as the specifier of vP. This makes the verb BE transitive and spelled out as *have*.

(19) *I have a book.*

[_{vP} I [_{vP} be_v [_{POSSP} Poss book_{NP}]

This analysis is unsuitable for the Samoyedic predestinative for the following reason. The **predestinative possessor** is semantically introduced outside of DP, which makes it a **predestinative possessor** rather than a regular **possessor**. The analysis positing that the higher head, which is capable of having a specifier, is not expletive and provides its own semantics is also unsatisfactory, since predestinative forms cannot express regular possession which holds in the reference time. On the other hand, the **predestinative possessor** is syntactically introduced inside DP, as discussed in Section 2.1.

If predestinative were to be analyzed in a similar way, it would be rather a case of *preliminary gratification* instead of *delayed gratification*, so I set this analysis aside. In the next section, we consider an alternative analysis that offers a uniform treatment of all argument-introducing heads, thereby simplifying the explanation of the mixed properties of predestinative possessors.

4.2. *i**

I adopt the view, as argued by [Wood, Marantz 2017], that **all external arguments** are introduced as specifiers of an abstract head *i** which in different configurations is traditionally called different names such as: applicative, voice, p, poss etc.

This head is **not specifically verbal**. It can be found inside the nominal domain. For example, when it attaches to *nP*, it introduces an alienable possessor; when it attaches to the *n*, it introduces an inalienable possessor [Myler 2014]. This abstraction allows us to explain the mixture of the predestinative's properties, having the goal (low applicative) semantics, and the possessive (nominal modifier) syntax.

In this section, I implement such an account to explain the Samoyedic data. In Subsection 4.2.1, I present the argument-introducing head bundle hypothesis. In Subsection 4.2.2, using Korean Addressees as an example, I demonstrate the syntactic effects that bundling can cause. Finally, in Subsection 4.2.3, I apply this analysis to the Samoyedic data.

4.2.1. Head bundling

[Pylkkänen 2002, 2008; Harley 2017; Akkuş 2022, Lohninger et al. 2022; Lee 2024] propose that the argument-introducing head *i** (or just *Voice* or *Cause* in earlier works) can form a **bundle** with another head in syntax. I argue that the predestinative morpheme is a spellout of a bundle consisting of the head *D* and the head *i**.

Sometimes it is assumed that the concept of bundling is, to a great extent, a way of modeling the spellout of multiple heads in Distributed Morphology, as, for example, discussed in [Harley 2017: 4]:

«Alternative technical formulations of the bundling parameter are possible, e.g., a Spanning view (Svenonius 2012; Merchant 2015)...»

Along with the evident morphological consequences of bundling, there are some syntactic ones as well. In Section 4.1.1 we will examine the effect of bundling on Korean Addressee interpretation described in [Lee 2024] and in Section 4.1.2 we propose that a similar syntactic configuration is responsible for both nominal and verbal properties of Samoyedic Predestinatives.

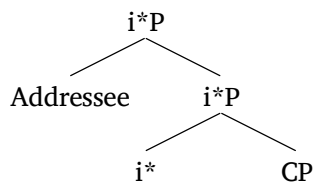
4.2.2. Korean Addressees

Let us explore the implications for domain properties when *i** is bundled, using Lee's Korean data [Lee 2024] as a case study. Lee argues that Addressees are external arguments and introduced in the CP domain, since, in Korean, vocative phrases pattern with other external arguments, as vocative phrases have two forms depending on their honorificity, as demonstrated in (20).

- (20) a. *Mina-ya, halmeni-kkeyse cip-ey ka-si-ess-e(*-yo).*
 Mina-VOC grandmother-HON.NOM house-LOC go-HON-PST-DECL(*-yo)
 ‘Mina, grandmother went home.’
- b. *Halmeni-Ø, Mina-ka cip-ey ka-ss-e-yo.*
 grandmother-HON.VOC Mina-NOM house-LOC go-PST-DECL-yo
 ‘Grandmother, Mina went home.’ [Lee 2024]

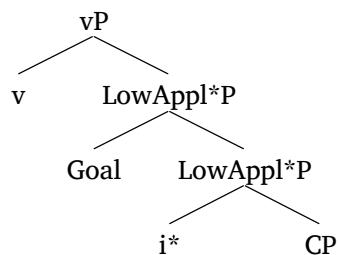
Lee proposes that Addressees, like other external arguments, are introduced by the head i^* . In the case of Addressees, this i^* merges above CP, taking scope over the entire clause and thereby receiving the corresponding addressee-introducing interpretation, see the tree in (21).

- (21) i^* introduces Addressee when merged with CP

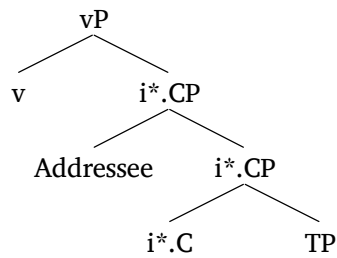

However, if the CP is embedded within another clause, a different interpretation arises due to the configuration: the head i^* is merged below the v node and can thus be interpreted as a low applicative head, introducing a Goal rather than an Addressee, see (22).

- (22) i^* not bundling with embedded C

According to Lee, this Goal interpretation arises in Korean. In contrast, some languages, such as Meadow Mari, permit Addressees in embedded clauses. In order for i^* to escape the low applicative configuration and achieve an Addressee interpretation for its specifier, it can be bundled with the head C (23). In this way, it becomes unavailable for interpretation within the main clause, as it resides in a separate domain.

(23) *i** bundling with embedded C

The same bundling can occur within an independent clause; however, it does not result in any difference in terms of interpretation. The possible interpretations of the specifier of *i** are provided in Table 2.

Table 2. Semantics of an argument being introduced by *i** [Lee 2024]

	Embedded	Unembedded
Bundled with C	Addressee	Addressee
Not bundled with C	Goal	Addressee

The parameter of whether the Addressee-introducing head bundles with C accounts for the variation across languages in permitting Addressees in embedded clauses (as seen in Meadow Mari, Galician, and southern dialects of Basque) versus those that do not (such as Korean) [Lee 2024].

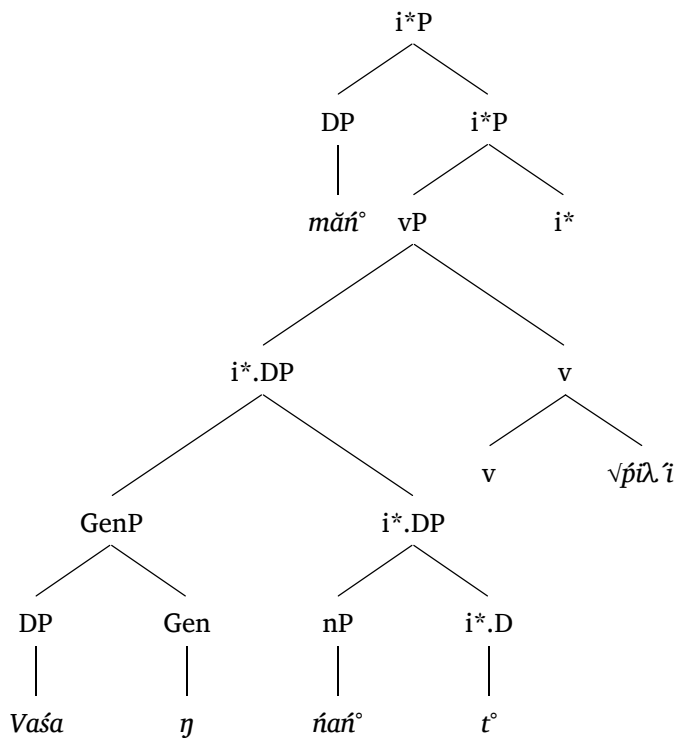
In the next section, we explore the potential syntactic consequences concerning domain properties arising from the bundling of *i** and *D* in Samoyedic languages.

4.2.3. Samoyedic bundle of *i** and *D*

I suggest that the head that introduces predestinative possessors in Samoyedic languages is actually an *i** bundled with the head *D*, as in (24).

Bundling in our case means that the Goal interpretation is still preserved as *i** attaches to *D*. However, unlike in a plain low applicative analysis, as described in Section 3, bundling with *D* results in the specifier of the head *i** being introduced **inside the nominal domain**.

- (24) *mǎń°* *Vaša-ŋ* *ńańǎ-t°* *ǰĩł i-ŋa-t°*
 1SG Vasya-GEN bread-DEST bake-GFS-1SG
 ‘I baked Vasya a cake.’

First of all, the nominal status of the predestinative possessor argument explains why it **cannot** be **separated** from the noun phrase, including passivization or relativization, which are expected for direct objects (see Section 3)⁷. Additionally, the inability to control PRO in purpose clauses can be explained by the position within the DP, as the predestinative possessor in this position cannot c-command the subject of an adjunct purpose clause.⁸

Moreover, bundling explains why predestinative possessors receive the genitive case rather than the dative, as might be expected for a Goal. The **genitive** case is **unmarked** in the nominal domain and is assigned to nominal phrases that have not yet been assigned any lexical case or the dependent case [Marantz 1992]. This is precisely what happens with predestinative possessors.

⁷ Actually, the predestinative possessor can be relativized but only using the resumptive strategy, just like the regular possessor [Nikolaeva 2014: 328–329].

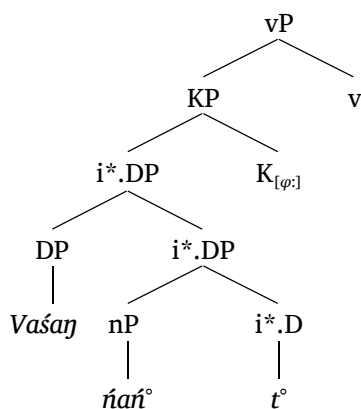
⁸ As noticed by an anonymous reviewer, it is interesting to explore whether the predestinative possessor can control the subject of a noun complement clause. [Nikolaeva 2014] writes that there are two strategies to form a noun complement clause: (1) the action nominal stands in the genitive case as a possessor to the noun head and has a genitive subject possessor, or (2) the action nominal is juxtaposed to the noun head and the subject is realized as a possessor to the noun head and not to the action nominal. The second strategy can be seen as a control construction, and it requires future work to explore whether the predestinative possessor to the head noun can control the embedded subject as well as the regular one.

Regarding the issue of possessive marking on the head noun in the case of predestinative possessors, I suggest that the possessive markers arise due to agreement between the *K* head⁹ (or some other head above *K*) and the possessor. This relatively **high** position of the **agreement** probe explains why it agrees with the predestinative possessor, which occupies the Spec,DP position. This also predicts that possessive agreement will follow or will be fused with the case markers, which is indeed the case, as discussed in Subsection 2.1. The agreement modeling for example (25) is illustrated in examples (26) and (27).

The very idea of possessive markers spelling out a node above *D* or *K* can, however, be questioned. Notably, this node is not the one introducing the possessor, such as *Poss* (or *i**). Instead, the agreement node is not expected to occupy the same position as the argument-introducing one and, correspondingly, does not merge with *nP* or *n*. The agreement head can be compared to the possessor-introducing head in examples (28) and (29) from Hungarian [Szabolsci 1981]. In these examples the argument-introducing morpheme is *-ja*, while the agreement morpheme is *-m* or *-d*, depending on the phi-features of the possessor.

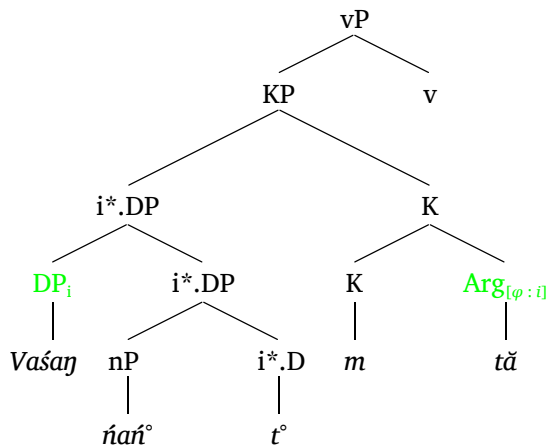
- (25) *mǎń°* *Vaša-ŋ* *ńań°-tǎ-m-tǎ* *ǫil'ŋa-t°*
 1SG Vasya-GEN bread-DEST-ACC-3SG.POSS bake-GFS-1SG
 'I baked Vasya a cake.'

- (26) An agreeing probe on *K*

⁹ This may raise the question of why, in non-possessive nominal phrases, there is no agreement marker, such as one produced by the agreement of the head noun. I believe this can be explained by the concept of **agreement failure**, which can lead to a more marked form [Preminger 2014]. If the probe agrees with the genitive phrase (the possessor), it fails to agree due to the oblique status of the genitive phrase [Shushurin 2021; Marantz 2022]. This failure results in the copying of the full phi-feature set, which leads to the occurrence of possessive markers. If there is no possessor, the probe agrees with the head noun, resulting in successful agreement and, consequently, no marker.

(27) After agreeing with the closest DP

(28) *Az én-∅ kar-ja-i-m*
 the I-NOM arm-POSS-PL-1SG
 ‘my arms’

(29) *Az te-∅ kar-ja-i-d*
 the you-NOM arm-POSS-PL-2SG
 ‘thine arms’ [Szabolsci 1981]

The **higher** syntactic status of the agreeing head, as opposed to being merely a peculiarity of linearization, is evidenced by data from Tundra Nenets [Nikolaeva 2014]¹⁰. In this data (30), a regular possessor that enters into agreement is obligatorily followed by a demonstrative when the latter is present, unlike a regular possessor that does not agree, which is preceded by it. This means that an agreeing possessor moves to the left periphery of the nominal phrase, preceding the demonstrative.

(30) a. *t’uku° Wera-h ti*
 this Wera-GEN reindeer
 ‘this reindeer of Wera’s’

b. **t’uku° Wera-h te-da*
 this Wera-GEN reindeer-3SG
 Int.: ‘this reindeer of Wera’s’

c. *Wera-h t’uku° te-da*
 Wera-GEN this reindeer-3SG
 ‘this reindeer of Wera’s’

¹⁰ This data, however, does not prove that this higher position of the agreeing node should be higher than *K*.

- d. **Wera-h t'uku° ti*
 Wera-GEN this reindeer-3SG
 Int.: 'this reindeer of Wera's' [Nikolaeva 2014]

The final issue to address is why the predestinative possessor and the regular possessor are in **complementary distribution**. I do not have a definitive solution to this problem, so it remains unresolved. One possible path to consider is that the possessor obligatorily moves to the Spec,DP position, as possessors do in English [Myler 2014] or as full nominal possessors in Tatar [Lyutikova, Pereltsvaig 2015]. This solution, however, does not work for Samoyedic languages. As shown in (30), the positions of agreeing and non-agreeing possessors differ, with only the former being potentially located in the left periphery. Therefore, there is no reason why a regular possessor and a predestinative possessor cannot co-occur if one of them does not agree. This is not the case, as illustrated in (31), where regular and predestinative possessors cannot co-occur, although one of them does not agree. Thus, the problem remains for future research.

- (31) **Vaša maň° Vera-ŋ kniga-tă-j° mi?-ŋa*
 Vasya 1SG.GEN Vera-GEN book-PRED-1SG.POSS give-GFS
 Int.: 'Vasya gave me Vera's book.'

The consequences of the bundling hypothesis, particularly regarding the behavior of predestinative phrases that we have not yet addressed in the previous section, pertain to the **absence** of a **proper DP level**¹¹. Since the *i** merges with the DP to form a bundle with *D*, there cannot be a specifier introduced by *D* itself, and thus, no demonstrative phrase. This prediction is indeed borne out, as illustrated by the unacceptability of sentences with a demonstrative placed right before the nominal head and before the entire DP, as shown in examples (32) and (33) for Forest Nenets, respectively.

- (32) *Vaša-ŋ (*čikæ) naňă-t° píł' i-ŋa-t°*
 Vasya-GEN this bread-PRED bake-GFS-1SG
 'I baked Vasya (this) cake.'

- (33) #*čikæ Vaša-ŋ naňă-t° píł' i-ŋa-t°*
 this Vasya-GEN bread-PRED bake-GFS-1SG
 'I baked this Vasya a cake.'
 Int.: 'I baked Vasya this cake.'

¹¹ Thanks to audience of the TMP conference and to Soo-Hwan Lee for noticing this prediction.

The defectiveness of the DP¹² level is also evidenced by the fact that predestinative phrases are **non-specific** [Nikolaeva 2015]. Nikolaeva supports this by noting that predestinative phrases cannot be passivized (34), since in Nenets passivization occurs only with specific noun phrases.

- (34) *kniga-r°* / **kniga-də-r°* *pad°-wi°*
 book-2SG/book-PRED-2SG write-PASS.3SG
 ‘Your book is written / *A book for you is written.’ [Nikolaeva 2015]

In conclusion, the bundling hypothesis is the most reasonable theory regarding the Samoyedic data, as it accounts for the data more effectively than the possessive or applicative hypotheses alone.

5. Conclusion

In this paper, we have explored the complex nature of the **predestinative** category in Samoyedic languages, particularly focusing on Forest Nenets. By examining both nominal (Section 2) and verbal properties (Section 3), we have argued that the predestinative marker spells out a **bundle** of the argument-introducing head *i** and the *D* head, which explains the mixed properties of predestinative possessors (Section 4). This approach accounts for the similarity between **regular** possessors and **predestinative** possessors, specifically in terms of the position of the predestinative possessor, its agreement with the head noun, and assignment of the genitive case to it. It also explains the similarity between **predestinative** possessors and typical **goal** arguments, concerning their attachment only to internal arguments and their temporal interpretation being dependent on the clausal one. The unresolved issue remains the genitive predestinative phrases, which serve as secondary predicates. Additionally, a more elaborated theory is required to explain the complementary distribution of regular and predestinative possessors.

Overall, this paper demonstrates how modern syntactic theories can capture phenomena that were traditionally considered mostly typologically, relying on comparative criteria without addressing the nature of the phenomenon itself.

¹² I propose that this indicates that *i** merges with the *D* head marked as [-specific], or, following [Dekier 2021], which decomposes the DP layer, *i** merges with a lower subhead within the DP structure.

Abbreviations

1, 2, 3 — 1st, 2nd, 3rd person; ACC — accusative case; ATTR — attributive; CVB — converb; DAT — dative case; DEST — destinative marker; GEN — genitive case; GFS — general finite stem; HON — honorific; NOM — nominative case; PART — participle; PASS — passive; PERF — perfect aspect; PL — plural; POSS — possessive; PROG — progressive aspect; PROSP — prospective aspect; PURP — purpose; SG — singular; VOC — vocative case.

References

- Akkuş 2022 — Akkuş F. On causee in Sason Arabic. *Syntax*. 2022. V. 25. № 3. Pp. 299–334.
- Bakró-Nagy et al. 2022 — Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (eds.). *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford: Oxford University Press, 2022.
- Daniel 2009 — Daniel M. The category of destinative in Nganasan, North-Samoyedic, and typology of prospective possession. *Paper presented at 'Uralic Typology Days' conference*, Tallinn, 2009.
- Dekier 2021 — Dekier J. Morphosyntax of specific and non-specific indefinite markers. *Glossa: a journal of general linguistics*. 2021. V. 6. № 1.
- Hanina, Shluinsky 2010 — Hanina O. V., Shluinsky A. B. Destinative forms in Enets (based on the forest dialect). *Materialy* 3. 2010. Pp. 247–260.
- Harley 2017 — Harley H. The “bundling” hypothesis and the disparate functions of little v. *The Verbal Domain*. 2017. V. 3. Pp. 3–28.
- Katschmann 2008 — Katschmann M. *Chrestomatia Nganasanica*. Norderstedt GmbH, 2008.
- Lee 2024 — Lee S. H. *Introducing Arguments and Case*. New York: New York University, 2024.
- Leisiö 2014 — Leisiö L. Nominal TAM in Nganasan and other Northern Samoyedic languages. *Voprosy Jazykoznanija*. 2014. V. 2014. № 1. Pp. 39–59.
- Lohninger et al. 2022 — Lohninger M., Kovac I., Wurmbrand S. From prolepsis to hyper-raising. *Philosophies*. 2022. V. 7. № 2. Pp. 32.
- Lyutikova, Pereltsvaig 2015 — Lyutikova E., Pereltsvaig A. The Tatar DP. *Canadian Journal of Linguistics*. 2015. V. 60. № 3. Pp. 289–325.
- Malchukov et al. 2010 — Malchukov A., Haspelmath M., Comrie B. Ditransitive constructions: a typological overview. *Studies in Ditransitive Constructions. A Comparative Handbook*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. Pp. 1–64.
- Marantz 1992 — Marantz A. Case and licensing. *ESCOL'91, Columbus, OH*. 1992. Pp. 234–253.
- Marantz 2022 — Marantz A. Rethinking the syntactic role of word formation // *Building on Babel's Rubble*. Paris: PUV, 2022. Pp. 293–316.
- Myler 2014 — Myler N. *Building and Interpreting Possession Sentences*. New York: New York University, 2014.
- Nikolaeva 2009 — Nikolaeva I. Nominal tense in Tundra Nenets and Northern Samoyedic. *Proceedings of Conference on Language Documentation and Linguistic Theory*. 2009. V. 2. Pp. 241–250.
- Nikolaeva 2010 — Nikolaeva I. Possessive future in Tundra Nenets and Northern Samoyedic. *Paper presented at the conference Syntax of the World's Languages IV*. Lyon, 2010.
- Nikolaeva 2012 — Nikolaeva I. On the expression of TAM on nouns. *45th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (SLE)*. 2012. V. 29.
- Nikolaeva 2014 — Nikolaeva I. *A Grammar of Tundra Nenets*. Walter de Gruyter, 2014.
- Nikolaeva 2015 — Nikolaeva I. On the expression of TAM on nouns: Evidence from Tundra Nenets. *Lingua*. 2015. V. 166. Pp. 99–126.

- Nordlinger, Sadler 2004 — Nordlinger R., Sadler L. Nominal tense in cross-linguistic perspective. *Language*. 2004. V. 80. Pp. 776–806.
- Nordlinger, Sadler 2008 — Nordlinger R., Sadler L. When is a temporal marker not a tense? Reply to Tonhauser (2008). *Language*. 2008. V. 84. № 2. Pp. 325–331.
- Preminger 2014 — Preminger O. *Agreement and Its Failures*. MIT Press, 2014.
- Pylkkänen 2002 — Pylkkänen L. Introducing arguments. PhD diss., Massachusetts Institute of Technology, 2002.
- Pylkkänen 2008 — Pylkkänen L. *Introducing Arguments*. MIT Press, 2008.
- Salminen 1997 — Salminen T. *Tundra Nenets Inflection*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.
- Shushurin 2021 — Shushurin P. *Nouns, Verbs and Phi-Features*. New York: New York University, 2021.
- Siegl 2008 — Siegl F. Benefactives and ditransitives in Forest Enets. *Cognitive and Functional Perspectives on Dynamic Tendencies in Languages*, University of Tartu, 2008.
- Siegl 2013 — Siegl F. *Materials on Forest Enets, an indigenous language of Northern Siberia*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2013.
- Tereščenko 1956 — Tereshchenko N.M. *Materialy i issledovaniya po jazyku nencev*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1956.
- Tereščenko 1966 — Tereshchenko N.M. Eneckij jazyk. Lyotkin V.I., Maytinskaya K.E. (eds.). *Jazyki narodov SSSR. T. 3. Finno-Ugorskie i Samodijskie jazyki*. Moscow, 1966.
- Tereshchenko 1979 — Tereshchenko N.M. *Nganasanskij jazyk*. Leningrad, 1979.
- Tonhauser 2006 — Tonhauser J. *The Temporal Semantics of Noun Phrases: Evidence from Guaraní*. Stanford: Stanford University, 2006.
- Tonhauser 2007 — Tonhauser J. Nominal tense? The meaning of Guaraní nominal temporal markers. *Language*. 2007. V. 83. Pp. 831–869.
- Wood, Marantz 2017 — Wood J., Marantz A. The interpretation of external arguments. *The Verbal Domain*. 2017. V. 255.

Статья поступила в редакцию 30.11.2024; одобрена после рецензирования 27.12.2024; принята к публикации 27.12.2024.

The article was received on 30.11.2024; approved after reviewing 27.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Глеб Николаевич Бубнов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Gleb Bubnov

HSE University

gnbubnov_1@edu.hse.ru

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2024.99.45.002

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ ПРИ ГЛАГОЛАХ ТИПА *ОБЪЯСНИТЬ*: ЗАМЕТКИ ОБ АНАЛИЗЕ БОНДАРЕНКО*

М.Ю. Князев

Институт лингвистических исследований РАН /

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —

Санкт-Петербург / МГУ имени М.В. Ломоносова

Аннотация: Как обсуждается в недавней литературе, сентенциальный актант при *объяснить* (и схожих глаголах) интерпретируется либо как факт/пропозиция, подлежащая объяснению («экспланандум»), либо как пропозиция, представляющая собой объяснение другого факта/пропозиции («эксплананс»). В отличие от эксплананса, экспланандум обычно реализуется как именной актант, включая номинализованную клаузу (конструкцию с *то, что*), однако клауза со *что* также допустима с этим значением. Эта неоднозначность рассматривается в работах Татьяны Бондаренко [2021, 2022], где показывается, главным образом на основе сильноостровных свойств, что клаузы со значением экспланандума имеют структуру именных групп (DP) и всегда номинализованы, с помощью выраженной (*то*) или нулевой вершины D⁰. Анализ служит аргументом в пользу дихотомии сентенциальных актантов, трактуемых либо как семантические аргументы (DP) либо как модификаторы (CP). В статье приводится исследование мини-корпуса неоднозначности при *объяснить*, а также эксперимент на оценку приемлемости, где сравнивался вопросительный вынос при *объяснить* и трех других глаголов в зависимости от значения эксплананса/экспланандума, с учетом оценки клауз со *что*, а также клауз с *то, что* (имеющих статус островов). Результаты подтверждают наличие у актанта-экспланандума островных свойств, несмотря на вариативность между глаголами. Отметим, что значение экспланандума в эксперименте задавалось инструментальным дополнением / наречием образа действия, которые, как показывает корпусное исследование, с ним сильно связаны. Корпусные

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, [проект № 22-18-00037](#), реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова.

данные также указывает на возможное третье значение при *объяснить*, охарактеризованное как «субъективная» (нефактивная) разновидность экспланандума.

Ключевые слова: сентенциальные актанты, глаголы типа *объяснить*, оболочка именной группы, вопросительный вынос, экспериментальный синтаксис, корпусное исследование, русский язык

Для цитирования: Князев М.Ю. Экспериментальное исследование неоднозначности при глаголах типа *объяснить*: заметки об анализе Бондаренко // Типология морфосинтаксических параметров. 2024. Том 7, вып. 1. С. 35–63. (На английском.). doi:10.37632/PI.2024.99.45.002

AN EXPERIMENTAL STUDY OF THE TWO READINGS OF THE COMPLEMENT OF *EXPLAIN* VERBS IN RUSSIAN: REMARKS ON BONDARENKO*

Mikhail Knyazev

*Institute for Linguistic Studies RAS / HSE University, St. Petersburg /
Lomonosov Moscow State University*

Abstract: As commonly discussed in recent literature, the complement of *explain* (and similar verbs) is interpreted either as a fact/proposition to be explained (*explanandum*) or as a proposition provided as an explanation for some other fact/proposition (*explanans*). Unlike the *explanans*, the *explanandum* is usually associated with nominal constructions, e.g. *the fact that*, nominalized clauses, but is also attested with simple declarative clauses. Bondarenko [2021, 2022] examines this ambiguity on the basis of Russian, providing arguments, mainly from strong islandhood, that apparent *explanandum* CP complements are covertly nominalized with a null D^0 . This is used to support the claim about the fundamental dichotomy of clausal complements which can be semantically either arguments (DP) or modifiers (CP). The paper reports a mini corpus study of the ambiguity with *ob'jasnit'* 'explain' and an acceptability rating study (with *ob'jasnit'* 'explain' and three other verbs) which tested whether wh-argument extraction from *explanandum* *čto*-clauses is unacceptable (as opposed to *explanans* clauses), controlling for a possible dispreference for such clauses without extraction and also comparing them with overtly nominalized (*to*, *čto*) clauses, taken to

* This research is supported by Russian Science Foundation, RSF [project #22-18-00037](#) realized at Lomonosov Moscow State University.

be strong islands. The results provide general support for Bondarenko's analysis despite some variation between verbs. Importantly, the experiment used instrumental/manner phrases to control the explanandum reading, which the corpus study has shown to be very strongly related. The corpus study also raises the possibility of the existence of a third reading of the complement of *ob"jasnit* 'explain', characterized as "subjective"/nonfactive explanandum.

Keywords: clausal complements, *explain* verbs, DP-shells, wh-extraction, experimental syntax, corpus study, Russian

For citation: Knyazev M. An experimental study of the two readings of the complement of explain verbs in Russian: Remarks on Bondarenko. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2024. Vol. 7, iss. 1. Pp. 35–63. doi:10.37632/PI.2024.99.45.002

1. Introduction

The verb *explain* has two different subcategorization frames, which are associated with two different meanings [Pietroski 2000; Kastner 2015; Elliott 2017; Bondarenko 2021, 2022, a.o.]. On the one hand, it can take a nominal complement (e.g. *this fact, the fact that p, his resignation, his behavior, it, etc.*) interpreted as something (called the *explanandum*) that the agent/causer provides an explanation for. On the other hand, it can take a declarative clausal complement (CP) interpreted as something (called the *explanans*) that the agent offers by way of explanation for some other thing.¹ To appreciate the difference in meaning, consider the sentences in (1a)–(1b), from Elliott 2017. In (1a), the complex DP *the fact that Boris resigned* is understood as the thing explained, with the explanation (i.e. that Boris is ill) left implicit. By contrast, in (1b) the *that*-clause *that Boris resigned* corresponds to the explanation, with the thing explained (i.e. that Boris did not show up) left implicit. The context in (1a)–(1b) ensures that the two sentences indeed differ truth-conditionally, i.e. one can be true in a situation where the other one is false and vice versa.

- (1) a. Context: Everyone is wondering why Boris resigned, and Angela announces that Boris has long-term health issues. Since everyone knows that Boris has in fact resigned, Angela does not bother to mention this.
Angela explained [_{DP} *the fact that Boris resigned*]. (explanandum)

¹ *Explain* can also take an embedded question. Such uses are not discussed in this paper. See e.g. [Elliott 2017].

- b. Context: One day Boris does not come in to work, and everyone is wondering why. Angela announces that Boris resigned, but does not say why.
Angela explained [_{CP} *that Boris resigned*]. (explanans)
 (adapted from [Elliott 2017])

The alternation shown by *explain* (and other verbs of this class), as in (1), is noteworthy because for other attitude predicates that allow their complements to be realized either as a DP or a CP, e.g. *know*, *discover* etc., the thematic role of the complement intuitively does not vary (depending on its syntactic category) in a similar way but instead is uniformly interpreted as the thing known, discovered, etc. (see Djärv 2023 for further discussion).

While the semantic role of the complement of *explain* is commonly taken to be fully determined by whether it is a clause or a nominal expression (i.e. DP \Leftrightarrow explanandum; CP \Leftrightarrow explanans), several examples have been cited in the literature [Bondarenko 2021; Roelofson, Uegaki 2021] where the declarative complement is interpreted as the explanandum, as in (2a)–(2b).²

- (2) a. *Now I will explain that this algorithm works whenever $x < 5$, but not when $x \geq 5$.* [Roelofson, Uegaki 2021]
 b. *How do we explain that Cameroon have won twice as many UCL golds as Nigeria?* (Internet; cited in [Bondarenko 2021])

Taking examples like (2) seriously, [Bondarenko 2021, 2022] argues on the basis of Russian that *čto*-clause declarative complements of *ob”jasnit* ‘explain’ and a few other verbs e.g. *prokomentirovat* ‘comment (on)’, *argumentirovat* ‘argue (for)’ are indeed systematically ambiguous between the two readings, as in (3), as compared to nominalized clauses (headed by the distal demonstrative *to*) in (4), where only the explanandum reading is possible. (Here and below I use the terms “explanans” and “explanandum” in a generalized sense to apply to a similar alternation with other verbs of the *explain*-class.) To anticipate, I agree with Bondarenko’s assessment that (3) is generally ambiguous. Yet, I find the judgments regarding the explanandum reading rather delicate and in the absence of corpus or experimental evidence, it is unclear to what extent this reading is available for Russian speakers.

² “Exceptions” in the other direction also exist and involve quantificational/anaphoric propositional expressions like *thing*, *something*, etc., which are optionally associated with the explanans reading (see [Elliott 2017]).

- (3) *Lena objasnila [čto xleba net].*
 Lena explained that bread.GEN is.no
 ‘Lena explained that there’s no bread.’
 i. ✓EXPLANANDUM: Lena explained the fact that there’s no bread.
 ii. ✓EXPLANANS: Lena said “there’s no bread” as an explanation for some fact.
 (adapted from [Bondarenko 2021])
- (4) *Lena objasnila [to čto xleba net].*
 Lena explained that.ACC that bread.GEN is.no
 ‘Lena explained that there’s no bread.’
 i. ✓EXPLANANDUM: Lena explained the fact that there’s no bread.
 ii. ✗EXPLANANS: Lena said “there’s no bread” as an explanation for some fact.

While the data in (3) might suggest that the correlation between the thematic role and the complement type goes only in one direction (DP ⇒ explanandum), Bondarenko defends the standard bidirectional view by arguing that what looks like a declarative CP on the explanandum reading in (3) is in fact a nominalized clause embedded in a null DP shell, as illustrated in (5a) (for other analyses with DP-shells, including for Russian, see a.o. [Hartman 2012; Kastner 2015; Knyazev 2022a]); cf. this with the explanans reading in (5b). Preserving the two-way correlation is important for Bondarenko because her general view is that only nominals but not bare CPs are capable of being true thematic arguments, e.g. Themes, which is what the explanandum corresponds to (see Section 2 for discussion).

- (5) a. *Lena objasnila* [_{DP} ∅ / *to* [_{CP} *čto xleba net*]].
 Lena explained that.ACC that bread.GEN is.no
 ‘Lena explained the fact that there’s no bread.’ (explanandum)
- b. *Lena objasnila* [_{CP} *čto xleba net*].
 Lena explained that bread.GEN is.no
 ‘Lena explained (something by saying) that there’s no bread.’ (explanans)

Bondarenko’s main empirical argument for the analysis in (5) comes from extraction. Specifically, she argues that extraction from the embedded clause is only compatible with the explanans reading but not with the explanandum reading, as shown in (6a); cf. extraction from overtly nominalized clauses, which are strong islands (see [Knyazev 2023] for experimental evidence), as in (6b). This suggests that on the explanandum reading the clause is covertly nominalized.

Bondarenko suggests Anti-Locality as an explanation for the strong islandhood of DP-CP structures (see e.g. [Erlewine 2016]), but this is not crucial for the purposes of this paper.³

- (6) a. *Kogo Lena ob’jasnila [čto “Zenit” legko odoleet]?*
 who.ACC Lena explained that Zenit easily will defeat
 i. ✗EXPLANANDUM: ‘Who is x such that Lena explained the fact that Zenit will easily defeat x?’
 ii. ✓EXPLANANS: ‘Who is x such that Lena explained some fact by saying “Zenit will easily defeat x”?’
 Intended: ‘Who did Lena explain that Zenit will easily defeat?’ (adapted from [Bondarenko 2022: 323])
- b. **Kogo Lena ob’jasnila [to čto “Zenit” legko odoleet]?*
 who.ACC Lena explained that.ACC that Zenit easily will defeat
 Intended: ‘Who did Lena explain that Zenit will easily defeat?’ (adapted from [Bondarenko 2022: 326])

The main goal of this paper is to experimentally examine the contrasts like (6) (with *explain* and other verbs of this class) using a factorial design (see, e.g., [Sprouse et al. 2016]), in order to isolate the possible effect of the explanandum reading on acceptability (independently of the presence of extraction). Although there is little doubt that extracting from a clause with the explanandum reading is quite bad, it cannot be excluded that the unacceptability of (6ai) reflects a general dispreference for the explanandum reading with *čto*-clauses, as hinted above (see the discussion of (3)), combined with a general dispreference for extraction from declarative clauses in Russian, as amply documented in the literature (see a.o. [Khomisevitch 2007, Bailyn 2020]). The second, complementary, goal is to assess (on the basis of a mini corpus study) how frequently and in what specific configurations the explanandum reading of the complement of *ob’jasnit’* ‘explain’ is observed.

To anticipate the main conclusion, the results provide general support for Bondarenko’s analysis, although they also highlight several aspects of the phenomenon that have to be taken into account in future work, including, but not limited to, variation between verbs of the *explain*-class, the effect of overtness/

³ Assimilating the strong islandhood of nominalized clauses in Russian to the complex NP island (cf. [Kastner 2015]) does not work as there is evidence against the presence of a null N in such clauses (see [Bondarenko 2022; Knyazev 2022]).

covertness of D^0 on the possibility of extraction, the role of contextual cues for the explanandum reading, as well as the potential non-uniformity of the explanandum reading.

The paper is structured as follows. Section 2 presents Bondarenko's formal analysis of the ambiguity with *explain*. Section 3 presents the results of the mini corpus study. Section 4 presents the experimental study. Section 5 discusses the results and concludes the paper.

2. Bondarenko's analysis of *ob''jasnit'* 'explain'

Following recent semantics literature on complementation [Moulton 2015, Elliott 2017, a.o.], Bondarenko [2021, 2022] assumes that declarative complement clauses (CPs) have the type $\langle e, t \rangle$ and denote predicates of individuals with content (including importantly situation arguments of attitude predicates), as in (7) (the content is recovered by the function CONT from individuals with content to propositions).

$$(7) \quad \llbracket \text{that there is no bread} \rrbracket = \lambda y. [\text{CONT}(y) = \lambda w. \llbracket \text{there is no bread in } w \rrbracket]$$

One of the main tenets of Bondarenko's system is that there are two paths of integration of a declarative CP into the matrix clause: a) as a *modifier* of the situation argument of the verb; b) as an *argument* of the verb via an argument-introducing head corresponding to a thematic role (Theme, Causer, etc.). The first path is employed by verbs of saying and thinking, which are assumed to lack an internal (Theme) argument, at least by default. Such verbs, analyzed as predicates of states/events (a species of individuals), directly compose with CP by Predicate Modification, as in (8a)–(8b), reflecting the intuition that the clause specifies the content of the thinking state, saying event, etc. (see also [Elliott 2017]).

$$(8) \quad \text{a. } \llbracket \text{think} \rrbracket = \lambda s. [\text{think}(s)]$$

$$\text{b. } \llbracket \text{think that there is no bread} \rrbracket = \lambda s. [\text{think}(s) \wedge \text{CONT}(s) = \lambda w. \llbracket \text{there is no bread in } w \rrbracket]$$

The second path is observed with verbs that have a true Theme argument, such as factive and more generally presuppositional verbs, including verbs that presuppose that the CP is given, i.e. claimed or entertained by someone in the

discourse context (but not necessarily true).⁴ Assuming that Themes are restricted to $\langle e \rangle$ -type expressions, the verb (after it combines with a Theme-introducing head Θ_{Theme}) cannot directly compose with CP. What happens, Bondarenko argues, is that the CP undergoes nominalization by way of combining with a (possibly null) D^0 head, which (normally) has a definite interpretation and analyzed as iota-operator (picking out a unique contextually salient individual with the relevant context), as shown in (9). This captures the factive/givenness presupposition associated with the CP of these verbs.

- (9) a. $\llbracket \text{remember } \Theta_{\text{Theme}} \rrbracket = \lambda x. \lambda s. [\text{remember}(s) \wedge \text{Theme}(s) = x]$
 b. $\llbracket \text{remember } \Theta_{\text{Theme}} \text{ that there is no bread} \rrbracket = \lambda s. [\text{remember}(s) \wedge \text{Theme}(s) = \iota y. [\text{CONT}(y) = \lambda w. [\text{there is no bread in } w]]]$

Now, an interesting property of *ob'jasnit'* 'explain' and other verbs of this class (including *prokomentirovat'* 'comment', *argumentirovat'* 'argue' and others) is that they allow both paths of integration, with the explanandum reading corresponding to the argument path and the explanans reading corresponding to the modifier path. Bondarenko handles this alternation in such a way that a single root $\sqrt{\text{EXPLAIN}}$ with a rather basic meaning, as in (10a), can occur in two different argument structures.

The explanandum reading corresponds to $\sqrt{\text{EXPLAIN}}$ combining with the Theme-introducing head and heading the result subevent (ResultP), which is the complement of the causative head (v_{caus}), as in (10b). This leads to the truth conditions in (10c) for the sentence in (3) (disregarding tense and simplifying for expository purposes), paraphrasable as 'there is a causing situation, whose Causer is Lena, and whose result state is the state of being clear that holds of the salient individual with the propositional content "There is no bread in the cupboard"' [Bondarenko 2022: 342]. In other words, some proposition/fact becomes clarified as a result of the actions, typically verbal, of the subject.

- (10) a. $\llbracket \sqrt{\text{EXPLAIN}} \rrbracket = \lambda s. \text{be-clear}(s)$
 b. $[v_{\text{caus}} [_{\text{ResultP}} [_{\text{Result}} \sqrt{\text{EXPLAIN}} \Theta_{\text{Theme}}]] [_{\text{DP}} D^0 [_{\text{CP}} \text{that there is no bread}]]]]$
 c. $\text{Causer}(s') = \text{Lena} \wedge \text{CAUS}(s'')(s') \wedge \text{be-clear}(s'') \wedge \text{Theme}(s'') = \iota x. [\text{CONT}(x) = \lambda w. [\text{there is no bread in } w]]$

⁴ This path is also available for verbs with Causer and *About*-arguments. See [Bondarenko 2022] for further details.

The explanans reading corresponds to $\sqrt{\text{EXPLAIN}}$ combining with a silent verb $\emptyset_{\text{SAY_INTENT}}$ ‘say with intent to X’, which leads to the creation of the complex predicate $[\emptyset_{\text{SAY_INTENT}} \sqrt{\text{EXPLAIN}}]$, denoting a predicate of saying situations such that in all situations s'' in which the Agent of saying succeeds in their intentions, the counterpart $[\kappa]$ of the saying situation causes there to be a result state of something being clear [Bondarenko 2022: 351]. This complex predicate can then directly combine with the CP, as in (11a), giving truth conditions in (11b) for the sentence in (3), paraphrasable as ‘Lena said “There is no bread in the cupboard”, and by doing this she was trying to explain something’ [Bondarenko 2022: 351].

(11) a. $[[V \emptyset_{\text{SAY_INTENT}} \sqrt{\text{EXPLAIN}}] [\text{CP that there is no bread}]]$

b. $\exists s'. \text{say}(s') \wedge \text{Causer}(s') = \text{Lena} \wedge \text{CONT}(s') = \lambda w. [\text{there is no bread in } w] \wedge \forall s''. [\text{in } s'' \text{ Agent}(s') \text{ succeed in their intentions in } s' \Rightarrow \exists s'''. \text{be-clear}(s''') \wedge \text{CAUS}(s''')(\kappa(s'))]$

The analysis in (11) captures the fact that on the explanans reading *ob’jasnit’* ‘explain’ + CP is interpreted as ‘say CP’ with the root $\sqrt{\text{EXPLAIN}}$ modifying some modal component of its meaning but importantly without being directly linked with the meaning of the CP. This contrasts with the explanandum reading where the CP is effectively an argument of the root (via the Theme-introducing head).

Bondarenko supports this analysis by a number of observations/predictions, including: (i) the factivity/presuppositionality of the explanandum reading; (ii) an overt realization of the DP-layer in lexical nominalizations of *ob’jasnit’* ‘explain’ with the explanandum reading (though see [Knyazev 2022b] for potential counterexamples); (iii) the incompatibility of the explanans reading with overtly nominalized clauses (and other nominals such as nominal proforms); and (iv) the ban on extraction from explanandum complements.

Predictions (iii) and (iv) are the focus of the experimental study reported in Section 4. But I also examine more basic aspects of Bondarenko’s proposal such as: (v) that the explanandum reading is indeed attested with *čto*-clause complements (without *to*) of *ob’jasnit’* ‘explain’ (as was discussed in Section 1, (v) is a precondition for the argument from extraction in (iv)); and (vi) that the meanings of naturally-occurring sentences actually align with the two proposed paraphrases in (10)–(11). The observations in (v)–(vi) are the focus of the corpus study reported below.

3. Mini corpus study

The goal of the study was to test whether the explanandum reading of the complement of *ob''jasnit'/ob''jasnjat'* 'explain' is reliably attested in the corpus. The main focus was on *čto*-clauses, but the data on *to*, *čto*-clauses were also collected for comparison. Both the perfective (*ob''jasnit'*) and the imperfective (*ob''jasnjat'*) verbs were analyzed. As the material for the study, I used the main subcorpus of the Russian National Corpus (RNC, ruscorpora.ru), limiting myself to written texts after 1951.

The queries involved the verb (*ob''jasnit'/ob''jasnjat'*) followed by *to* or *to* + *čto* separated by the distance of 1 to 3 words. For *to*, *čto*-clauses, which are relatively rare (about 150/100 examples in the original query), the full sample of examples was manually checked and analyzed. For *čto*-clauses, for which the original query contained about 5000/2800 examples, a random sample was used. The sample was constructed by selecting the first 500 examples from the search results in a randomized order, which were then manually checked to filter out irrelevant examples.

I coded the examples as explanans or explanandum, using my own intuition. In addition, I classified the examples with the explanandum reading according to contextual cues that help identify this reading as such. In the overwhelming majority of cases, the minimal context (i.e. the sentence) was sufficient to identify the reading. In several unclear cases, I consulted a larger context, namely paragraph, which is also available in RNC.

The counts are given in Table 1.⁵ Let's start with *to*, *čto*-clauses. First, we can see that, as expected, there are no examples with the explanans reading, except for one example that contains an additive focus particle *i*, which is irrelevant because narrow focus independently requires nominalized clauses (see e.g. [Khomitsevich 2007]). Second, and more interestingly, there are disproportionately many examples with instrumental and manner phrases. For example, with the perfective version of the verb, 53 out of 56 examples contained one of such phrases, with *čem* 'what.INS', *kak* 'how' and *ètim* 'this.INS' accounting for more than half of the examples. Interestingly, the remaining 3

⁵ The corpus search results can be found at <https://osf.io/bdtha/>.

examples all contained *možet ob''jasnit'* 'can explain'.⁶ With the imperfective version, which was generally much rarer, there were 11 out of 15 examples with manner/instrumental phrases. Also note that 3 out of 4 remaining examples contain the non-agentive subject (*fakt* 'fact', *ideja* 'idea').

Table 1. Counts of examples with *ob''jasnit'*/*ob''jasnjat'* 'explain' with *čto* and *to*, *čto*-clauses

	<i>ob''jasnit'</i> 'explain (PFV)' + <i>to</i> , <i>čto</i>	<i>ob''jasnjat'</i> 'explain (IPFV)' + <i>to</i> , <i>čto</i>	<i>ob''jasnit'</i> 'explain (PFV)' + <i>čto</i>
explanans	0 (1 irrelevant)	0	405
explanandum, of which:	57	15	36
<i>čem</i> 'what.INS'	12	–	9
<i>kak</i> 'how'	10	–	20
<i>ètim</i> 'this.INS'	10	3	2
other INS proforms	2	–	–
full NP _{INS}	17	6	–
manner adverbs	2	2	3
other	3	4	2
total	57	15	441

Moving on to examples with *čto*-clauses (with the perfective verb; on the imperfective verb see below), we can see that the explanandum reading is relatively rare and occurred only in 36 (8%) out of 441 examples (from the random sample). We also see, as in the case of *to*, *čto*-clauses, the overwhelming majority (34 out of 36) of the explanandum examples contained instrumental and manner phrases (notably, one remaining example contained an agentive subject and the other a possibility modal). These figures show that the explanandum reading is rare and normally requires contextual support in the form of linguistic cues.

The classification of examples with *čto*-clauses revealed a further interesting pattern, not envisaged by Bondarenko. Specifically, there emerged two subclasses of the explanandum reading, which can be roughly characterized as *objective* and *subjective* (cf. [Anand & Hacquard 2009] for a somewhat similar contrast in

⁶ Cf. in this context the observation by [Kallulli 2006] that *believe* becomes factive when combined with *can* (*can believe*).

the domain of attitude verbs). In the objective class, the speaker/agent makes some fact *p* clear by providing a *causal explanation* of *p*, i.e. by answering the why-question with respect to *p*, as shown e.g. in (12), where the explanation is referred to in the preceding sentence (namely, ‘there are too many injured players on the team’).

- (12) *Nu čem ešče možno ob’’jasnit’, što pri 25 udarax po vorotam v Severnoj Irlandii my igraem 0 : 0?* (RNC)
 PRT what.INS else can explain.INF that with 25 kicks on
 goal in Northern Ireland we play 0 0
 ‘How else can one explain that with 25 shots on goal, the score is 0 : 0?’

In the subjective class (comprising about one third of the cases of *ob’’jasnit’ + što*), *p* is simply assumed to be unclear to *x* (realized as the addressee or implicit) for whatever reason, with no implication as to the existence or relevance of the causal explanation; furthermore, *p* does not have to be presupposed (factive). For example, in (13) the speaker is talking about explaining *p* (the content of the CP) to the dative argument (‘suckers’) but he is not referring to causes or reasons to believe *p*, rather *p* itself is unclear as his addressees are too young to understand Soviet realities.

- (13) *Kak ob’’jasniš’ ètim sosunkam, što v partiju vstupil potomu, što dolžnost’ svetila.* (RNC)
 how explain.2SG these suckers.DAT that in party entered because
 that position loomed
 ‘How to explain to these suckers that I entered the [Communist] Party because a promotion loomed ahead.’

Note that both of the subclasses fit Bondarenko’s truth conditions for the explanandum reading in (10c) as they do not specify how exactly *p*’s clarity comes about. They are also similar in that they can occur with instrumental/manner phrases (cf. Table 1). However, the subjective explanandum reading turns out to be difficult to distinguish from the explanans reading in certain cases, which was especially true for the imperfective verb, where it often occurs without instrumental/manner phrases so that one must resort to a larger

context (or other contextual cues).⁷ The difficulty is presumably due to the fact that on this reading *q* (what the agent actually says) and *p* (what the agent really wants to “say”, or clarify) are themselves not so clearly distinguished. Therefore, counts for the imperfective are not reported (cf. Table 1).

To summarize, while the explanandum reading is reliably attested in the corpus, it is rather marked and may not be easily available for the speakers unless cued by manner or instrumental phrases. We also saw that at least in Russian the explanandum reading has a previously unrecognized “subjective” variety. This reading may be not so clearly distinguished from the explanans reading, especially with the imperfective aspect, which requires further study.

4. Experimental study

4.1. Hypotheses and design

The goal of the study was to test whether argument extraction from *čto*-clauses with the explanandum reading (in a general sense) is indeed prohibited, in contrast to explanans clauses with *ob’jasnit’* ‘explain’ and other similar verbs. Sentences without extraction were included in the design to ensure that explanandum *čto*-clauses as such are acceptable to speakers. In addition, sentences with nominalized (*to*, *čto*) clauses were also included to serve as baseline for ungrammatical extraction. All these factors were fully crossed, leading to a $2 \times 2 \times 2$ factorial design, as in (14).

⁷ For example, the CP in (i) is probably understood as something that the officer was actually saying to make something else clear (perhaps that our plan is not viable). Yet, it cannot be excluded that it is the CP itself that required clarification. In fact, in some cases the meaning of the sentence is so uncertain as to suggest that this is a case of vagueness rather than ambiguity.

- (i) *Sotrudniki kreditnogo otdela <...> bityj čas ob’jasnjali nam,*
 employers loan department.GEN beaten hour explained us.DAT
čto dlja zaloga kvartiry neobxodim vyezd èksperta na mesto... (RNC)
 that for pledge apartment.GEN necessary visit expert.GEN on site
 ‘Loan officers spent the whole hour explaining to us that in order to pledge the apartment we need an on-site visit of an expert’

Interesting in this connection are examples with deontic modals (especially under negation and question operators) such as ‘no need to explain CP’, ‘do I need to explain CP?’, which occurred multiple times in the sample. Such sentences can be read either as ‘I don’t need to say CP to explain some more general (implied) thing *p*’ or as ‘I don’t need to clarify CP with *q* further as it is self-evident’.

- (14) a. {*Direktora sprosili, počemu on vyzval odnu iz sotrudnic*
 director.ACC asked why he called one.ACC of employers
v kabinet.} *On ob''jasnil (to), čto ee neobxodimo*
 to room he explained that.ACC that her necessary
uvolit'.
 fire.INF
 ‘{The director was asked why he called one of the employers to his
 room.} He explained that it was necessary to fire her.’
 [EXPLANANS | ± TO | NO EXTRACTION]

- b. {*Direktora sprosili, počemu on vyzval odnu iz sotrudnic*
 director.ACC asked why he called one.ACC of employers
v kabinet. On ob''jasnil, čto ee neobxodimo uvolit'.}
 to room he explained that her necessary fire.INF
Kogo on ob''jasnil (to), čto neobxodimo uvolit' __?
 who.ACC he explained that.ACC that necessary fire.INF
 ‘{The director was asked why he called one of the employers to his
 room. He explained that it was necessary to fire her.} Who did he ex-
 plain that it was necessary to fire __?’
 [EXPLANANS | ± TO | EXTRACTION]

- c. {*Direktor skazal, čto odna iz sotrudnic zanimalas'*
 director said that one of employers was.engaged
korporativnym špionažem.} *Ètim on ob''jasnil, čto ee*
 corporate espionage.INS this.INS he explained that her
neobxodimo uvolit'.
 necessary fire.INF
 ‘{The director said that one of the employers was engaged in corporate
 espionage.} By saying this, he explained that it was necessary to fire her.’
 [EXPLANANDUM | ± TO | NO EXTRACTION]

- d. {*Direktor skazal, čto odna iz sotrudnic zanimalas'*
 director said that one of employers was.engaged
korporativnym špionažem. Ètim on ob''jasnil, čto ee
 corporate espionage.INS this.INS he explained that her

neobxodimo uvolit'.} *Kogo on ètim ob''jasnil, èto*
 necessary fire.INF who.ACC he this.INS explained that

neobxodimo uvolit' _ ?
 necessary fire.INF

{The director said that one of the employers was engaged in corporate espionage. By saying this, he explained that it was necessary to fire her.} Who did he explain that it was necessary to fire _ by saying this?'

[EXPLANANDUM | ± TO | EXTRACTION]

An important feature of the design was the use of linguistic cues such as instrumental/manner phrases to force (or encourage) the explanandum reading (see (14) below). This move may be objectionable on the grounds that it departs from Bondarenko's own examples like (3) and thus constitutes a weaker test of her hypothesis. However, ensuring that the CP has an explanandum reading in the absence of such cues may be problematic, especially considering another feature of the design, namely that the content of the CP was kept constant across the two readings (i.e. the CP was in principle compatible with either reading). The results suggested that the contextual manipulation was indeed successful.

The target sentence in the no extraction condition was always preceded by a lead-in sentence (in curly brackets) to provide an antecedent for either what was said as an explanation, comment, etc. (in the explanandum reading) or what was to be explained/commented on, etc. (in the explanans reading). In the extraction conditions, the target sentence was preceded by the same lead-in sentence as in the corresponding no-extraction conditions and also by the target sentence from the no-extraction condition with a *èto*-clause. The latter was done to set up a context for extraction from a declarative clause, which may sound rather unnatural out of the blue. The strategy was to use the corresponding declarative sentence as a preamble so that the long distance extraction may sound like an echo question (of the "request for repetition" variety). While echo questions have their own special properties (see e.g. [Chernova 2015]), I consider this orthogonal to the issue at hand, as the examples had overt wh-movement and were expected not to differ from ordinary wh-movement and to show island effects (which they indeed did, as was shown by ungrammatical baselines).

4.2. Materials

Four verbs with the explanans/explanandum ambiguity shown in (15) were selected from [Bondarenko 2022] for the experiment, mainly based on what verbs she herself uses in her examples.⁸

(15) *ob”jasnit’* ‘explain’, *argumentirovat’* ‘argue’, *prokomentirovat’* ‘comment’,
obosnovat’ ‘justify’

With each verb in (15), two 8-condition item sets were constructed, as in (14).^{9,10} The explanandum reading was cued by the proform *ètim* ‘this.INS’ with *ob”jasnit’* ‘explain’ and *argumentirovat’* ‘argue’; by the manner proform *nikak* ‘nohow’ of the *ni*-series (with the sentential negation) with *prokomentirovat’* ‘comment’; and by the adverb *podrobno* ‘in detail’ with *obosnovat’* ‘justify’. In all items, the extracted element was an argument, *kogo* ‘whom.DAT’ in 5 items, *čemu* ‘what.DAT’ in 2 items (with *argumentirovat’* ‘argue’ and *obosnovat’* ‘justify’) and *na čto* ‘on what’ in 1 item (with *obosnovat’* ‘justify’). The non-uniformity of the cues and the extractees across verbs was partly motivated by the desire to make items more variable so as to avoid participant fatigue and strategic responses, as well as by practical considerations when constructing examples. It was also thought unproblematic given that the relevant features were kept constant within items (even so, it may make possible differences between verbs more difficult to interpret).

The 64 experimental sentences were distributed across 8 experimental lists in a Latin Square design, such that each participant saw one item from each 8-condition item set and one item in each of the 8 conditions. The experimental sentences were interspersed in a randomized (separately for each participant) order with 18 filler sentences, including 2 practice items in the beginning of the questionnaire, which were not marked as such.¹¹

Fillers included 6 sentences with argument extraction: a) 2 with extraction from *čto*-clauses of nonfactives *dumat’* ‘think’ and *predpolagat’* ‘suppose’, which

⁸ Other verbs from [Bondarenko 2022] are *odobrit’* ‘approve’, *ocenit’* ‘evaluate’, *prointerpretirovat’* ‘interpret’, *utočnit’* ‘clarify’, *zametit’* ‘note’.

⁹ The experimental sentences (with the mean ratings) are provided in Appendix A, which can be found at <https://osf.io/bdtha/>.

¹⁰ Two extraction sentences in the explanandum condition with item 5 (with *prokomentirovat’* ‘comment’) had a typo (*on* ‘he’ instead of *ne* ‘not’) and were excluded from the main analysis.

¹¹ The filler sentences (with the mean ratings) are provided in Appendix A, which can be found at <https://osf.io/bdtha/>.

served as baseline for acceptable long-distance extraction; b) 2 with extraction from *čto*-clauses of cognitives factives *ponjat* ‘understand’ and *osoznat* ‘realize’, which explored possible differences between the explanandum clauses with the *explain* class and “ordinary” factive complements; c) extraction from complex NPs, which served as baselines for unacceptable extraction. There were also 6 acceptable fillers. Four of them had *čto*-clause complements (with the explanans-type reading) of different nonfactive verbs that were not used in the experimental sentences and were meant to resemble the verbs in (15). The remaining two had *to*, *čto*-clause complements in the accusative complement position with verbs that require them (*otnesti* ‘attribute’, *privesti* ‘cite’). Finally, there were 4 unacceptable fillers. Two of them had *čto*-clauses with verbs that require *to*, *čto*-clauses (*menjat* ‘change’, *nazvat* ‘name’); the other two had *to*, *čto*-clauses with verbs that require *čto*-clauses in standard Russian (*dumat* ‘think’ and *predpolagat* ‘suppose’). All fillers were preceded by one or two (in the case of fillers with extraction) preamble sentences similar to the experimental items so that they could not be easily distinguished from the latter.

4.3. Procedure and participants

Participants were asked to read the fragments and rate on a 7-point scale the naturalness of the last (target) sentence. The preamble sentences were given in italics and graphically separated from the target sentences. Two fragments, one with an acceptable and the other with an unacceptable target sentence, were given as an illustration with suggested ratings.

The experiment was hosted on PCIBex Farm (<https://farm.pcibex.net/>) and was completed by 72 participants (mean age 26.9), recruited via social media, with a large share of linguistics/philology students.¹²

4.4. Analysis and predictions

The z-score transformed results were analyzed statistically using linear mixed-effects models as implemented by the *lmerTest* package for R (Kuznetsova et al. 2017). As fixed effects, the model included *reading* (explanans vs explanandum), *sentence type* (declarative vs extraction) and *complement type* (*čto*-clause vs *to*, *čto*-clause), treatment-coded with the first factor as baseline, and all their interactions. As random effects, the model included subject and item, as well as by-item slope for reading and by-subject slopes for sentence type and comple-

¹² The experiment itself can be found at: <https://farm.pcibex.net/p/TsRraX/>.

ment type (models including more random effects did not converge or lead to a singular fit).^{13,14} In Section 4.5.2 below, I report the coefficients of the model, understood as the effect of some predictor or a combination of several predictors relative to the baseline condition (i.e. declarative explanans *čto*-clauses).

Bondarenko's analysis in (5) predicts an interaction between reading and extraction, such that extraction should be worse for *čto*-clauses with the explanandum reading compared to the explanans reading. It also predicts the effect of complement type and an interaction between complement type and reading, such that explanans complements should be worse with *to*, *čto*-clauses compared to *čto*-clauses (in the declarative condition), whereas explanandum complements should show no similar effect.

In addition to the main tests of the hypothesis, pairwise comparisons involving simpler models were also performed to further probe into the source of the interactions.

4.5. Results

4.5.1. Fillers

The results for the filler sentences are given in Table 2.

Table 2. Mean raw and standardized (z-score) ratings by filler type

filler type	mean raw rating (SD)	mean z-score rating (SD)
acceptable: <i>čto</i>	5.65 (2.05)	0.71 (0.95)
acceptable: <i>to</i> , <i>čto</i>	6.04 (1.45)	0.89 (0.58)
unacceptable: <i>čto</i>	3.59 (1.73)	-0.21 (0.72)
unacceptable: <i>to</i> , <i>čto</i>	3.94 (1.81)	-0.05 (0.70)
extraction: nonfactive	4.39 (2.08)	0.13 (0.80)
extraction: factive	3.64 (2.02)	-0.19 (0.73)
extraction: complex NP	1.62 (1.17)	-1.13 (0.46)

¹³ In cases where the model converged with either of the slopes but not with both, I chose the slope that lead to a lower p-value in a likelihood-ratio test (implemented by the anova function) comparing a given model with the same model without the slope (see [Sonderegger 2023] for discussion).

¹⁴ The full model specification is: $rating.zscore \sim reading * sentence.type * complement.type + (1 + reading | item) + (1 + complement.type + sentence.type | subject)$.

As we can see, participants were able to distinguish acceptable from unacceptable fillers. At the same time, unacceptable fillers received only intermediate ratings, presumably owing to the fact that the relevant sentences are sometimes attested in nonstandard and colloquial registers. Because of the concerns with possible dialectal or register variation in the results, I report the analysis both for all the participants and for a subset of participants ($N = 47$) (see Section 4.5.4).

4.5.2. Experimental sentences: All participants

The condition means (with standard errors) for the experiment are given in Table 3 and on the interaction plot in Figure 1.

Table 3. Mean raw and standardized (z-score) ratings (with standard errors) by reading, sentence type and complement type

reading	sentence type	complement type	mean raw rating (SE)	mean z-score rating (SE)
explanans	declarative	<i>čto</i>	5.37 (0.07)	0.57 (0.08)
		<i>to, čto</i>	3.68 (0.08)	-0.17 (0.07)
	extraction	<i>čto</i>	2.99 (0.11)	-0.48 (0.07)
		<i>to, čto</i>	1.72 (0.08)	-1.07 (0.04)
explanandum	declarative	<i>čto</i>	5.60 (0.06)	0.68 (0.06)
		<i>to, čto</i>	5.34 (0.06)	0.56 (0.07)
	extraction	<i>čto</i>	2.24 (0.11)	-0.86 (0.06)
		<i>to, čto</i>	1.81 (0.09)	-1.07 (0.05)

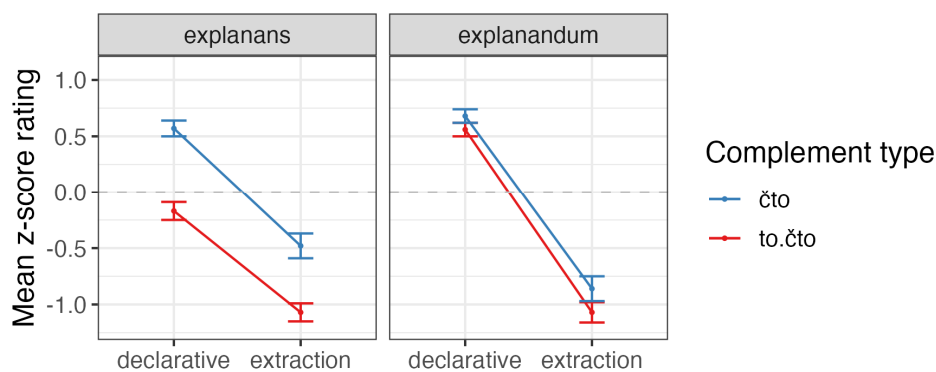

Figure 1. Mean z-score ratings (with standard errors) for the experimental conditions

The condition means and visual inspection of the plot suggest that extraction from *čto*-clauses was indeed worse for the explanandum (-0.86) compared to the explanans (-0.48) reading and was only slightly better than extraction from *to*, *čto*-clauses (-1.07), which did not differ across readings. This is in line with Bondarenko's analysis. We also see that with the explanans reading *to*, *čto*-clauses were rated lower compared to *čto*-clauses in the declarative condition, whereas there was no such contrast for the explanandum reading, again in line with the hypothesis. At the same time, *to*, *čto*-clauses did not lead to full unacceptability with explanans clauses but were rated in the middle of the scale, presumably due to the influence of nonstandard/colloquial registers.

These results were supported by linear-mixed effects models.¹⁵ The main model showed the effect of extraction ($\beta = -1.05$, $SE = 0.11$, $p < 0.001$), such that extraction (from explanans *čto*-clauses) was rated lower compared to the declarative condition. There was also the effect of *to*, *čto*-clauses ($\beta = -0.72$, $SE = 0.09$, $p < 0.001$), such that *to*, *čto*-clauses were rated lower compared to *čto*-clauses (in the declarative condition with explanans complements), in line with Bondarenko's analysis. This effect was qualified by the interaction between *to*, *čto*-clauses and the explanandum reading ($\beta = 0.62$, $SE = 0.10$, $p < 0.001$), showing that the negative effect of *to*, *čto*-clauses (observed with explanans complements) was largely cancelled with explanandum complements, again in line with the analysis. The effect was further confirmed by a simplified model for *to*, *čto*-clauses in the declarative condition, which showed that *to*, *čto*-clauses were rated higher on the explanandum compared to the explanans reading ($\beta = 0.76$, $SE = 0.17$, $p = 0.006$).

Most importantly, the main model showed an interaction between extraction and the explanandum reading ($\beta = -0.49$, $SE = 0.10$, $p < 0.001$), such that extraction was worse with the explanandum reading, in line with the analysis. A simplified model only for extraction from *čto*-clauses further showed that extraction from explanandum complements was rated lower compared to explanans complements ($\beta = -0.33$, $SE = 0.07$, $p < 0.001$).

The effect of the explanandum reading was not significant ($\beta = 0.11$, $SE = 0.10$, $p = 0.31$), showing that participants reliably rate *čto*-clauses on the explanandum reading in the declarative condition just as high as on the explanans reading, confirming Bondarenko's assessment. There was also a mar-

¹⁵ Full model output for the main model is provided in Appendix C, which can be found at: <https://osf.io/bdtha/>.

ginally significant interaction between extraction and *to*, *čto*-clauses ($\beta = 0.17$, $SE = 0.10$, $p = 0.09$), suggesting that extraction from explanans *to*, *čto*-clauses tended to be rated slightly higher than expected based on the independent dis-preference for *to*, *čto*-clauses and for extraction combined. This tendency presumably reflects the fact that the relevant condition was already rated at the very low end of the scale such that participants cannot perceive and register further degradation.

Finally, there was a marginal three-way interaction ($\beta = -0.25$, $SE = 0.15$, $p = 0.09$) due to a trend towards lower ratings for extraction with *to*, *čto*-clauses in the explanandum reading (which was in the opposite direction or absent with the explanans reading), possibly suggesting that overt D^0 may lead to a slightly stronger island effect than a null D^0 . Indeed, a simplified model for extraction from explanandum complements showed a lowering effect of *to*, *čto*-clauses on extraction ($\beta = -0.19$, $SE = 0.06$, $p = 0.002$).

To summarize, Bondarenko's analysis of explanandum complements as embedded in a null DP-shell and of explanans complements as bare CPs was generally confirmed, although intermediate ratings for *to*, *čto*-clauses with explanans complements require further investigation (see Section 4.5.4).

4.5.3. *By-verb analysis*

The analysis by individual verbs given in Figure 2 aligns with the general pattern observed in Figure 1.

The only clear outlier is the verb *obosnovat'* 'justify', where the two readings showed a rather similar pattern, which appears to be intermediate between the average pattern shown by the explanans and the explanandum complements, with a noticeable but rather small effect of *to*, *čto*-clause across the two sentence types. It is natural to assume that participants did not distinguish between the two discourse contexts, treating *both* contexts either as explanans or as explanandum. The latter possibility seems more likely. One reason is that the explanandum reading was cued by the adverb *podrobno* 'in detail', whereas the explanans reading was not specifically cued and was in principle pragmatically compatible with the explanandum reading. For example, while the CP in the target sentence in (16) is more naturally read as a justification of the governor's proposal, it can also be interpreted as some new proposition that the governor justifies using some further justification in order to justify said proposal.

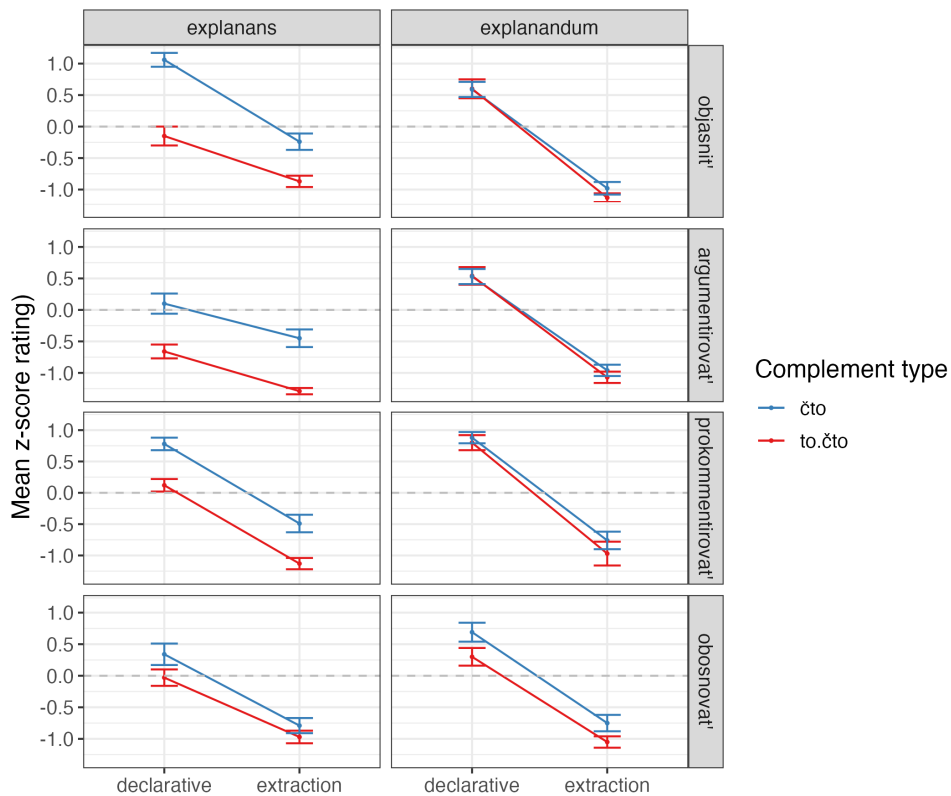

Figure 2. Mean z-score ratings (with standard errors) for the experimental conditions broken down by verb

(16) {*Nesmotrja na bol'šoj bjudžet meroprijatija, gubernator*
 despite on good budget event.GEN governor

predložil provesti sosevnovanija v Permskom Krae.}
 proposed hold.INF competition.ACC in Perm Region

On obosnovat, čto oni budut sposobstvovat' sotrudničestvu
 he justified that they will promote.INF cooperation.DAT

meždu regionami.
 between regions

'{Despite the large budget of the event, the governor proposed to hold the competitions in Perm Region.} He reasoned that they would promote co-operation between the regions.'

The second reason is that in the corpus *obosnovat* 'justify' occurs predominantly if not exclusively with the explanandum reading (which is strikingly different from what we saw with *ob"jasnit* 'explain'; see Section 3). For example, in RNC texts written after 1951 in all of the 27 examples with *obosnovat* 'justify' followed by a *cto*-clause complement, the complement is an explanandum.

Jointly, this suggests that there is strong bias for the explanandum reading with this verb which apparently won over any bias suggested by the context, resulting in the lack of contrast between the two readings in the results for *obosnovat* ‘justify’.

Interestingly, *argumentirovat* ‘argue’ seems to share with *obosnovat* ‘justify’ a general dispreference for the explanans reading (cf. the rating for a *čto*-clause in the middle of the scale), it shows a different overall pattern, suggesting that speakers can still distinguish between the two readings. As for *ob’jasnit* ‘explain’ and *prokomentirovat* ‘comment’, their pattern resembles the average pattern in Figure 1 most, although we may also note that *ob’jasnit* ‘explain’ showed a slight preference for explanans (compared to explanandum) *čto*-clauses, which speakers found particularly natural. This is consistent with the corpus data discussed in Section 3.

4.5.4. Experimental sentences: participants with standard responses

To tap into the question of how possible inter-participant variation may have affected the results, I performed an additional analysis for 47 participants who distinguished between unacceptable and acceptable fillers, operationalized as those whose raw rating for each group of acceptable fillers was at least 1 point above the rating for each group of unacceptable fillers (see Section 4.4). This criterion should exclude speakers of nonstandard/colloquial registers for whom *to*, *čto*-clauses with nonfactive verbs are fully acceptable and at the same time ensure that the participant gave standard responses for the other filler conditions. The results for this group are summarized in Figure 3.

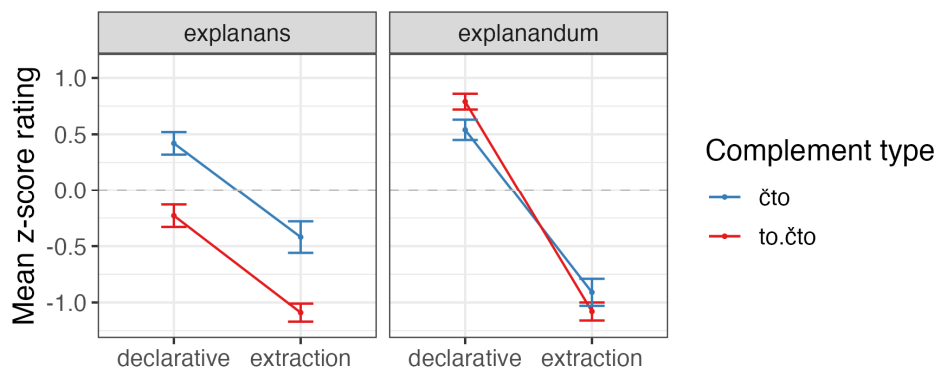

Figure 3. Mean z-score ratings (with standard errors) for the experimental conditions

A linear mixed-effect model showed largely similar results to the analysis for all participants, except that there was a reliable three-way interaction ($\beta = -0.47$, $SE = 0.17$, $p = 0.007$), suggesting that *to*, *čto*-clauses were associated with a stronger lowering effect of extraction with explanandum complements (as can

be seen by the steeper slope of the red line on the right panel of Figure 3) compared to explanans complements; also, the two-way interaction between *to*, *čto*-clauses and extraction (for explanans complements) was not significant ($p = 0.42$).¹⁶ A separate model for explanandum complements further confirmed the presence of an interaction ($\beta = -0.41$, $SE = 0.09$, $p < 0.001$). Pairwise comparisons revealed that the interaction arises because *to*, *čto*-clauses decrease the acceptability of extraction compared to *čto*-clauses ($\beta = -0.16$, $SE = 0.05$, $p = 0.001$) and at the same time increase the acceptability of declarative sentences ($\beta = 0.24$, $SE = 0.11$, $p = 0.03$). The interaction may partly stem from the fact that *overt* D^0 leads to a stronger island effect compared to a *null* D^0 , although this interaction must be interpreted with caution given that it is mostly due to the verb *ob’jasnit’* ‘explain’ (see by-verb results in Figure in the Appendix B at <https://osf.io/bdtha/>). The fact that the three-way interaction did not reach significance in the all-participants analysis is likely due to the fact that the exclusion of participants with nonstandard responses (which includes participants who were not sufficiently attentive to the task) reduced the amount of noise in the results, leading to more power to detect the effect.

Interestingly, despite the exclusion procedure *to*, *čto*-clauses with declarative explanans complements were still rated in the middle of the scale, suggesting that participants are fundamentally uncertain as to the status of such structures, which may reflect an ongoing grammatical change.¹⁷

5. Discussion and conclusion

The results showed that extraction from explanandum *čto*-clauses (with the mean rating of -0.86) was indeed unacceptable in contrast to extraction from explanans *čto*-clauses (with the mean rating of -0.48), which was only mildly unacceptable. This supports Bondarenko’s analysis in (5), according to which explanandum complements are encased in a null DP layer (reflecting their status as semantic arguments) in contrast to explanans complements, which are bare CPs (reflecting their status as modifiers/predicates).

The mildly unacceptable ratings for explanans *čto*-clauses can be traced to a general dispreference for extraction from *čto*-clauses (see e.g. [Khomitsevitch 2007; Bailyn 2020; Lyutikova, Gerasimova 2021; Knyazev 2023]). Indeed, extraction from *čto*-clause complements of nonfactive verbs *dumat’* ‘think’ and

¹⁶ The full model output is provided in Appendix C, which can be found at: <https://osf.io/bdtha/>.

¹⁷ This is confirmed by the inspection of individual ratings for this condition, which shows a unimodal distribution with a peak around -0.5 and rather thick tails.

predpolagat' 'suppose' in the fillers, which served as a baseline for acceptable extraction from *čto*-clause, were rated only slightly above the middle of the scale (0.13). This still raises the question why extraction from explanans complements of the *explain*-class was less acceptable compared to *dumat'* 'think' / *predpolagat'* 'suppose', given the hypothesized similarity of structure. One possibility is that the latter verbs are more frequent, which should lead to speakers having more experience with the relevant structure in the input (especially the structure without an overt C⁰) and thus giving higher naturalness ratings; cf. [Liu et al. 2022] for an explanation using this logic. The other, related, possibility is that the latter verbs have a simpler meaning, which leads to easier processing.

The other prediction of Bondarenko's analysis, namely, that explanans complements should be incompatible with overtly nominalized clauses (by hypothesis, DPs) was only partly confirmed: such structures were more degraded compared to bare *čto*-clauses but still were rated only slightly below the midpoint (-0.17). However, as I mentioned above, there are nonstandard/colloquial dialects where *to*, *čto*-clauses basically have the distribution of *čto*-clauses, which lead some authors to analyze *to*, *čto* as a reanalyzed C⁰ (see e.g. [Korotaev 2016], and also [Knyazev, Ustinova 2023] for further discussion). To the extent that *to*, *čto*-clauses commonly occur with nonfactive speech/belief verbs in the input (at least of a younger generation), speakers, including those who recognize them as nonstandard, may be uncertain as to their acceptability status.

The results of the experiment also confirmed the basic premise of Bondarenko's analysis, which was also supported by the corpus study, namely that *čto*-clauses are in principle compatible with the explanandum reading. At the same time, the results also showed that at least for *ob''jasnit'* 'explain' there is a slight preference for *to*, *čto*-clauses (relative to *čto*-clauses) with explanandum complements, as well as a preference for the explanans reading with *čto*-clauses compared to the explanandum reading. Again this was reflected in the results of the corpus study, which showed that the explanandum reading is much less frequent and is rather marked, at least without contextual cues. Relatedly, an important limitation of the present study is that I only tested explanandum complements *with* contextual cues in the form of manner/instrumental phrases. Therefore, it remains to be experimentally confirmed that without such cues speakers can still obtain the explanandum reading with *čto*-clauses (at least with verbs where it is potentially problematic, such as *ob''jasnit'* 'explain').

Further aspects of the results were not predicted by Bondarenko's analysis, without, however, contradicting it. First, there was some evidence that extraction from overtly nominalized explanandum complements may be more de-

graded compared to complements without an overt nominalizer, at least for the verb *ob”jasnit’* ‘explain’. The effect is consistent with other experimental work showing the lowering effect of *to*, *čto*-clauses on extraction from complements of emotive factive predicates (see [Knyazev 2023]). Second, the status of the verb *obosnovat’* ‘justify’ as compatible with the explanans reading requires more study.

Turning to a more general assessment of Bondarenko’s theory (see Section 2) in light of the experimental results, one potentially problematic point concerns the status of (argument) extraction from cognitive factive predicates. As the results for the fillers show, such extraction (with predicates *ponjat’* ‘understand’/*osoznat’* ‘realize’) was rated only slightly below the midpoint (–0.17), in fact higher than extraction from explanans complements of the *explain* class (–0.48) and not much lower than extraction from nonfactive complements with *dumat’* ‘think’/*predpologat’* ‘suppose’ (0.13). This would suggest that such complements are bare CPs and hence semantically modifiers, the possibility that Bondarenko herself entertains for other emotive factive verbs such as *gordit’sja* ‘be proud’, the idea being that the CP with such predicates may be interpreted as the content of what the subject thought while feeling proud, etc. [Bondarenko 2022: 338]. It is doubtful, however, that this analysis is easily applicable to cognitive factives like ‘realize’, whose complements resemble explanandum complements and are expected to combine via an argument path (hence should be DPs). Unfortunately, Bondarenko does not discuss extraction from *čto*-clauses of (ordinary) cognitive factives, so it is unclear what her response would be.¹⁸

One possible solution to explore is to assume that CPs (which are of the type $\langle e,t \rangle$) can (or perhaps must) compose with attitude verbs by the operation Restrict (see e.g. [Chung, Ladusaw 2004; Srinivas, Legendre 2024]) by way of

¹⁸ As [Bondarenko 2022:329–330] herself notes, a similar problem arises with extraction from subjunctive complements of cognitive factive verbs including *pomnit’* ‘remember’ under negation, as in (i), which is allowed despite the presence of a null DP layer. Bondarenko proposes a solution along the lines of [Erlewine 2016], having to do with the bundling of the D^0 and C^0 heads (and thereby avoiding Anti-Locality), at the same time leaving as a problem why this solution does not work with declarative complements. A technical solution along the same lines perhaps can be explored for complements of *ponjat’* ‘understand’/*osoznat’* ‘realize’, but it is not very explanatory.

(i) *Kogo Katja ne pomnit, [D⁰ čtoby Ira priglašala _]?*
 who.ACC Katya not remembers that.SUBJ Ira invited
 ‘Who does Katya not remember Ira inviting?’ [Bondarenko 2022:329]

predicating the denotation of the CP of the (existentially quantified) internal argument, as suggested by [Stephen 2022].¹⁹ This would allow to avoid postulating an obligatory DP-layer for cognitive factives like *ponjat* ‘understand’/ *osoznat* ‘realize’, which does not seem to be consistent with their extraction profile, at the same time circumventing the otherwise necessary conclusion that the latter verbs are associated with two different argument structures on a par with *explain* verbs, which is intuitively implausible. However, a potential problem is how to capture factivity/presuppositionality of verbs like *ponjat* ‘understand’ / *osoznat* ‘realize’ *without* the presence of a DP-layer (encoding definiteness/familiarity).

Finally, the results of the corpus study showed that the difference between the explanans and the explanandum readings may not be as transparent as it might seem, especially with the imperfective version of ‘explain’. It remains to be seen whether what was called “subjective” explanandum readings, which do not require a factive implication, can be accommodated as a subtype of the explanandum reading or should be analyzed as a separate reading.

Abbreviations

2 — 2nd person; ACC — accusative; DAT — dative; GEN — genitive; INF — infinitive; INS — instrumental; PRT — particle; SG — singular; SUBJ — subjunctive mood.

References

- Anand, Hacquard 2009 — Anand P., Hacquard V. Epistemics with attitude. *Proceedings of SALT 18*. Friedman T., Ito S. (eds.). Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009. Pp. 37–54.
- Bailyn 2020 — Bailyn J. The scrambling paradox. *Linguistic Inquiry*. 2020. Vol. 51. No. 4. Pp. 635–669.
- Bondarenko 2021 — Bondarenko T. How do we explain that CPs have two readings with some verbs of speech? Harley, Heidi B; Romero Diaz, Damian Yukio; Whitney, Rebecca M; Ni, Tianyi; Yu, Jianrong; Hall Hartley, Lucy Jane; et al. (2021). 39th West Coast Conference on Formal Linguistics. University of Arizona Research Data Repository. Collection. <https://doi.org/10.25422/azu.data.c.5325401.v2>
- Bondarenko 2022 — Bondarenko T. *Anatomy of an attitude*. PhD dis. MIT, 2022.
- Chernova 2015 — Chernova E. *The syntax of wh-movement in multiple (true and echo) questions: A Q-particle approach*. PhD dis. Universitat de Girona, 2015.

¹⁹ Bondarenko mentions this possibility but rejects it on the grounds that it predicts verbs to be allowed to combine first with the CP (by Restrict) and then with the DP (by ordinary Function Application), which does not seem to be attested [Bondarenko 2022: 231]. However, it may also be explained as a result of a grammaticalized processing tendency (cf. [Hawkins 2014]).

- Chung, Ladusaw 2004 — Chung S., Ladusaw W.A. *Restriction and saturation*. Cambridge, MA: MIT Press, 2004.
- Djävrv 2023 — Djävrv K. 2023. Knowing and Believing Things: What DP-Complementation Can Tell us about the Meaning and Composition of (Factive) Attitudes. *Journal of Semantics*. Vol. 40. Pp. 179–233.
- Elliott 2017 — Elliott P.D. *Elements of clausal embedding*. PhD dis. UCL (University College London), 2017.
- Erlewine 2016 — Erlewine M.Y. Anti-locality and optimality in Kaqchikel Agent Focus. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2016. Vol. 34. Pp. 429–479.
- Hartman 2012 — Hartman J. *Varieties of clausal complementation*. PhD diss. MIT, 2012.
- Hawkins 2014 — Hawkins J.A. 2014. *Cross-linguistic variation and efficiency*. Oxford: Oxford University Press.
- Kallulli 2006 — Kallulli D. Triggering factivity: Prosodic evidence for syntactic structure. *Proceedings of the 25th West Coast Conference on Formal Linguistics*. Baumer D., Montero D., Scanlon M. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2006. Pp. 211–219.
- Kastner 2015 — Kastner I. Factivity mirrors interpretation: The selectional requirements of presuppositional verbs. *Lingua*. Vol. 164. Pp. 156–188.
- Khomitsevich 2007 — Khomitsevich O. *Dependencies across Phases: From sequence of tense to restrictions on movement*. PhD dis. Utrecht University, 2007.
- Knyazev 2022a — Knyazev M. Spanning complement-taking verbs and spanning complementizers: On the realization of presuppositional clauses. *Journal of Linguistics*. 2022. Vol. 58. No. 4. Pp. 887–899.
- Knyazev 2022b — Knyazev M. Factivity and information status as determinants of the distribution of nominalized clauses. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2022. Vol. 5, iss. 1. Pp. 35–55.
- Knyazev 2023 — Knyazev M. An experimental study of argument extraction from presuppositional clauses in Russian. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (2023)*. Vol. 22. Pp. 242–252.
- Knyazev, Ustinova 2023 — Knyazev M., Ustinova I. The role of case and presuppositionality in the distribution of *to čto*-clauses in colloquial Russian: an experimental study. *Russian Linguistics*. 2023. Vol. 47, No. 1. Pp. 87–121.
- Korotaev 2016 — Korotaev N.A. The conjunction *to čto* in spoken Russian. *Acta Linguistica Petropolitana*. Vol. 13. No. 1. Pp. 101–106.
- Kuznetsova et al. 2017 — Kuznetsova A., Brockhoff P. B., Christensen, R.H.B. lmerTest Package: Tests in Linear Mixed Effects Models. *Journal of Statistical Software*. 2017. Vol. 82. No.13. Pp. 1–26.
- Liu et al. 2022 — Y. Liu, R. Ryskin, R. Futrell, E. Gibson. A verb-frame frequency account of constraints on long-distance dependencies in English. *Cognition*. 2022. No. 222. Pp. 1–17.
- Lyutikova, Gerasimova 2021 — Lyutikova E.A., Gerasimova A.A. (eds.). *Russkiye ostrova v svete eksperimentalnykh dannykh. Kollektivnaya monografiya* [Russian islands in the light of experimental data. Joint monograph]. Moscow: Buki-Vedi, 2021.
- Moulton 2015 — Moulton K. CPs: Copies and compositionality. *Linguistic Inquiry*. 2015. Vol. 46. No. 2. Pp. 305–342.
- Pietroski 2000 — Pietroski P. On explaining that. *The Journal of philosophy*. 2000. Vol. 97. No. 12. Pp. 655–662.
- Roelofson, Uegaki 2021 — Roelofsen F., Uegaki W. Searching for a universal constraint on the denotation of clause-embedding predicates. Joseph Rhyne, Kaelyn Lamp, Nicole Dreier, and Chloe Kwon (2021.), *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 30*. Pp. 542–561. <https://doi.org/10.3765/salt.v30i0.4834>

- Sonderegger 2023 — Sonderegger M. *Regression modeling for linguistic data*. Cambridge, MA: MIT Press, 2023.
- Sprouse et al. 2016 — Sprouse J., Caponigro I., Greco C., Cecchetto C. Experimental syntax and the variation of island effects in English and Italian. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2016. Vol. 34. No. 1. Pp. 307–344.
- Srinivas, Legendre 2024 — Srinivas S., Legendre G. Does D select the CP in light verb constructions? A reply to Hankamer & Mikkelsen (2021). *Linguistic Inquiry*. 2024. Vol. 55. No. 3. Pp. 595–621.
- Stephen 2022 — Stephen T. *The semantics of nominal and clausal embedding*. PhD dis. University of Edinburgh, 2022.

Статья поступила в редакцию 06.10.2024; одобрена после рецензирования 02.11.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was received on 06.10.2024; approved after reviewing 02.11.2024; accepted for publication 12.11.2024.

Михаил Юрьевич Князев

PhD; Институт лингвистических исследований РАН / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург / МГУ имени М.В. Ломоносова

Mikhail Knyazev

Ph.D.; Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences / HSE University, St. Petersburg / Lomonosov Moscow State University

misha.knjazev@gmail.com

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2024.23.59.003

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА НЕДОСТАТОЧНОГО ГЛАГОЛА *жїwч* ‘ЛЮБИТЬ’ В ШУГНАНСКОМ ЯЗЫКЕ*

М.Г. Меленченко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация: «Недостаточный» глагол *жїwч* ‘любить’ в шугнанском языке имеет только основу Перфекта, но не имеет основ Презенса и Претерита. Вместо них в этих временах используются сложные глаголы со вспомогательными глаголами *чїdow* ‘делать’ и *видow* ‘быть’. В статье предпринята попытка описать распределение трёх конструкций: самостоятельного *жїwч* и двух сложных глаголов с его участием, а также проверить наличие у этого слова именных свойств. Показано, что в самостоятельном употреблении *жїwч* действительно в большей степени проявляет Перфектные, а не именные свойства, а характер распределения между конструкциями может быть мотивирован сходством *жїwч* со стативно-перфектными глаголами, также использующими Перфект для обозначения состояния в настоящем времени.

Ключевые слова: любить, шугнанский язык, стативные глаголы, глаголы психологического состояния, сложные глаголы, переходность

Для цитирования: Меленченко М.Г. Синтаксические свойства недостаточного глагола *жїwч* ‘любить’ в шугнанском языке // Типология морфосинтаксических параметров. 2024. Том 7, вып. 1. С. 64–88.
doi:10.37632/PI.2024.23.59.003

* Автор благодарен всем носительницам и носителям шугнанского, которые поделились знаниями о своём родном языке, коллегам по памирскому проекту и другим знакомым лингвистам и лингвисткам, чьи советы были бесценны при подготовке этой статьи: Д.Г. Чистяковой, А.О. Бадееву, С.К. Михайлову и А.А. Сергиенко, а также анонимным рецензентам журнала «Типология морфосинтаксических параметров» за ценные комментарии.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

SYNTACTIC PROPERTIES OF THE DEFECTIVE VERB *žiwj* ‘LOVE’ IN SHUGHNI*

Maksim Melenchenko

HSE University

Abstract: “Defective” verb *žiwj* ‘love’ in Shughni only has the Perfect stem, but lacks Present and Preterite stems. Instead, to express these tenses, Shughni uses complex verbs with auxiliary verbs *čidow* ‘do’ and *vidow* ‘be’. This paper attempts to describe the distribution of three constructions: the independent *žiwj* and the two complex verbs which use it, as well as to test whether this word has nominal properties. It is shown that in independent use *žiwj* actually exhibits more properties of a Perfect verb form than of a nominal, and the distribution between constructions may be motivated by the similarity of *žiwj* to stative verbs, which also use the Perfect form to express the present-tense state.

Keywords: love, Shughni, stative verbs, psych-verbs, complex verbs, transitivity

For citation: Melenchenko M. Syntactic properties of the defective verb *žiwj* ‘love’ in Shughni. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2024. Vol. 7, iss. 1. Pp. 64–88. (In Rus.). doi:10.37632/PI.2024.23.59.003

1. Введение

Статья посвящена описанию синтаксических свойств слова *жїwч* ‘любить’ в шугнанском языке, которое названо «недостаточным» глаголом в крупнейшем словаре [Карамшоев 1988]. Это слово представляет собой основу Перфекта, но у него отсутствуют две другие основы — Претерита и Презенса. Вместо форм Претерита и Презенса используются сложные глаголы со вспомогательными глаголами *чїdow* ‘делать’ и *видow* ‘быть’ в соответствующих временных формах. Ситуация, в которой в рамках одной видо-

* The author is grateful to all the native speakers of Shughni who shared their knowledge of their native language, his colleagues in the Pamiri project at HSE and other linguists whose advice was invaluable for the preparation of this article: Daria Chistiakova, Artyom Badeev, Stepan Mikhailov and Alexander Sergienko, as well as anonymous reviewers of *Typology of Morphosyntactic Parameters* for their valuable comments.

This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

временной «парадигмы» сосуществуют простой и сложный глаголы, распределённые по разным глагольным формам, ранее не была зафиксирована в шугнанском. Глагол *жїwч* представляет собой уникальную лексему, свойства которой связаны с некоторыми малоисследованными явлениями шугнанского языка, в том числе с феноменом подкласса стативных глаголов, у которых форма Перфекта выражает состояние в настоящем времени. Данная статья представляет общее описание этого явления, а также проверяет гипотезы о наличии у *жїwч* именных свойств и о композиционности конструкции *жїwч видow*. Собранные данные не подтвердили эти гипотезы, показав, что *жїwч* по многим синтаксическим свойствам похож на обычную форму Перфекта (в частности, стативного Перфекта). Несмотря на эти выводы, представленное описание далеко от исчерпывающего.

В разделе 2 приводится общая информация о шугнанском языке, а также грамматический очерк по темам, релевантным для дальнейшего обсуждения. В разделе 3 описываются свойства слова *жїwч*, известные по существующим источникам. Раздел 4 представляет результаты исследования: описание данных и методологии их сбора (подраздел 4.1), базовую информацию о распределении простого *жїwч* и сложных глаголов по разным контекстам (подраздел 4.2) и обсуждение синтаксического статуса простого *жїwч* и сложных глаголов, в рамках которого выдвигаются и проверяются вышеупомянутые гипотезы (подраздел 4.3). Раздел 5 обсуждает полученные результаты и завершает статью.

2. Глагольная система шугнанского языка

Шугнанский язык (самоназвание *хуїнун зив*, ISO 639-3 *sgn*) принадлежит шугнано-рушанской языковой группе, входящей в иранскую ветвь индоевропейской семьи. На нём говорит около 100 000 человек в Таджикистане и Афганистане, а также в обширных диаспорах, в том числе в России [Parker 2023: 6]. Внутри шугнанского выделяется баджувский диалект и несколько говоров. Если не указано иное, речь в статье идёт о варианте шугнанского языка, распространённом в самом крупном шугнаноязычном населённом пункте, городе Хорог, и его окрестностях. В этом разделе приводится краткое описание грамматики шугнанского языка (в частности, глагольной системы), релевантное для интерпретации данных, обсуждаемых в последующих частях статьи.

Шугнанский располагает сравнительно компактной видовременной системой, в которой основными временными формами являются настоящее-будущее время (далее я использую название *Презенс*), и два прошедших времени, в большинстве случаев различающихся эвиденциальным статусом высказывания: «прямое» и «непрямое» (далее *Претерит* и *Перфект*). Разные временные формы маркируются суффиксально (Претерит использует суффикс *-d/-m*, Перфект — суффиксы *-ч/-ч* или *-з/-ц*, Презенс не имеет отдельного суффикса), у многих глаголов также нерегулярно отличаются основы разных времён. Форма Плюсquamперфекта образуется от основы Перфекта с помощью суффикса *-at*. Хотя традиционно эта форма описывалась как имеющая значение «предпрошедшего» или «давнопрошедшего» времени [Карамшоев 1963: 162], в современном языке она употребляется только в контрфактических контекстах (например, в условных предложениях) [Parker 2023: 257; Меленченко, в печати]. Для выражения будущего времени используется форма Презенса, зачастую в сопровождении клаузуальной клитики *=ta*. Точное грамматическое значение и правила употребления этой клитики не вполне ясны; в первом приближении можно считать, что чаще всего она выражает будущее время. Форма ед. ч. Императива совпадает с основой Презенса (в редких случаях с усечением последнего согласного) [Parker 2023: 258]. Пример (1) демонстрирует две клаузы с глаголами в форме Претерита.

- (1) *Уз = ум кофе бироҳт = ат,*
 PRON.1SG = 1SG кофе пить.PST = AND

му ўин агā сат.
 PRON.1SG.O жена бодрствующий статья.PST.F/PL
 ‘Я выпил кофе, и моя жена проснулась.’¹

Несмотря на то, что для большинства глаголов Перфект является «непрямым» эвиденциальным прошедшим временем, у некоторых глаголов состояния (*хъвдов* ‘спать, лежать’, *нйстов* ‘сидеть, ждать’, *ширйвдов* ‘стоять’, *пинйвдов* ‘носить’) форма Перфекта имеет стативно-результативные употребления. Перфекты этих глаголов обычно обозначают не прошедшие

¹ Здесь и далее примеры без указания источника являются результатом элицитации. Для записи примеров из языков шугнано-рушанской группы используется унифицированная кириллическая орфография, для язгулямского языка сохранена орфография из источника.

события, а состояния в настоящем времени, и употребление в этой функции не зависит от эвиденциального статуса высказывания [Меленченко 2023: 127–129]. При этом форма Презенса этих глаголов не используется для выражения состояния в настоящем, а вытеснена в семантические зоны будущего и хабитуалиса (в которых часто появляется клитика = *ta*) (2–3). Важно отметить, что форма Перфекта (в том числе стативно-перфектных глаголов) в шугнанском языке финитна, но от неё может образовываться Результативное причастие. Это причастие встречается в аналитической конструкции с глаголом *видов* ‘быть’, которую стативно-перфектные глаголы могут использовать для выражения прошедшего времени (4). Использование формы Перфекта в подобной аналитической конструкции вместо причастия некорректно. Для выражения состояния в прошедшем также используется форма Претерита (кроме состояния, она может иметь интерпретацию вхождения в состояние: ‘сел[а]’). Более подробное описание видовременной системы шугнанского языка можно найти в грамматике [Parker 2023].

- (2) *Уз = ум хъёвз.*
 PRON.1SG = 1SG спать.PF.F/PL
 ‘Я сплю [прямо сейчас / #каждый день].’ (по [Меленченко 2023: 128])
- (3) *Уз(= та) хъофц-ум.*
 PRON.1SG = FUT спать-PRS.1SG
 ‘Я сплю [каждый день / #прямо сейчас].’ (по [Меленченко 2023: 128])
- (4) *Уз = ум нїсц-ин вад / *нїсц вад.*
 PRON.1SG = 1SG сидеть.PF.F/PL-PTCP быть.PST.F/PL сидеть.PF.F/PL быть.PST.F/PL
 ‘Я сидела.’

В шугнанском языке, как и в других иранских, широко используются сложные глаголы — аналитические глагольные лексемы, состоящие из смысловой части и вспомогательного глагола. По данным К. Паркера, в роли вспомогательного чаще всего выступают глаголы *чидов* ‘делать’, *дêдов* ‘давать, бить’, *веддов* ‘бросать’, *ситтов* ‘становиться, идти’ или *дêдов* ‘падать’; ещё четыре глагола используются гораздо реже [Parker 2023: 392–394]. Смысловая часть (в дальнейшем для простоты называется «именной» частью) сложного глагола обычно представлена именем существительным или прилагательным, но также может быть адлогом, адложной группой или заимствованным словом, не функционирующим в шуг-

нанском как отдельная лексема. В Презенсе сложные глаголы часто употребляются в «сокращённой» форме, де-факто образуя инновативные простые глагольные лексемы, в которых именная часть становится глагольным корнем, к которому затем присоединяются лично-числовые суффиксы (5). Такое сокращение доступно для всех лиц и чисел, кроме 3 лица ед. ч. [Карамшоев 1963: 169; Parker 2023: 398–399].

- (5) Уз *кор* *кин-ум* / *кор-ум*.
 PRON.1SG работа делать-PRS.1SG работа-PRS.1SG
 ‘Я работаю.’ [Parker 2023: 398]

Глагольные формы Презенса в шугнанском языке согласуются с подлежащим клаузы с помощью лично-числовых суффиксов. С прочими временными формами (Претерит, Перфект, Плюсquamперфект) эти суффиксы не используются; лично-числовое согласование в этих временах маркируется набором клаузальных клитик. Эти же клитики употребляются в клаузах с нулевой копулой, которая широко используется в шугнанском языке в именных предикациях в контекстах реализа настоящего времени. В ирреалисе настоящего времени вместо нулевой копулы используется Презентная форма глагола *vidow* [Parker 2023: 265–270].

Употребление лично-числовых клитик для согласования обязательно — за исключением клитики 3 лица ед. ч. = (*й*)*и*. Наличие этой клитики в клаузе зависит не только от лица и числа, но и от типа предиката: она используется только с переходными глаголами, а также с некоторыми непереходными. В обозначении двух типов непереходных глаголов в шугнанском я следую работе [Chistiakova 2023: 12–16]: использующие клитику = *и* непереходные глаголы называются «А-глаголы», а не использующие — «U-глаголы». Таким образом, = *и* употребляется только в клаузах с переходными или А-глаголами. Употребление клитики в сложных глаголах обычно зависит от типа вспомогательного глагола, а не от семантики и валентности самого сложного глагола. Так, к примеру, сложный глагол *дер чїдов* ‘опоздать’, который не имеет прямого объекта, тем не менее, использует клитику = *и*, «наследуя» её от своего вспомогательного глагола *чїдов* ‘делать’, который является переходным [Chistiakova 2023: 20–23]. С другой стороны, существуют исключения из этого общего правила [Parker 2023: 395–397]. С нулевой копулой клитика = *и* не используется. Подробнее о различных её свойствах см. работы [Чистякова 2022а; Chistiakova 2023].

Некоторые сложные глаголы с одинаковой именной частью образуют пары по переходности–непереходности. К примеру, прилагательное *пур* ‘полный’ используется в сложных глаголах *пур чїдов* ‘наполнить’ (буквально ‘сделать полным’) и *пур ситтов* ‘наполниться’ (буквально ‘стать полным’); подобных пар с лёгкими глаголами *чїдов* и *ситтов*, по-видимому, довольно много [Parker 2023: 395]. Подобные примеры поднимают вопрос о композициональности сложных глаголов: нельзя ли объяснить эти конструкции как обычные сочетания глаголов ‘делать’ и ‘становиться’ с прилагательным? Эта проблема требует основательного исследования семантических и синтаксических свойств сложных глаголов, см. подобные исследования для других иранских языков [Haig 2002; Samvelian, Faghiri 2014]. Применительно к сложным глаголам с *жїwч* проблема композициональности обсуждается в разделе 4.3.

3. Предварительные данные

Глагол *жїwч* никогда не был предметом пристального изучения лингвистов, но зафиксирован в словарях шугнанского и близкородственных ему языков. В трёхтомном словаре Д. Карамшоева [1988]² он описывается как «недостаточный» глагол:

Жїwч недостаточный гл. в форме перфекта в знач. наст. вр.; для прош. вр. употребляется форма прежде-прош. [Плюсквамперфекта — прим. автора] *жїwчат*; повел. *жїwч кин*; инф. *жїwчдов*, *жїwч ч[їдов]*.

Таким образом, по Д. Карамшоеву, слово *жїwч* является формой Перфекта, но употребляется в значении состояния настоящего времени (‘я люблю’). Прошедшее время (‘я любил[а]’), как пишет Д. Карамшоев, выражается формой Плюсквамперфекта *жїwчат*. Приводятся две формы Инфинитива: сложный глагол *жїwч чїдов* (со вспомогательным *чїдов* ‘делать’) и простой *жїwчдов*, у которого Инфинитивная морфология (суффиксы *-д* и *-ow*) присоединяется непосредственно к «основе» Перфекта. Д. Карамшоев не упоминает конструкцию *жїwч видow*, но она встречается в одном из примеров, приведённых в словарной статье (6). В этом примере употреблена форма Презенса глагола *видow*, которая используется в ирреальных контекстах (см. раздел 2).

² Данные из словарей [Соколова 1959; Соколова 1960; Пахалина 1971; Карамшоев 1988] приводятся по оцифрованной базе данных словарей памирских языков, доступной онлайн: <https://pamiri.online> (см. [Makarov et al. 2022]).

- (6) *Йā ага жїwч ту ца вєд, йодд = та.*
 D3.F.SG если любить PRON.2SG SUBD быть.PRS.3SG приходить.PRS.3SG = FUT
 ‘Если она тебя **любит**, то **приедет**.’ [Карамшоев 1988]

Д. Карамшоев приводит три значения этой лексемы: (а) ‘любить; одобрять; уважать’, (б) ‘хотеть, желать; намереваться’, (в) ‘требоваться, быть нужным’. В настоящей работе исследуется только первое значение *жїwч*; примеры его употребления в других значениях даны ниже (7–8).

- (7) *Ар чāй ху-рд = и хушбахти жїwч.*
 каждый кто REFL-DAT = 3SG счастье хотеть
 ‘Каждый **хочет** для себя счастья.’ [Карамшоев 1988]

- (8) *Сўр = ирд лап харч жїwч.*
 свадьба = DAT много расходы нужно
 ‘На свадьбу **требуется** много расходов.’ (баджувский диалект) [Карамшоев 1988]

Описание *жїwч* в других словарях шугнанского и близкородственных языков из шугнано-рушанской группы отличается от описания Д. Карамшоева лишь в отдельных аспектах. В словаре [Зарубин 1960], к примеру, Инфинитивная форма *жїwчдow* имеет помету «редко». Словари рушанского, хуфского и бартангского языков [Соколова 1959, 1960] предоставляют такое же описание и отличаются только фонетическим обликом слова: в рушанском оно звучит так же, в хуфском — как *жў(w)ч*, в бартангском — как *жōwч*. В этих языках также отличаются суффиксы Плюсquamперфекта (в рушанском *-ит*, а не *-ат*) и Инфинитив вспомогательного глагола ‘делать’ (*чїгow* вместо *чїдow*). Кроме того, в словаре [Соколова 1959] вообще не упоминается «простая» форма Инфинитива, а в словаре [Соколова 1960: 181] говорится, что «прош. вр. образуется со вспомогательным глаголом», но сам глагол не указан (в приведённых примерах используется как конструкция с *чїдow* ‘делать’, так и конструкция с *видow* ‘быть’). В словаре сарыкольского языка [Пахалина 1971] когнатов *жїwч* не обнаружено.

Этимологические словари [Morgenstierne 1974: 111; Расторгуева, Эдельман 2007: 217–220] возводят *жїwч* к древнеиранской форме **gawa-ka*. Она состоит из глагольного корня **gaw* ‘нуждаться / быть нужным’ и суффикса **ka*, который является (или совпадает с) маркером Перфектного причастия (о диахронии формы Перфекта см. [Пахалина 1989: 202]). Как пишут В.С. Расторгуева и Д.И. Эдельман [2007: 217], во многих иранских

языках встречаются рефлексy корня **gawa* в виде глаголов или наречий, употребляющихся с подлежащими в косвенном падеже (типа ‘мне нужно’). Когнат *жїwч* встречается также в язгулямском, другом восточноиранском языке, распространённом к северу от ареала шугнано-рушанской группы. Свойства язгулямского когната *жїwч* кратко описаны Д.И. Эдельман в грамматике [Эдельман 1966: 65].

Как замечает Д.И. Эдельман [1974: 29–30], для севернопамирских языков (язгулямского, рушанского, хуфского) характерно использование при глаголе *жїwч* субъекта в косвенной форме. Это проиллюстрировано в рушанском примере (9), где экспериенцер выражен косвенной формой демонстратива (*wai*), а не прямой (*йā*). В другом шугнано-рушанском языке, бартангском, по данным Эдельман, наблюдается вариативность между прямой и косвенной конструкциями. Не вполне ясно, почему Д.И. Эдельман выделяет в этом отношении глагол *жїwч*, так как упомянутым языкам (по крайней мере в XX веке) в целом свойственны конструкции с неканоническими подлежащими. Местоимённые подлежащие переходных и некоторых непереходных глаголов в них имеют косвенную форму, как показывает пример (10) [Sergienko 2023]. Это явление является реликтом эргативного падежного маркирования.

(9) рушанский

Wai *радиō* *нигїхт* *лап* *жїwч*.
D3.M.SG.O радио слушать.INF много любить

‘Он очень **любит** слушать радио.’ [Соколова 1959]

(10) рушанский

Му *бийо* *ик = дас* *лап* *жехт*.
PRON.1SG.O вчера ЕМРН = так много бежать.PST

‘Я вчера так много **пробежал**.’ [Sergienko 2023: 16]

При этом, как известно, во многих языках экспериенцеры предикатов, выражающих психологические состояния (англ. *psych-verbs*), выражаются неканоническими подлежащими [Rott et al. 2020; García-Pardo 2020]. Предикаты, требующие косвенной формы подлежащего, имеются и в современном шугнанском, однако в целом маргинальны (об их свойствах см. [Parker 2023: 404–413]). В шугнанском языке эргативность утрачена в гораздо большей степени, чем в рушанском, и при глаголе *жїwч*, как и при большинстве других, используется подлежащее в прямой форме [Эдельман 1974: 29–30], как показывает пример (6).

Необходимо сказать несколько слов о термине «недостаточный глагол», используемом Д. Карамшоевым. Обычно он обозначает глагол, имеющий пробелы в словоизменительной парадигме — наподобие пробела в 1 лице ед. ч. в парадигме спряжения некоторых русских глаголов в будущем времени (расхожий пример — глагол ‘победить’), ср. [Sims 2006: 7]. Однако *жӯиҷ* мало похож на подобные традиционные примеры. В его наборе видовременных форм не один пробел, а сразу несколько: у него отсутствуют синтетические формы Претерита, Презенса и Императива (для Инфинитива имеется как синтетическая, так и аналитическая форма в виде сложно-го глагола). Можно сказать, что для *жӯиҷ* исключением является не отсутствие, а наличие синтетической формы. В связи с этим представляется не вполне корректным называть это слово «недостаточным глаголом». Отдельный вопрос заключается в том, можно ли в принципе считать *жӯиҷ* глаголом. Одной из целей данного исследования является проверка гипотезы о наличии у этого слова некоторых именных свойств. Кроме того, чрезвычайно интересным представляется вопрос о лексическом статусе конструкций *жӯиҷ чӯдо* и *жӯиҷ видо*, которые заполняют «пробелы» в видовременной парадигме этого глагола. Эти и некоторые другие вопросы рассмотрены в следующем разделе.

4. Результаты исследования

В этом разделе описываются результаты проведённого исследования. В подразделе 4.1 описывается методология сбора данных. Раздел 4.2 посвящён распределению выражений *жӯиҷ*, *жӯиҷ чӯдо* и *жӯиҷ видо* в ряде контекстов, а в разделе 4.3 обсуждается наличие именных и глагольных свойств у самостоятельного употребления *жӯиҷ* и (не)композициональность конструкции *жӯиҷ видо*.

4.1. Данные

В статье излагаются результаты работы, проведённой с носительницами и носителями шугнанского языка в городе Хорог (ГБАО, Таджикистан) и Москве в 2024 году. Для изучения синтаксических свойств слова *жӯиҷ* были использованы две анкеты. Первая анкета состояла из 12 стимулов на русском языке, которые информантам предлагалось перевести на шугнанский. Контексты стимулов различались временной референцией события (прошедшее, настоящее, будущее), аспектуальными свойствами (состоя-

ние, вхождение в состояние, ...) и модальностью (реалис, контрфактив, повелительное наклонение, ...), а также синтаксической структурой (матричная клауза, разные типы компонентов).

Вторая анкета представляла собой презентацию, в которой на каждом из слайдов демонстрировалось несколько похожих друг на друга стимулов на шугнанском языке, полученных в результате работы с первой анкетой (всего 31 стимул). Различия в стимулах, появляющихся на одном слайде, заключались в выборе самостоятельного употребления *жїwч* или сложных глаголов, а также иногда в порядке слов. Я просил информантов оценить приемлемость каждого из предложений, по возможности перевести их на русский и прокомментировать смысловые различия между вариантами на слайде. В качестве контрольных в некоторые слайды были вставлены заведомо некорректные предложения.

Каждый стимул из первой анкеты был переведён как минимум четырьмя разными информантами; если полученные переводы и суждения оказывались неоднозначными, я перепроверял их с другими носителями. Подавляющее большинство стимулов второй анкеты были оценены семью информантами. Всего удалось поработать с 12 носителями и носительницами шугнанского (некоторые поучаствовали в работе с обеими анкетами). Большинство информантов — постоянные жители Хорога; исключения составляют два человека, которые родились и провели детство в кишлаках вблизи села Рошткала (Рошткалинский район ГБАО, шахдаринский говор шугнанского языка).

4.2. Распределение *жїwч* и сложных глаголов

Согласно полученным данным, самостоятельное слово *жїwч* действительно употребляется в контекстах настоящего времени (11). Однако для выражения прошедшего времени в современном языке используется не форма Плюсquamперфекта, как утверждается в словаре Д. Карамшоева³, а

³ Единственным носителем, разрешившим употребление такой формы (в шахдаринском говоре *жїwчит*) в контексте реалиса прошедшего времени, стал информант из кишлака Нижний Бидиз (около с. Рошткала). Возможно, это значение Плюсquamперфекта могло лучше сохраниться в более удалённых от Хорога идиомах [Меленченко, в печати]. Этот же носитель — единственный, кто не употребил клитику =*u* при переводе стимула (11). Одна из информанток не одобрила форму Плюсquamперфекта в контексте реального прошедшего, но отметила, что в подобных контекстах эту форму употребляют пожилые люди.

сложные глаголы с *чїдow* ‘делать’ и *видow* ‘быть’ в форме Претерита. Эти конструкции отличаются акциональными свойствами: если *жїwч видow* имеет только дуративную интерпретацию (‘любил[а]’) (12), то *жїwч чїдow* может также иметь значение вхождения в состояние (‘полюбил[а]’) (13).

(11) *Саїдā = їи Ахмед жїwч.*

Саида = 3sg Ахмед любить

‘Саида **любит** Ахмеда.’

(12) *Саїдā(??? = їи) Ахмед жїwч вад.*

Саида = 3sg Ахмед любить быть.PST.F/PL

‘Саида **любила** / *полюбила Ахмеда.’

(13) *Саїдā = їи Ахмед жїwч чїд.*

Саида = 3sg Ахмед любить делать.PST

‘Саида **любила** / **полюбила** Ахмеда.’

В полученных переводах стимулов с дуративным контекстом *жїwч чїдow* встречается чуть чаще (9 раз), чем *жїwч видow* (5 раз), но не вполне понятно, значимо ли это различие. В примерах с самостоятельным предикатом *жїwч* клитика =и используется (11), равно как и при сложном глаголе *жїwч чїдow* (13), однако при сложном глаголе *жїwч видow* информанты обычно считают её употребление некорректным (12)⁴. Вместе с тем, один из опрошенных носителей разрешил её употребление и с клитикой, и без, а ещё два человека запретили употребление без клитики. Не вполне понятно, отражают ли эти побочные данные реальную вариативность или ошибки при сборе.

Один из опрошенных информантов последовательно использовал в переводе примеров (11–13) предлог *аз* с объектом. Этот предлог иногда используется в шугнанском языке для маркирования некоторых свойств прямого объекта (например, употребление *аз* коррелирует с определённо-стью и одушевлённостью; см. обсуждение дифференцированного маркирования объекта и пример с *жїwч* в [Чистякова 2022b: 95]). Так как этот

⁴ В тезисах для ТМП-2024, которые дополняет эта статья, напротив, сообщалось, что с *жїwч видow* также используется клитика =и. Это ошибка, которая была вызвана недостаточной внимательностью автора при сборе и анализе данных элицитации. При подготовке статьи была проведена дополнительная работа с информантами, которая подтвердила, что многие носители запрещают использование клитики =и при этом сложном глаголе.

феномен встретился при переводе лишь однажды, я воздерживаюсь от его обсуждения в дальнейшем.

Сложный глагол *жїwч чїdow* также может употребляться в форме Презенса, однако большинство информантов посчитали некорректным использование этой конструкции для выражения состояния в настоящем. Вместо этого она используется вместе с футуральной клитикой =*ta* для выражения будущего времени (14). Как и другие сложные глаголы со вспомогательным глаголом *чїdow* ‘делать’, *жїwч чїdow* может использоваться в «сокращённой» синтетической форме, присоединяя личностно-числовые суффиксы Презенса прямо к корню. «Полный» и «сокращённый» варианты показаны в примере (15). Использование *жїwч видow* в подобных контекстах невозможно. Это ограничение соответствует нормальному для шугнанского языка распределению глагола *видow* и нулевой копулы в именной предикации в шугнанском языке (Презентная форма глагола *видow* используется только в ирреальных контекстах; см. раздел 2).

(14) а. *??Саїdā Ахмед жїwч кїхт.*

Саида Ахмед любить делать.PRS.3SG

Ожидаемое значение: ‘Саида любит Ахмеда.’

б. *Саїdā = ta Ахмед жїwч кїхт.*

Саида = FUT Ахмед любить делать.PRS.3SG

‘Саида **полюбит** Ахмеда.’

(15) *Уз = ta фук ху умр = анд*

PRON.1SG = FUT всё REFL жизнь = LOC

ту жїwч кин-ум / жїwч-ум.

PRON.2SG любить делать-PRS.1SG любить-PRS.1SG

‘Я буду **любить** тебя всю жизнь.’

Таким образом, состояние в настоящем времени выражается самостоятельным употреблением слова *жїwч*, а форма Презенса сложного глагола *жїwч чїdow* «вытеснена» в зону будущего времени. Такое распределение форм Перфекта и Презенса (как и сам факт обозначения настоящего времени формой Перфекта) сближает *жїwч* со стативно-перфектными глаголами типа *хївdow* ‘спать, лежать’ (см. раздел 2). Стативно-перфектные глаголы в форме Презенса, однако, выражают не только будущее, но и хабитуалис. Различение хабитуального и не-хабитуального употребление

глагола ‘любить’ представляется невозможным, так как, в терминологии С.Г. Татевосова [2016: 44–46], такой глагол выражает «состояние индивидного уровня», то есть ингерентное (де-факто хабитуальное) состояние субъекта. Изучение возможных нюансов, связанных со стадияльными, не-хабитуальными реинтерпретациями (типа английского *I'm loving it!*, см., например, [Granath, Werrity 2013]), в данном исследовании не проводилось. Однако можно заключить, что значение процесса, предшествующего состоянию (‘я влюбляюсь’) выражается аналитической инхоативной конструкцией с частицей *дар(aw)* (16) (об этой конструкции см. [Parker 2023: 354–355])⁵.

- (16) *Уз=ум остā-остā ту жї̄wч дарaw чї̄д* (∅).
 PRON.1SG=1SG медленно-медленно PRON.2SG любить INC делать.INF COP
 ‘Я постепенно в тебя **влюбляюсь**.’

У *жї̄wч* нет синтетической формы Императива. Несмотря на использование именной части сложного глагола в качестве корня в форме «сокращённого» Презенса, корень *жї̄wч*- не используется как Императив. Вместо него употребляется Императив сложного глагола *жї̄wч чї̄dow* (17). (По-видимому, никакие сложные глаголы, подвергающиеся сокращению в Презенсе, не имеют синтетической формы Императива.) Форма Императива от сложного глагола *жї̄wч видow* (*жї̄wч му ви!*) оценивается как корректная, но носители не предлагали её в таком контексте самостоятельно.

- (17) *Жї̄wч му ки!* / **Му жї̄wч!*
 любить PRON.1SG.O делать[IMP] PRON.1SG.O любить
 ‘**Люби** меня!’

Наиболее употребительной формой Инфинитива также является сложная форма: *жї̄wч чї̄dow* (18). К сожалению, собранных данных недоста-

⁵ Интересная особенность шугнанского языка, выявленная в ходе проведения данного исследования, заключается в отсутствии конвенционализированного способа передачи смысла русского глагола *разлюбить* (или английского выражения *fall out of love*). При просьбе перевести предложение с этим глаголом на шугнанский все носители тушевались и долго думали, после чего некоторые предлагали разнообразные конструкции типа ‘перестала любить’, ‘больше не любит’, а другие заключали, что способа выразить это значение в шугнанском нет (по словам одной из информанток, шугнанцы «любят навсегда»).

точно, чтобы оценить корректность Инфинитива *жїwч видow* в таком контексте. Синтетический вариант *жїwчdow*, отмеченный в словарях, признаётся как приемлемый большинством информантов, однако ни разу не встретился в качестве первой реакции на стимулы. Согласно Д.И. Эдельман [1974: 30], *жїwчdow* является более поздним «сокращением», а не исконной формой Инфинитива. По схожему предположению А.А. Сергиенко (л. с.), эта форма Инфинитива появилась в результате фонетического сращения именной и вспомогательной частей сложного глагола (*жїwч чїdow* → *жїwч-dow*).

(18) *Уз* *на-вārđīm* *гандā* *одам-ен*
 PRON.1SG NEG-мочь.PRS.1SG плохой человек-PL

жїwч чїd-ow / *жїwч-d-ow*.

любить делать.INF-PURP любить-INF-PURP

‘Я не умею **любить** плохих людей.’

Сложные глаголы *жїwч чїdow* и *жїwч видow* могут образовывать форму Перфекта, однако её грамматическая семантика нуждается в дополнительном исследовании. На данном этапе можно заключить только, что Перфекты сложных глаголов с *жїwч* не обозначают состояния в настоящем, то есть не похожи на стативные Перфекты. Неизвестно также, образуют ли эти сложные глаголы Результативное причастие на *-ин* (скорее всего, такие формы теоретически возможны, но маргинальны в реальной речи). Результативное причастие от самого слова *жїwч* (которое выглядело бы как **жїwчин*) не образуется.

4.3. Статус *жїwч чїdow* и *жїwч видow*

Продемонстрированные данные предполагают описание конструкций *жїwч чїdow* и *жїwч видow* как сложных глаголов, в которых *жїwч* является именной частью. Однако такое описание создаёт ряд проблем. Хотя именная часть сложного глагола необязательно представляет собой имя (см. раздел 2), в шугнанском языке до сих пор не были зафиксированы сложные глаголы, именной частью которых была бы другая глагольная основа. Более того, уникальность глагола *жїwч видow* заключается не только в именной части, но и в выборе вспомогательного глагола. Дело в том, что *видow* ‘быть’ не входит в набор глаголов, которые, согласно работам [Карамшоев 1963: 169; Parker 2023: 392], встречаются в роли вспомо-

гательных⁶, поэтому «обнаружение» сложного глагола с *видов* само по себе необычно. Между тем, в отличие от *чидов*, который в составе сложного глагола часто оказывается значительно десемантизирован, семантика *видов* как глагола бытия изначально очень абстрактна. Это позволяет выдвинуть две гипотезы, которые я обозначаю как Гипотеза (а) и (b):

- **Гипотеза (а).** Слово *жйiwч* в самостоятельном употреблении можно анализировать как имя со значением ‘влюблённая/ый’, а не как форму глагола.
- **Гипотеза (b).** Конструкцию *жйiwч видов* можно анализировать как композиционное сочетание имени *жйiwч* с глаголом ‘быть’.

В пользу этих гипотез можно привести несколько аргументов. Во-первых, частеречный статус *жйiwч* в составе сложных глаголов и его «самостоятельное» значение не вполне ясны. Это слово не обозначает понятие ‘любовь’ (эту функцию выполняют его дериваты *жйiwчги*, *жйiwчах* и неродственные лексемы). С морфологической точки зрения морфема *жйiwч* цельна и не подвергается чередованиям, а так как у этого «глагола» нет основ Презенса и Претерита, конечный *-ч*, маркирующий основу Перфекта, никогда не усекается. Таким образом, несмотря на наличие конечного *-ч*, на синхронном уровне «основа» *жйiwч* неизменяема, и её можно попытаться анализировать как имя со значением ‘влюблённая/ый’. Во-вторых, подобный анализ объяснил бы функционирование *жйiwч* в качестве именной части сложного глагола — для глагольных форм это нехарактерно. Что касается примеров типа (11), в которых эта форма функционирует самостоятельно, на первый взгляд их можно рассматривать как именную предикацию с нулевой копулой типа ‘Саида [есть] влюблённая в Ахмеда’ (19).

(19) *Саидā = йи Ахмед жйiwч* (∅).

Саида = 3sg Ахмед любить cop

‘Саида **любит** Ахмеда.’ (предполагаемый анализ) = пример (11)

⁶ В действительности в словаре [Карамшоев 1988] можно найти как минимум два сложных глагола с *видов*: (1) *гардун видов* ‘вращаться, двигаться по кругу’ (с именной частью *гардун* ‘вращение, движение по кругу’) и (2) *зорδ = црд видов* ‘нравиться, приходиться по душе’ (буквально ‘к сердцу быть’, зафиксировано в баджувском диалекте). Неизвестно, однако, используются ли эти глаголы в современном шугнанском в Хороге и как они функционируют.

Однако собранные данные не подтверждают гипотезу (а). Как видно из примера (19), при самостоятельном употреблении *жїwч* в клаузе присутствует клитика 3 лица ед. ч. =*u*. Обязательность этой клитики в подобных предложениях означает, что предикат относится к переходным или А-глаголам; соответственно, предикатом клаузы с клитикой =*u* нулевая копула быть не может. Тем не менее, это возражение не касается клауз, в которых глагол *видow* выражен. Как было показано на примере (12), в них, напротив, использование клитики =*u* чаще запрещается, то есть *жїwч видow* (как и сам глагол *видow* ‘быть’) по поведению клитики примыкает к U-глаголам⁷. Это обстоятельство указывает на глагольные свойства слова *жїwч* в самостоятельном употреблении, а также показывает, что синтаксически оно отличается от *жїwч видow*.

Глагольные свойства *жїwч* проявляются и в некоторых более тривиальных тестах. К примеру, с этим словом используется исключительно глагольное префиксальное отрицание, а не отрицательная копула *нист*, употребляемая при именной предикации (20). В отличие от имён существительных, *жїwч* не употребляется в качестве модификатора при другом существительном. Кроме того, если *жїwч* является именем, а сочетание *жїwч видow* композиционально, то слово *жїwч* должно также сочетаться и с глаголом *ситtow* ‘становиться’ — такая сочетаемость характерна для имён (это свойственно даже семантически композициональным сложным глаголам типа *пур ситtow* ‘наполниться’, см. раздел 2). Однако, как показывает элицитация, такое сочетание неграмматично (21).

(20) *Уз=ум* *wам* *на-жїwч* / **жїwч нист*.
 PRON.1SG = 1SG D3.F.SG.O NEG-любить любить COP.NEG
 ‘Я её **не люблю.**’

(21) **Саїдā Ахмед жїwч сат*.
 Саида Ахмед любить стать.PST.F/PL
 Ожидаемое значение: ‘Саида полюбила (=стала влюблённой в) Ахмеда.’

Таким образом, самостоятельное слово *жїwч* в действительности по многим признакам приходится считать не именем с нулевой копулой, а глагольной формой Перфекта. В оставшейся части этого раздела я привожу ещё два аргумента в пользу такого анализа. Первый аргумент связан с

⁷ Важно заметить, что причисление *жїwч видow* к классу непереходных поднимает вопрос о синтаксическом статусе прямого объекта в примерах типа (12).

положением формы глагола относительно подчинительного союза *ца*, а второй — с использованием формы Плюсквамперфекта.

Шугнанский союз *ца* используется в зависимых клаузах в ряде различных контекстов (по выражению К. Паркера, он является «самым разносторонним подчинительным союзом» в шугнанском) [Parker 2023: 440–441]. Он располагается непосредственно перед финитным глаголом, а если предикатом зависимой клаузы является нулевая копула, то *ца*, располагаясь перед ней, становится последним словом в предложении (ср. пример 338b в [Parker 2023: 420]). Сложные глаголы в таких конструкциях разделяются: именная часть оказывается перед союзом, а вспомогательный глагол — после. Таким образом, насколько нам известно, после *ца* в шугнанском могут располагаться только финитные глаголы.

Как показывают собранные данные, в зависимых клаузах, описывающих реальные события в настоящем времени, *жїwч* может располагаться как после союза *ца* (что указывает на глагольные свойства), так и до него (что указывает на именные свойства и предполагает наличие нулевой копулы после союза) (22). Все опрошенные носители разрешили оба варианта расположения союза и не нашли в этих вариантах разницы в интерпретации. К сожалению, на текущем этапе исследования было собрано слишком мало подобных контекстов в 3 лице ед. ч., которые показали бы употребление или неупотребление клитики =*u*. По предварительным данным, к которым стоит относиться с осторожностью, при расположении *жїwч* до союза клитика =*u* не используется (23). Это может значить, что место финитного глагола в позиции после союза в этом случае занимает нулевая копула, которая как раз не предполагает использование клитики =*u*.

(22) *Ида пїнз сол, уз=ум Саїдā ца жїwч / жїwч ца (∅).*
 вот пять год PRON.1SG=1SG Саїда SUBD любить любить SUBD COP
 ‘Вот уже пять лет как я **люблю** Саиду.’

(23) *Карамшо = їи ага вам ца жїwч, /*
 Карамшо =3SG если D3.F.SG.O SUBD любить

Карамшо(= їи) ага вам жїwч ца (∅),*
 Карамшо =3SG если D3.F.SG.O любить SUBD COP

їу бойад вам вїрт.
 D3.M.SG должен D3.F.SG.O принести.PRS.3SG

‘Если Карамшо её **любит**, он должен на ней жениться.’ (предварительные данные)

Другое проявление глагольных свойств *ж̄ӣwч* связано с возможностью образования формы Плюсквамперфекта. Как было упомянуто в разделе 2, Плюсквамперфект в современном шугнанском языке Хорога не имеет значений «преждепрошедшего» и «давнопрошедшего», а употребляется только в контрфактических контекстах. Соответственно этому общему правилу, Плюсквамперфект от глагола *ж̄ӣwч* (*ж̄ӣwчат*), некорректный в контекстах реалиса прошедшего времени, может быть использован в контрфактических контекстах. Альтернативой *ж̄ӣwчат* в таких примерах являются формы Плюсквамперфекта сложных глаголов *ж̄ӣwч ч̄идow* и *ж̄ӣwч видow*, в которых суффикс *-at* присоединяется уже к основе Перфекта вспомогательного глагола (24). При этом необходимо отметить, что, хотя все три варианта признаются корректными, в качестве первой реакции носители почти всегда дают форму *ж̄ӣwч ч̄идow*, иногда *ж̄ӣwч видow* и никогда — синтетическую форму *ж̄ӣwчат*. Возможность образования такой формы можно считать ещё одним явлением, указывающим на сохранение глагольных (Перфектных) свойств *ж̄ӣwч*.

(24) *Ty = t* *aga mu* *ж̄ӣwч ца ч̄ӯйч-at* /
 PRON.2SG = 2SG если PRON.1SG.O любить SUBD делать.PF-PQP

ж̄ӣwч ца вудч-at / *ца ж̄ӣwч-at*,
 любить SUBD быть.PF.M.SG-PQP SUBD любить-PQP

уз = ум *хушбахт* *виц.*
 PRON.1SG = 1SG счастливый быть.PF.F/PL

‘Если бы ты меня любил, то я была бы счастлива.’

В современном шугнанском языке форма Плюсквамперфекта всегда заменяется на Перфект; суффикс *-at*, таким образом, необязателен [Меленченко, в печати]. В примере (24) *-at* также необязателен для форм Перфекта сложных глаголов, однако, к сожалению, неизвестно, употребляли ли в этом контексте форма *ж̄ӣwч* без суффикса *-at*.

5. Обсуждение и выводы

В предыдущем разделе были высказаны следующие гипотезы:

- **Гипотеза (а).** Слово *ж̄ӣwч* в самостоятельном употреблении можно анализировать как имя со значением ‘влюблённая/ый’, а не как форму глагола.

- **Гипотеза (b).** Конструкцию *жїwч видow* можно анализировать как композициональное словосочетание имени *жїwч* с глаголом ‘быть’.

На основании собранных данных были выдвинуты аргументы, опровергающие гипотезу (a). Показано, что слово *жїwч* синхронно демонстрирует ряд свойств Перфектной глагольной формы, а не имени. Некоторые из этих свойств морфологического характера (глагольное префиксальное отрицание, возможность образования формы Плюсквамперфекта), другие — синтаксического (использование клитики =*u*, возможность расположения после подчинительного союза *ца*).

Гипотеза (b) о композициональности *жїwч видow* в значительной степени зависела от гипотезы (a). Так как самостоятельные употребления *жїwч* приходится признать формой Перфекта, а не именем, гипотеза (b) оказывается менее состоятельной. Окончательное решение этой проблемы, вероятно, требует лучшего понимания устройства сложных глаголов в шугнанском в целом. Интересен вопрос о наличии клитики =*u* в конструкции *жїwч видow* — в полученных данных наблюдается вариативность в использовании этой клитики. Квантитативная оценка и детальное описание этой вариативности остаются задачами для будущих исследований, опирающихся на более крупную и репрезентативную выборку информантов. Однако на текущем этапе можно предположить причины такой вариативности. Употребление клитики =*u*, характерной для переходных и А-глаголов, вероятно, мотивировано очевидно переходной семантикой глагола и наличием у него прямого объекта. С другой стороны, невозможность употребления клитики =*u* может быть связана с «наследованием» типа глагола от вспомогательного *видow* ‘быть’, который является U-глаголом и потому не использует эту клитику (см. о «наследовании» переходности в разделе 2).

С точки зрения синтаксиса, по-видимому, в шугнанском синхронно необходимо постулировать как минимум две синтаксические сущности: форму Перфекта *жїwч₁* и «именной» элемент сложных глаголов *жїwч₂*. Наиболее универсальным является сложный глагол *жїwч чїdow*: он используется в большинстве исследованных семантико-синтаксических контекстов. Дистрибуция глагола *жїwч₁* более ограничена. Контексты реализованы в настоящем времени, по-видимому, являются единственными, в которых употребление сложного глагола с *чїdow* в форме Презенса вместо *жїwч₁* неприемлемо. Вероятно, это ограничение связано с формальным сходством *жїwч* со стативно-перфектными глаголами и, соответственно, вытеснением Презенса в зону будущего по аналогии с такими глаголами.

В таблице 1 показано наличие глагольных форм у самостоятельного $жїwч_1$ и сложных глаголов $жїwч_2$ *видов* и $жїwч_2$ *чїдов*, а в таблице 2 — их распределение по различным контекстам употреблений. Доступные формы в таблице 1 имеют помету «+», отсутствующие в парадигме помечены астериском «*». В таблице 2 каждой из конструкций указана форма, выражающая соответствующий контекст; в случае, если эта конструкция не употребляется в этом контексте ни в одной из форм, используется помета «*». В некоторых случаях неупотребимость связана со сторонними причинами (например, синтаксической несовместимостью формы Перфекта с клитикой =*ta*, или ограниченностью формы Презенса глагола *видов* ирреальными контекстами), такие случаи помечены тире «—». Помета «?» означает, что для этой формы или контекста собрано недостаточно качественных данных в этом контексте, и адекватно оценить грамматичность пока невозможно. В колонках $жїwч_2$ *видов* подразумеваются только такие примеры, в которых глагол *видов* явно выражен, и не рассматривается нулевая копула.

Таблица 1. Наличие глагольных форм у $жїwч_1$ и сложных глаголов $жїwч_2$ *видов* и $жїwч_2$ *чїдов*

глагольная форма	$жїwч_1$	$жїwч_2$ <i>видов</i>	$жїwч_2$ <i>чїдов</i>
Презенс (PRS)	*	+	+
Претерит (PST)	*	+	+
Перфект (PF)	+	+	+
Плюсквамперфект (PQP)	+	+	+
Императив (IMP)	*	+	+
Инфинитив (INF)	*	?	+

Таблица 2. Распределение $жїwч_1$ и сложных глаголов $жїwч_2$ *видов* и $жїwч_2$ *чїдов* по изученным контекстам

тип контекста	$жїwч_1$	$жїwч_2$ <i>видов</i>	$жїwч_2$ <i>чїдов</i>
наст. вр., реалис	PF	—	*
наст. вр., реальное условие	PF	?	*
прош. вр. (состояние)	*	PST	PST
прош. вр. (вхождение в состояние)	*	*	PST
контрфактив	PF(?) / PQP	PF / PQP	PF / PQP

Как видно из таблиц, распределение *жйiwч widow* на данном этапе исследования менее понятно и, вероятно, сильно варьирует по информантам. В отличие от *жйiwч чйdow*, глагол *жйiwч widow* не имеет интерпретации вхождения в состояние ('полюбил[а]'), а имеет лишь интерпретацию состояния ('любил[а]'). Это может быть связано с «наследованием» акциональных свойств от вспомогательного глагола *widow* 'быть' (который обозначает только состояния). Контексты с референцией к будущему времени всегда переводятся с *жйiwч чйdow*, а не с *жйiwч widow*; это ограничение тоже, вероятно, мотивировано именно свойствами глагола *widow*, который не используется в будущем времени⁸.

Кроме контекстов в настоящем времени, самостоятельное употребление признаётся корректным в условных контрфактических контекстах в форме Плюсquamперфекта. Эта форма потеряла функцию выражения реального прошедшего времени, но сохранила контрфактические употребления. Такое изменение естественно для форм Плюсquamперфекта в современном шугнанском [Меленченко, в печати]. В этом аспекте собранные данные также позволили зафиксировать диахроническое изменение.

Так как данное исследование ограничилось исключительно рассмотрением значения 'любить' глагола *жйiwч*, остаётся неясным, чем синтаксически отличаются употребления в других значениях. Особенно интересна ситуация со значением 'быть нужным', в котором, судя по примерам из словаря Д. Карамшоева [1988], *жйiwч* оказывается непереходным, и экспериенцер маркируется дативом (8). Исследование синтаксических свойств *жйiwч* в разных значениях может быть полезным как для памироведения, так и для типологии глаголов психологического состояния.

С другой стороны, представляется важным сравнение шугнанской ситуации с другими шугнано-рушанскими и прочими памирскими языками. Согласно [Эдельман 1974: 29], в рушанском, хуфском и язгулямском XX века когнаты *жйiwч* употреблялись с косвенными подлежащими. Неизвестно, как были устроены их взаимоотношения с такими же сложными глаголами, которые зафиксированы по крайней мере в части этих языков. Интересно сравнение с язгулямским языком, который не относится к шуг-

⁸ Интересно, что глагол *жйiwч widow* не был эксплицитно указан как один из вариантов ни в подробном трёхтомном словаре Д. Карамшоева (чья скрупулёзность не вызывает сомнений), ни в прочих словарях шугнано-рушанской группы (см. раздел 3). Это позволяет предположить, что эта конструкция появилась в языке сравнительно недавно, что могло бы объяснить вариативность в её использовании.

нано-рушанской группе: когнатом *жйишч* в нём является слово *уи*, названное Д.И. Эдельман [1966: 65] «глагольным именем». Для язгулямского трактовка *уи* как имени (пусть и «глагольного»), вероятно, более оправданно, чем для шугнанского *жйишч* — как видно по его форме, у него отсутствует Перфектная морфология. При этом оно обладает и глагольными свойствами: в частности, сочетается с глагольным отрицанием и клитикой, используемой при переходных глаголах [Эдельман 1966: 65]. К сожалению, ввиду отсутствия письменных источников до XX века представляется невозможным делать выводы о диахроническом развитии обсуждаемых свойств слова *жйишч*, но исследования родственных языков потенциально могут помочь пролить свет на его историю.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; AND — сочинительный союз; COP — копула (нулевая или отрицательная); D3 — демонстратив третьей серии; DAT — датив; EMPH — эмфаза ('вот'); F — женский род; FUT — клитика будущего времени; IMP — Императив; INC — инхоативная частица; INF — Инфинитив; LOC — локатив; M — мужской род; NEG — отрицание; O — косвенный падеж; PF — Перфект; PL — множественное число; PRON — личное местоимение; PRS — Презенс; PQP — Плюсквамперфект; PST — Претерит; PTCP — Результативное причастие; PURP — целевой суффикс; REFL — рефлексив; SG — единственное число; SUBD — подчинительный союз.

Список источников / References

- Зарубин 1960 — Зарубин И.И. Шугнанские тексты и словарь. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. [Zarubin I.I. Shugnanskie teksty i slovar' [Shughni texts and dictionary]. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960.]
- Карамшоев 1963 — Карамшоев Д. Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе: Академия наук Таджикской ССР, 1963. [Karamsheev D. Badzhuvskii dialekt shugnanskogo yazyka [The Bajuwi dialect of Shughni]. Dushanbe: Akademiya nauk Tadzhijskoi SSR, 1963.]
- Карамшоев 1988 — Карамшоев Д. Шугнанско-русский словарь в трёх томах. А–З. Том 1. М.: Наука, 1988. [Karamshoev D. Shugnansko-Russkii slovar' v tryokh tomakh. A–Z. Tom 1 [Shughni-Russian dictionary in three volumes. A–Z. Vol. 1]. Moscow: Nauka, 1988.]
- Меленченко 2023 — Меленченко М.Г. Эвиденциальный перфект в шугнанском языке // Вопросы языкознания. 2023. № 6. С. 120–137. [Melenchenko M.G. Evidential Perfect in Shughni. Voprosy jazykoznanija. 2023. No. 6. Pp. 120–137.]
- Меленченко, в печати — Меленченко М.Г. Плюсквамперфект в шугнанском и других памирских языках // Indo-Iranian Languages, в печати. [Melenchenko M.G. Pluperfect in Shughni and other Pamir languages. Indo-Iranian Languages, in print.]
- Пахалина 1971 — Пахалина Т.Н. Сарыкольский язык. М.: Наука, 1971. [Pakhalina T.N. Sarykol'skii yazyk [Sarikoli]. Moscow: Nauka, 1971.]

- Пахалина 1989 — Пахалина Т.Н. Сравнительно-историческая морфология памирских языков / ред. В. Абаев. Москва: Наука, 1989. [Pakhalina T.N. *Sravnitel'no-istoricheskaya morfologiya pamirskikh yazykov* [Comparative-historical morphology of Pamiri languages] / ed. V. Abaev. Moscow: Nauka, 1989.]
- Расторгуева, Эдельман 2007 — Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Том 3. f–h. М.: Восточная литература, 2007. [Rastorgueva V.S., Edel'man D.I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov*. Tom 3. f–h [Etymological dictionary of the Iranian languages. Vol. 3. f–h]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2007.]
- Соколова 1959 — Соколова В.С. Рушанские и хуфские тексты и словарь. М., Л.: Ленинградское отделение Издательства АН СССР, 1959. [Sokolova V.S. *Rushanskiye i khufskie teksty i slovar'* [Rushani and Khufi texts and dictionary]. Moscow, Leningrad: Leningradskoe otделение Izdatel'stva AN SSSR, 1959.]
- Соколова 1960 — Соколова В.С. Бартангские тексты и словарь. М., Л.: Ленинградское отделение Издательства АН СССР, 1960. [Sokolova V.S. *Bartangskie teksty i slovar'* [Bartangi Texts and Dictionary]. Moscow, Leningrad: Leningradskoe otделение Izdatel'stva AN SSSR, 1960.]
- Татовосов 2016 — Татовосов С.Г. Глагольные классы и типология акциональности. Москва: Языки славянской культуры, 2016. [Tatevosov S.G. *Glagol'nye klassy i tipologiya aktsional'nosti* [Verb classes and the typology of actionality]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury, 2016.]
- Чистякова 2022a — Чистякова Д.Г. Синтаксические и семантические свойства клитики *i* в шугнанском языке // Вестник РГГУ. 2022. Т. 0. № 5. С. 67–91. [Chistiakova D.G. *Syntactic and semantic properties of the clitic i in Shughni*. Vestnik RGGU. 2022. Vol. 0. No. 5. Pp. 67–91.]
- Чистякова 2022b — Чистякова Д.Г. Дифференцированное объектное маркирование в шугнанском языке // Типология морфосинтаксических параметров. 2022. Т. 5. № 2. С. 84–100. [Chistiakova D.G. *Differential object marking in Shughni*. Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. 2022. Vol. 5. No. 2. Pp. 84–100.]
- Эдельман 1966 — Эдельман Д. И. Язгулямский язык. Москва: Наука, 1966. [Edel'man D. I. *Yazgulyamskii yazyk* [Yazghulami]. Moscow: Nauka, 1966.]
- Эдельман 1974 — Эдельман Д.И. О конструкциях предложения в иранских языках // Вопросы языкознания. 1974. № 1. С. 23–33. [Edelman J.I. *On sentence constructions in Iranian languages*. Voprosy jazykoznanija. 1974. No. 1. Pp. 23–33.]
- Chistiakova 2023 — Chistiakova D. *Non-Canonical (In)Transitivity in Shughni*. MA thesis. Moscow: Higher School of Economics, 2023.
- García-Pardo 2020 — García-Pardo A. *Stative Inquiries: Causes, results, experiences, and locations*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2020.
- Granath, Werrity 2013 — Granath S., Wherrity M. “I’m loving you — and knowing it too”: Aspect and so-called stative verbs // *Rhesis: Linguistics and philology*. 2013. Vol. 4. No. 1. Pp. 2–22.
- Haig 2002 — Haig G. Noun-plus-verb complex predicates in Kurmanjî Kurdish: Argument sharing, argument incorporation, or what? // *STUF – Language Typology and Universals*. 2002. Vol. 55. No. 1. Pp. 15–48.
- Makarov et al. 2022 — Makarov Y., Melenchenko M., Novokshyanov D. Digital Resources for the Shughni Language. *Proceedings of the Workshop on Resources and Technologies for Indigenous, Endangered and Lesser-resourced Languages in Eurasia within the 13th Language Resources and Evaluation Conference*. Ojha A. K.; Ahmadi S.; Liu C.-H.; McCrae J. P. (eds.) Marseille: European Language Resources Association, 2022. Pp. 61–64.

- Morgenstierne 1974 — Morgenstierne G. *Etymological Vocabulary of the Shughni Group*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1974.
- Parker 2023 — Parker C. *A Grammar of the Shughni Language*. PhD diss. Toronto: McGill University, 2023.
- Rott et al. 2020 — Rott J. A., Verhoeven E., Fritz-Huechante P. Valence orientation and psych properties: Toward a typology of the psych alternation // *Open Linguistics*. 2020. Vol. 6. No 1. Pp. 401–423.
- Samvelian, Faghiri 2014 — Samvelian P., Faghiri P. Persian Complex Predicates: How Compositional Are They? // *Semantics-Syntax Interface*. 2014. Vol. 1. No 1. Pp. 43–74.
- Sergienko 2023 — Sergienko A. *Oblique subjects in Pamiri languages*. MA thesis. Moscow: Higher School of Economics, 2023.
- Sims 2006 — Sims A. *Minding the gaps: Inflectional defectiveness in a paradigmatic theory*. Columbus: The Ohio State University, 2006.

Статья поступила в редакцию 01.10.2024; одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was received on 01.10.2024; approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 05.12.2024.

Максим Глебович Меленченко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Maksim Melenchenko

HSE University

maksmerben@gmail.com

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2024.26.95.004

СТРУКТУРНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ РУССКИХ УСЛОВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ОДИНОЧНЫМ И ДВОЙНЫМ СОЮЗОМ

Д.А. Парамонова

МГУ имени М.В. Ломоносова

Аннотация: В статье обсуждается роль факультативной частицы *то* в распределении русских условных конструкций. Идея состоит в том, что частица *то* сигнализирует более высокую позицию условной клаузы в структуре по отношению к главной клаузе. Такой анализ позволяет объяснить существующие контрасты, связанные с наличием частицы *то* (контексты с фокусными частицами, эллипсисом, связыванием местоимений). В статье высказываются соображения о возможной синтаксической структуре русских условных конструкций с частицей *то* и без нее. Наш анализ синтаксических и семантических свойств рассматриваемых конструкций соотносится с существующими теоретическими описаниями [Haegeman 1984; Haegeman 2003; Haegeman, Schönenberger 2023] и при этом предлагает новое направление исследования условных конструкций.

Ключевые слова: условные конструкции, частица, фокусные операторы, глагольный эллипсис, синтаксическая асимметрия, связывание, слюсинг

Для цитирования: Парамонова Д.А. Структурные и семантические различия русских условных конструкций с одиночным и двойным союзом // Типология морфосинтаксических параметров. 2024. Том 7, вып. 1. С. 89–106. doi:10.37632/PI.2024.26.95.004

**STRUCTURAL AND SEMANTIC DIFFERENCES BETWEEN RUSSIAN
ESLI AND ESLI-TO CONDITIONAL CLAUSES**

Daria Paramonova

Lomonosov Moscow State University

Abstract: This paper discusses the role of the optional particle *to* in the distribution of conditionals in Russian. The main claim is that the particle *to* signals a higher adjunction site of the conditional clause in the clausal structure of the main clause. We cover the known contrasts involving the particle *to* (focus particles, ellipsis, variable binding) and argue that they follow from the main syntactic claim. We also make some assumptions considering the possible syntactic structure of Russian conditional constructions with and without the particle *to*. Our analysis of the syntactic and semantic properties of the constructions under consideration relates to existing theoretical descriptions [Haegeman 1984; Haegeman 2003; Haegeman, Schönenberger 2023], but at the same time offers a new direction for the study of conditional constructions.

Keywords: conditional constructions, particle, focus operators, verb ellipsis, syntactic asymmetry, binding, sluicing

For citation: Paramonova D. Structural and semantic differences between Russian *esli* and *esli-to* conditional clauses. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2024. Vol. 7, iss. 1. Pp. 89–106. (In Rus.). doi:10.37632/PI.2024.26.95.004

1. Введение

В настоящей статье анализируется синтаксическая структура и семантические свойства русских условных конструкций с частицей *то* и без нее. Основным компонентом формального анализа является принятая в синтаксической теории гипотеза структурной асимметрии условных конструкций [Haegeman 2003; Ebert et al. 2014; Biskup, Šimik 2019]. Мы считаем, что большое количество существующих проблем, возникающих при описании различий между русскими условными конструкциями разных типов (они подробно изложены в тексте статьи), можно объяснить не с точки зрения разнородности их семантических свойств, как пытались многие исследователи (см., например, [Пекелис 2015]), а скорее с учетом несоответствия их синтаксических структур (см., например, [Tiskin 2017]). В работе продемонстрировано, как такой подход может объяснить некоторые особенности русских условных предложений, и изложена идея о возможной синтаксической структуре рассматриваемых конструкций. Основная рабочая гипотеза, которая была сформулирована на основе данных интроспекции и нескольких опросов носителей, состоит в том, что условные конструкции с частицей *то* в русском языке являются сочиненными

структурами и по своим синтаксическим свойствам сближаются с контекстами с сочинительным союзом *а* с уступительной семантикой.

Содержательная часть исследования состоит из четырех разделов. Во втором разделе мы кратко объясняем основные особенности выбранного теоретического подхода. В третьем — представляем рассматриваемые условные конструкции двух типов и описываем существующие теоретические сложности, касающиеся синтаксиса и семантики рассматриваемых структур, которые можно разрешить с учетом идеи о разной позиции антецедентов двух типов условных конструкций (собственно структурной асимметрии). Четвертый раздел касается непосредственно построения синтаксических структур разных типов условных конструкций: в нем формулируется возможный синтаксический анализ условных конструкций с частицей *то* и без нее. В пятом разделе представлены выводы и возможные перспективы исследования.

2. Предыдущие работы, посвященные внешнему синтаксису условных конструкций

Идея о том, что условные клаузы могут порождаться в разных позициях относительно матричных клауз, разрабатывалась многими исследователями на материале других языков [ср., среди прочих, Haegeman 1984; Iatridou 1991; Haegeman, Schönenberger 2023]. В настоящем разделе мы продемонстрируем, что схожие идеи о связи структуры условных конструкций и их семантических и прагматических свойств неприменимы к данным русского языка, что свидетельствует о необходимости иного синтаксического анализа рассматриваемых структур. Возможный вариант такого анализа изложен в следующих разделах.

Значительная часть существующих исследований посвящена объяснению (иногда на основании синтаксических свойств) семантических и прагматических различий между условными конструкциями трех типов: событийными условными, предпосылочными условными (*premise conditionals* в терминологии [Haegeman 2003]) и условными речевого события (также известными как бисквитные условные (*biscuit conditionals*), см. среди прочих [Ebert et al. 2008]), см. (1). В событийных условных конструкциях находят выражение условия, необходимые для осуществления ситуации, описанной в главной клаузе. В предпосылочных условиях описывается дискурсивный фон для ассерции, в то время как условные «с печеньем» кодируют условие реализации речевого акта.

- (1) a. *Если твои мышцы спины все время напряжены, (то) тебя начнут мучить боли.* (Событийное условное предложение)
- b. (Маше здесь не нравится.) *Если Маше здесь так не нравится, (то) ей стоит уйти.* (Предпосылочное условное предложение)
- c. *Если ты голоден, (то) на столе есть печенье.* (Условное речевого события)

В работе [Haegeman, Schönenberger 2023] убедительно показана релевантность такой классификации для грамматики: для этого привлекаются данные глагольной анафоры, глагольного эллипсиса, сферы действия операторов, располагающихся в TP домене, и т.д. Современные исследования также связывают семантические контрасты рассматриваемых условных с их морфосинтаксическими свойствами: идея состоит в том, что определенная интерпретация условной клаузы зависит от ее синтаксической позиции [Frey 2023].

Из примера (1) мы видим, что семантические и прагматические контрасты трех типов условных не соотносятся с допустимостью частицы *то* в матричной клаузе: в любом из трех классов контекстов она является факультативной. Это свидетельствует о том, что данные семантики и прагматики не позволяют нам разграничить контексты с частицей *то* и без нее и нам необходимо разработать другие механизмы описания русских условных конструкций. В настоящей статье мы фокусируемся на морфосинтаксической стороне анализа. Мы в частности учитываем идеи, высказанные в [Haegeman 2003]. Кроме того, мы во многом опираемся на замечание Л. Хегеман о том, что условные конструкции, придаточная клауза в которых порождается высоко в структуре, напоминают сочинение.

3. Синтаксис и семантика русских условных конструкций

3.1. Некоторые наблюдения относительно синтаксиса и семантики русских условных конструкций двух типов

В русском языке существует два типа условных конструкций, на первый взгляд не имеющие ни синтаксических, ни семантических различий и отличающиеся друг от друга лишь наличием частицы *то* на левой периферии матричной клаузы (при этом почти во всех случаях данная частица факультативна):

(2) а. *Если бабушка дома, дети не голодные.*

б. *Если бабушка дома, то дети не голодные.*

Основная часть настоящей статьи состоит из двух разделов. Сначала мы рассмотрим, какие контрасты между разными типами условных конструкций в русском языке обнаруживают отечественные лингвисты и как идея структурной асимметрии может их объяснить. В четвертом разделе мы попытаемся установить возможный формальный облик синтаксической структуры.

3.2. Основные проблемы, которые можно разрешить с учетом структурной асимметрии

Рассмотрим ряд различий между разными типами условных предложений в русском языке, которые можно объяснить структурной асимметрией анализируемых конструкций. К ним относятся: (а) недопустимость связывания из матричной клаузы в условную при наличии частицы *то* [Соловьева 2020]; (б) обязательность частицы *то* при наличии глагольного эллипсиса [Пекелис 2015]; (в) различное поведение оператора *даже* в зависимости от типа условной конструкции [Podlesskaya 1997]. Основная идея состоит в том, что частица *то* сигнализирует об ином структурном соотношении между частями условной конструкции, чем при ее отсутствии: при отсутствии *то* условная клауза присоединяется низко, а затем перемещается на левую периферию; при ее наличии условная клауза порождается слева и никакого передвижения не происходит. Далее мы подробнее разберем упомянутые проблемы и продемонстрируем, как принятый анализ может объяснить причины наблюдаемых контрастов.

3.2.1. Свойства связывания в условных конструкциях разных типов

В дипломной работе [Соловьева 2020] экспериментально изучались факторы, которые могли оказать влияние на допустимость установления межклаузальных катафорических отношений в русском языке. В исследовании рассматривались конструкции с условными и временными придаточными. При этом среди экспериментальных стимулов присутствовали как предложения с частицей *то*, которая в данном исследовании считается коррелятом, так и предложения без нее. В заключении автор пишет, что эксперимент не дал оснований анализировать катафору через реконструкцию клаузы с местоимением в изначальную позицию порождения (см.,

например, [Chierchia 1995]), однако одним из актуальных для настоящего исследования результатов оказалась невозможность связывания в контекстах с частицей *то* в матричной клаузе и возможность такого связывания при ее отсутствии (экспериментально не удалось доказать статистическую значимость этого наблюдения). На основе интроспекции и опроса носителей русского языка можно с достаточной степенью уверенности сказать, что такой контраст действительно существует в русском языке (3).

(3) а. *Если он_i придет домой поздно, [каждый студент]_i расстроит маму.*

б. **Если он_i придет домой поздно, то [каждый студент]_i расстроит маму.*

Если мы рассматриваем предложения (3а) и (3б) как разные синтаксические структуры, то проблема с контрастом связывания разрешается. Идея весьма прозрачна: поскольку в конструкциях с частицей *то* условная клауза порождается на левой периферии, в деривации нет такого этапа, во время которого кванторная группа с-командует местоимением; в связи с этим невозможно синтаксическое связывание, основным требованием которого является коиндексация и с-командование [Büring 2005; Bach, Partee 1980; и др.]. Условная клауза в контекстах без *то*, в свою очередь, присоединяется достаточно низко (предположительно на уровне VP) и лишь потом перемещается на левую периферию. В таком случае кванторная группа, находящаяся в Spec-TP, с-командует местоимением и связывание оказывается возможным.

3.2.2. Обязательность частицы *то* при наличии глагольного эллипсиса

В статье [Пекелис 2015] исследуются показатель *то* в условных конструкциях и предпринимается попытка описать его семантический вклад, хотя до этого данная частица описывалась как «коррелят, не имеющий специальной семантической нагрузки» [РГ 1980: §3011], отмечался лишь некоторый «стилистический эффект» [Гладкий 1982: 162].

Тем не менее, есть аргументы в пользу того, что у частицы *то* существует некоторая семантика. В работе [Podlesskaya 1997] упоминается ряд контекстов, в которых наблюдается варьирование приемлемости предложений с частицей *то* и без нее. Приведем их ниже и рассмотрим, как идея структурной асимметрии может объяснить причины различий в приемлемости двух типов условных конструкций:

1. Употребление частицы *то* невозможно в контекстах с фокусной частицей (но см. следующий раздел про частицу *даже*):

(4) *Только если сделать операцию вовремя, (*то) у нас останется надежда спасти его.*

2. Частица *то* обязательна в контекстах с глагольным эллипсисом:

(5) *Если он и вспоминал о ней, *(то) всегда с грустью.*

3. Частица *то* не может опускаться в сопоставительных *если-то* конструкциях¹:

(6) *Если в прошлом году в моде были юбки и платья, *(то) в этом сезоне девушки переходят на брюки и шорты.*

Мы рассматриваем только конструкции с условной семантикой, поэтому контексты с сопоставительным *если-то* остаются за пределами нашего исследования на данный момент. Речь о фокусных операторах пойдет в следующем разделе. Рассмотрим пункт 2 и обсудим, как можно объяснить отсутствие факультативности частицы *то* в контекстах с эллипсисом с помощью предположения о структурной асимметрии. Наш анализ учитывает, в том числе, случаи так называемого *слисинга* (см., например, [Merchant 2001]) — эллипсиса, возникающего в прямых и косвенных вопросительных контекстах (эллидируется всё за исключением вопросительной именной группы). В такого рода контекстах частица *то* также является обязательной (7).

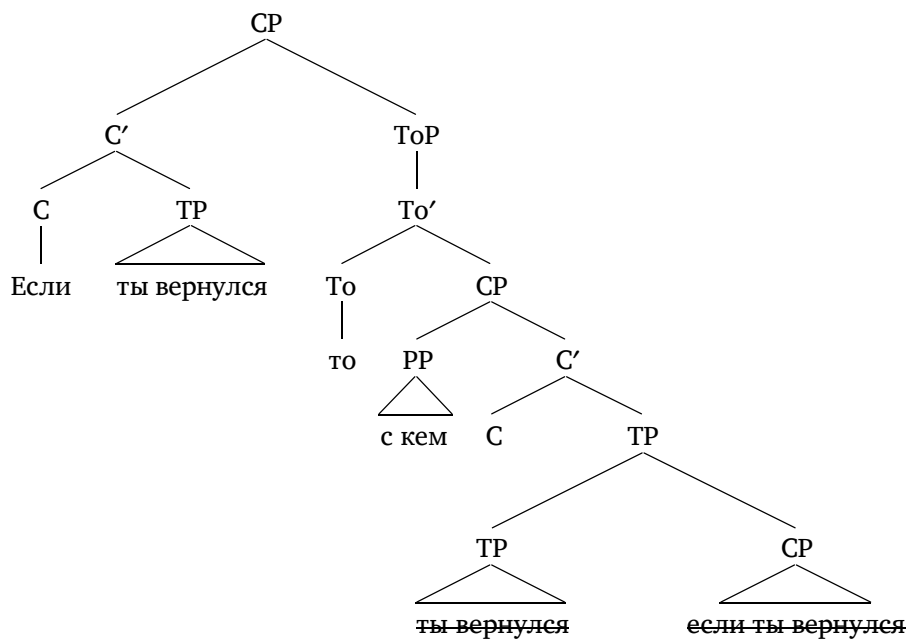
(7) *Если ты вернулся, *(то) с кем ты вернулся?*

На данном этапе мы считаем, что условные клаузы без частицы *то* возникают низко в структуре, а условные клаузы с частицей *то* порождаются на левой периферии. Условная клауза может оказаться на левой периферии без частицы *то* в матричной клаузе ввиду некоторых дискурсивных причин, например, левой дислокации с целью топикализации (см., например, [Prince 1997, 1998]). Для начала рассмотрим пример со *слисин-*

¹ Мы не отрицаем, что интуиции носителей русского языка о приемлемости сопоставительных конструкций с *если* не вполне совпадают, однако автор статьи и опрошенные им информанты разделяют суждения о приемлемости (6) из [Podlesskaya 1997].

гом. Мы считаем, что в такого рода контекстах мы наблюдаем *wh*-передвижение в позицию спецификатора CP вместе с TP-эллипсисом [Grebenuova 2004, 2006, 2009; Scott 2012]. При таком формате эллипсиса более низкая условная клауза, являющаяся адъюнктом к TP (или же адъюнктом к VP, в любом случае происходит ее элидирование), элидируется вместе со всей составляющей и в связи с этим не может быть озвучена. Таким образом, при наличии слюсинга или глагольного эллипсиса возможно озвучивание лишь более высокой, порождающейся на левой периферии условной клаузы, подразумевающее наличие *то* в матричной клаузе. Структура в (8) не считается финальной и является лишь примерным представлением условных конструкций.

(8) Эллипсис в консеквенте русских условных конструкций

В случае с эллипсисом (5) в позицию спецификатора CP будет перемещаться не вопросительная ИГ, а ограничительная фокусная конструкция (при постулировании расширенной проекции CP разумно предположить, что она будет располагаться в спецификаторе FocP). В остальном деривация ничем не будет отличаться. Таким образом, анализ с учетом структурной асимметрии условных конструкций в русском языке позволяет решить проблему эллипсиса и слюсинга, которые требуют наличия *то* в матричной клаузе. В таком случае, мы считаем это явление сугубо синтаксическим и не требующим дополнительного анализа семантики частицы *то*.

3.2.3. Поведение условных конструкций с фокусными операторами

Как уже было сказано выше, частица *то* не может употребляться при наличии фокусного оператора в условной клаузе, что подтверждается на примере с оператором *только* (9а). Однако это не совсем так: рассмотрим контексты с оператором *даже*². Среди них обнаруживается ряд примеров, в которых употребление частицы *то* оказывается приемлемым. Семантически мы наблюдаем некоторые очевидные различия в приемлемости между предложениями (9b) и (9c).

- (9) а. *Только если Маша выспится, (*то) она хорошо напишет контрольную.*
- б. *Даже если Маша придет на контрольную после бессонной ночи, (*то) она прекрасно все ответит.*
- с. *Даже если Маша придет на контрольную после бессонной ночи, (то) мы ее как-нибудь взбодрим.*

Мы утверждаем, что все контексты с фокусными операторами и недопустимой частицей *то*, содержат конструкции, в которых условная клауза находится в сфере действия оператора, располагающегося в матричной клаузе. В настоящем разделе мы продемонстрируем, что (i) недопустимость частицы *то* в контекстах с фокусными операторами связана с синтаксической позицией условной клаузы; (ii) контексты, в которых *даже* допустимо при наличии частицы *то* в главной клаузе, содержат оператор другой синтаксической природы (он располагается не в матричной клаузе).

Мы связываем недопустимость фокусного оператора *только* с синтаксической структурой условных конструкций с частицей *то*. Один из способов формализовать такую точку зрения — это предположить, что условные клаузы при наличии частицы *то* обязательно располагаются вне сферы действия фокусного оператора вроде *только* ввиду своей высокой позиции и в связи с этим не могут функционировать как ассоциаты данного оператора (мы утверждаем наличие тесной связи между сферой действия и с-командованием [May 1985]). Высказанная идея не подкрепляется независимыми доказательствами на материале контекстов с частицей *только*, однако косвенным подтверждением выступают примеры с фокусным оператором *даже*.

² Мы благодарим Д.С. Сидоркину за примеры.

Мы уже обсудили, что некоторые контексты с частицей *то* допускают употребление *даже*, в том числе, контексты с эллипсисом, в которых частица *то* является обязательной (10).

(10) *Даже если погибну, то не зря.* [Пекелис 2015: 93]

Мы предполагаем, что контраст из (9), который мы повторяем в (11) является основанием для анализа, при котором оператор *даже* не берет в свою сферу действия главную клаузу при наличии частицы *то*. Учитывая, что *даже* и подобные ему операторы предполагают низкую вероятность своего ассоциата по сравнению с его альтернативами [Karttunen, Peters 1979; Crnić 2011], различие между (11a) и (11b) заключается в содержании пропозиции, которая оценивается как маловероятная: антецедент условной конструкции как в (11a) или условная конструкция целиком как в (11b).

(11) Основной контраст для оператора *даже*:

- a. *Даже если Маша придет на контрольную после бессонной ночи, (то) мы ее как-нибудь взбодрим.*
- b. *Даже если Маша придет на контрольную после бессонной ночи (*то) она прекрасно все ответит.*

Контекст в (11a) сообщает, что приход Маши на контрольную после бессонной ночи маловероятен, но не содержит информации о маловероятности того, что мы ее взбодрим. Контекст в (11b), напротив, предполагает, что прекрасный ответ Маши после бессонной ночи маловероятен. Вопрос состоит в том, как можно композиционно анализировать полученный контраст, чтобы формализовать недопустимость частицы *то* в контексте (11b).

По всей видимости, наш подход требует постулировать для *даже* две доступные сферы действия: широкую и узкую. Первое *даже* должно располагаться выше всей условной структуры и брать ее в свою сферу действия целиком. Второе *даже* располагается низко в структуре и имеет в своей сфере действия только антецедент условной конструкции. Поскольку *даже* с высокой сферой действия не может употребляться в контекстах с частицей *то*, мы ожидаем, что наличие частицы *то* требует от *даже* низкой сферы действия.

Согласно анализу в диссертации [Crnić 2011] широкую сферу действия в контекстах с оператором нисходящей монотонности (именно таким является условный оператор, см. (12), требуют ассоциаты, представляющие собой слабый элемент шкалы³.

(12) *Если Маша съест орех, то у нее начнется аллергия.*

⇒ *Если Маша съест арахис, то у нее начнется аллергия.*

Таким образом, в контекстах со слабыми скалярными альтернативами мы ожидаем, что частица *то* будет недопустима по структурным причинам. Именно это мы и наблюдаем в примере (13), где фокусными ассоциатом выступает пропозиция *занять последнее место*, которая является самой слабой из всего множества альтернатив *занять N место*, где *N* — это номер места. Как мы и предсказываем, в предложении недопустимо употребление частицы *то*, что мы связываем с (i) высокой сферой действия *даже*; (ii) несовместимостью конструкции с частицей *то* с высоким *даже*.

(13) *Даже если Вася займет последнее место, (*то) его все похвалят.*

Мы предполагаем, что (ii) связано с высокой позицией условной клаузы в синтаксической структуре при наличии частицы *то*: она не может находиться в сфере действия фокусного оператора *даже*.

При этом контексты с сильным элементом в качестве ассоциата под оператором нисходящей монотонности требуют низкой сферы действия *даже* (14), иначе мы получаем прагматическое противоречие (оператор нисходящей монотонности делает прагматически сильную альтернативу слабой, в результате чего появляется маргинальный контекст: самая слабая альтернатива является наименее вероятной).

(14) Прагматически сильные фокусные альтернативы в контекстах нисходящего следствия требуют низкого *даже*:

а. *Я сомневаюсь, что Вася даже понял книгу.*

б. *#Я даже сомневаюсь, что Вася понял книгу.*⁴

³ Чтобы понять, в чем разница между сильными и слабыми элементами, рассмотрим шкалу <открыть, прочитать, понять> (книгу). Элемент *открыть* является в ней самым слабым, а *понять* — самым сильным (из него следуют все предыдущие).

⁴ Символ # указывает на прагматическую маргинальность и/или неинтерпретируемость контекста.

Учитывая ограничения на дистрибуцию двух типов *даже*, мы можем сформулировать, как работает контраст в (11). Если антеcedент условной конструкции представляет собой прагматически сильную альтернативу, то сама условная конструкция маловероятна. В таком случае пресуппозиция *даже* удовлетворяется только, когда *даже* берет в свою сферу действия условную конструкцию целиком. Это возможно только в том случае, когда в матричной клаузе нет частицы *то*. Если в качестве антеcedента выступает прагматически слабая альтернатива, то пресуппозиция *даже* удовлетворяется внутри самой антеcedентной клаузы. Это возможно как при наличии частицы *то* в матричной клаузе, так и при ее отсутствии.

3.2.4. Контексты с двумя условными клаузами

Еще одним свидетельством в пользу теории о двух позициях условных клауз в русском языке являются контексты с двумя условиями (15). Такие контексты оцениваются носителями как сильно менее приемлемые при отсутствии частицы *то*.

(15) *Если капнуть на кожу обычной воды, *(то) если кожа натуральная, она впитает эту воду в себя.*

Мы предполагаем, что эти данные указывают на то, что условные предложения с частицей *то*, присоединенные слева, находятся в другой позиции, нежели обычные условные клаузы, присоединяемые ниже.

4. Гипотетическая синтаксическая структура условных конструкций с частицей *то*

Теперь, когда мы описали основные контрасты, связанные с наличием частицы *то* в русских условных конструкциях, мы можем сформулировать ряд гипотез относительно их структуры. В настоящей статье мы будем в основном ориентироваться на анализ, представленный в [Biskup, Šimík 2019] и рассматривающий условные конструкции как структуры с двумя условными клаузами, которые порождаются в разных местах (слева и справа от матричной клаузы соответственно) и не могут быть озвучены одновременно. Для проверки своей гипотезы авторы изучают данные выносов на материале чешского языка (в том числе экспериментально: см. [Šimík et al. 2022]). В рамках исследования мы произвели опрос носителей касательно допустимости выносов из антеcedента и консеквента русских условных конструкций. Обсудим подробнее собранные у них суждения и

предположим, какое значение они могут иметь при решении вопроса о формализации структуры условных конструкций двух типов: с частицей *то* и без нее.

Были проверены следующие типы контекстов: вынос относительного местоимения из условной/матричной клаузы при наличии частицы *то* и без нее; АТВ-вынос из обеих клауз (одновременный вынос одной и той же ИГ из обеих составляющих, обычно употребляется в отношении выноса из конъюнктов) при наличии частицы *то*⁵. Ниже представлены суждения, которые были получены от большей части опрошенных носителей в результате неформальной элицитации (возраст носителей варьируется от 18 до 25, в зависимости от примера мы опрашивали от 5 до 10 носителей русского языка), для всех примеров была выбрана единообразная пунктуация (запятые ставились перед относительным местоимением и на границе условной и матричной клаузы):

- (16) а. *Это мужчина, которого если ты в магазинпустишь, ?(то) все посетители разбегутся.*
- б. **Это мужчина, которого все посетители разбегутся, если в магазинпустишь.*
- с. *Это кнопка, которую если в магазинворвется вор, (*то) мы нажмем.*
- д. *Это кнопка, которую мы нажмем, если в магазинворвется вор.*
- е. *Чей законопроект Маша нам объяснила, что если будет принят к обсуждению, ??(то) никто не поддержит?*
- ф. *??Чей законопроект Маша нам объяснила, что никто не поддержит, если будет принят к обсуждению?*

На основе наблюдаемых контрастов можно сделать некоторые обобщения относительно свойств выноса из составляющих условных конструкций. Во-первых, допустимые конфигурации выносов при наличии частицы *то* соотносятся с данными, актуальными для русских сочиненных конструкций с союзом *а* с уступительной семантикой (см. ниже). Таким обра-

⁵ Мы осознаем проблему нулевых дополнений, но не можем найти исчерпывающее решение на данном этапе.

зом, мы можем предположить, что условная и матричная клауза ведут себя как конъюнкты, следовательно для них должны выполняться соответствующие ограничения:

(17) Ограничение сочинительного острова (Coordinate Structure Constraint) [Ross 1967]:

В сочиненной структуре ни один из конъюнктов не может передвинуться и ни один из элементов не может быть вынесен из конъюнкта.

Если мы рассматриваем условные конструкции с частицей *то* как сочинение, то вынос из второго конъюнкта совершенно точно оценивается как неприемлемый, при этом ситуация с первым конъюнктом представляется несколько неоднозначной. Мы знаем, что вынос из оставшейся *in situ* условной клаузы кажется опрошенным носителям строго неприемлемым (16b). Однако после передвижения на левую периферию условная клауза оказывается более проницаемой для выноса и контексты (16a) без частицы *то* часто оцениваются носителями как допустимые. При наличии частицы *то* такого рода вынос кажется носителям абсолютно приемлемым. Как можно объяснить допустимость выноса из конъюнкта, учитывая островное ограничение?

В лингвистике уже довольно давно известно, что вынос из конъюнктов сочиненных структур возможен в той или иной степени [Goldsmith 1985; Lakoff 1986; Culicover, Jackendoff 1997; Postal 1998]. Вышеупомянутые авторы вместе с [Ross 1967: 168–170] выделяют три основных типа сочиненных конструкций: непроницаемая конъюнкция, допускающая лишь АТВ-вынос; конъюнкция с выносом из первого конъюнкта и конъюнкция с выносом из второго конъюнкта. Рассмотрим тот из них, с которым мы возможно имеем дело в случае условных конструкций с частицей *то*.

(18) Вынос из не-последнего конъюнкта

Могут выноситься как аргументы, так и адъюнкты (нет эффекта слабого острова):

- a. *I know **which food**₁ you can [eat _₁ for hours][and/but still stay hungry].*
 ‘Я знаю, какую еду ты можешь есть часами, и/но оставаться голодным.’
- b. *I know **how long**₁ you can [eat chips _₁][and/but still stay hungry].*
 ‘Я знаю, как долго ты можешь есть чипсы, и/но все равно оставаться голодным.’

АТВ-конфигурация:

с. *I know **which food**₁ you can [eat ₋₁ for hours][and/but not be sick at the sight of ₋₁ afterwards].*

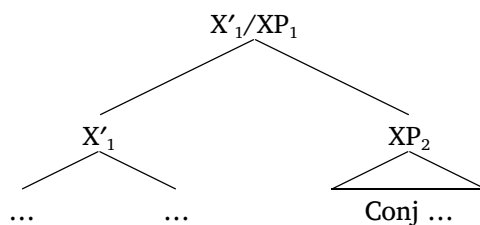
‘Я знаю, какую еду ты можешь есть часами и не испытывать тошноту при взгляде на нее.’

Согласно данным из [Privoznov 2023], в русском языке сочиненные структуры с союзами *а*, *но* в уступительных контекстах позволяют вынос из первого конъюнкта (19).

(19) *Это задание, которое ты не доделал, а/но все равно пошел в кино.*

Таким образом, вынос аргумента из первого конъюнкта считается приемлемым в некоторых контекстах и при употреблении определенных сочинительных союзов (для русского языка это союзы *а* и *но* в контекстах с уступительной семантикой). В (20) показана возможная структура, с которой мы имеем дело в случае с условными *если-то* конструкциями (согласно теории из [Privoznov 2023] отношения в таких структурах скорее подчинительные, чем сочинительные, поэтому второй из конъюнктов является адъюнктом). Если мы попробуем соотнести такую структуру с русскими условными конструкциями с частицей *то*, условная клауза будет соответствовать XP_1 , а главная клауза, содержащая сочинительный союз — XP_2 . При этом XP_1 является проницаемой для выноса.

(20) Вынос из не-последнего конъюнкта

На данном этапе мы считаем, что русские условные конструкции функционируют как сочиненные структуры с союзом *а* или *но* в контекстах с уступительной семантикой, то есть позволяют вынос из первого конъюнкта, но не из второго.

5. Выводы и перспективы исследования

В настоящей статье приводятся доводы в пользу синтаксического подхода к объяснению различий между русскими условными конструкциями с частицей *то* и без нее. На основании данных о глагольном эллипсисе, связывании и сфере действия фокусных операторов было высказано предположение о том, что условные клаузы занимают более высокую позицию при наличии частицы *то*.

Таким образом, эта работа дополняет исследовательскую традицию, установившую, что условные предложения могут иметь разный внешний синтаксис в зависимости от ряда факторов. Однако идея о связи между различным внешним синтаксисом условных предложений и их интерпретацией, которая утверждается на материале германских языков [Haegeman 1984; Haegeman 2003; Haegeman, Schönenberger 2023] неприменима к данным русского языка и не может объяснить контрасты между русскими условными конструкциями с частицей *то* и без нее.

В данной статье нет итогового вывода о природе частицы *то* в русских условных конструкциях, хотя мы и высказали гипотезу о том, что они напоминают сочиненные структуры. В более точном формальном анализе рассматриваемых конструкций состоит основная перспектива исследования. На данный момент мы не можем дать однозначного синтаксического или семантического определения частицы *то*. Нельзя не отметить, что она омонимична форме среднего рода указательного местоимения *тот*, непонятно можно ли конкретизировать связь между данным местоимением и компонентом сложного условного союза в рамках более глубокого анализа. Семантический вклад частицы также остается неясным, особенно если учесть, что все заметные контрасты, связанные с наличием частицы *то* в консеквенте, вытекают из высокого структурного положения условной клаузы, на которое и указывает частица. В любом случае, положительный вклад данной статьи заключается в том, что русские условные предложения могут располагаться в разных синтаксических позициях, что диагностируется на основе данных глагольного эллипсиса, связывания и взаимодействия с фокусными частицами.

Список источников / References

- Гладкий 1982 — Гладкий А.В. О значении союза ЕСЛИ. *Семиотика и информатика*. 1982. Вып. 18. М.: ВИНТИ. С. 43–76. [Gladkij A.V. About the meaning of the conjunction IF. *Semiotika i informatika*. 1982. Vol. 18. M.: VINITI. Pp. 43-76.]

- Пекелис 2015 — Пекелис О.Е. Показатель *to* как средство акцентуации имплицативного отношения (на примере союза ‘если... то’). // *Вопросы языкознания*. 2015. №2. С. 55–96. [Pekelis O.E. The marker *to* as a means for highlighting implicative relations (case study of *esli...to* ‘if... then’ conjunction). *Voprosy jazykoznanija*. 2015. No. 2. Pp. 55–96.]
- РГ 1980 — *Русская грамматика: В 2 т.* Т. II. Гл. ред. Шведова Н.Ю. М.: Наука, 1980. [Russkaya grammatika: In 2 vol. [Russian grammar in two volumes]. Shvedova N.Y. (ed.). М.: Nauka, 1980.]
- Соловьева 2020 — Соловьева А.В. Межклаузная катафора в русском языке (экспериментальное исследование). Выпускная квалификационная работа. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020. [Solovyova A.V. Mezkhklauzal'naya katafora v russkom yazy`ke (e`ksperimental'noe issledovanie) [Interclausal cataphora in Russian language]. Bachelor diploma. М.: Lomonosov MSU, 2020]
- Bach, Partee 1980 — Bach E., Partee B. Anaphora and semantic structure. *Compositionality in Formal Semantics*. Oxford: Blackwell, 1980. Pp. 122–152.
- Biskup, Šimik 2019 — Biskup P., Šimik R. Structure of conditional and (cor)relative clauses: New evidence from locality. *The Proceedings of NELS 49*. 2019.
- Büring 2005 — Büring D. *Binding Theory*. Cambridge University Press, 2005.
- Chierchia 1995 — Chierchia G. *Dynamics of meaning anaphora, presupposition, and the theory of grammar* / Gennaro Chierchia. (1st ed.). University of Chicago Press, 1995.
- Crnič 2011 — Crnič L. *Getting even*. Ph.D. dis. Massachusetts Institute of Technology, 2011.
- Culicover, Jackendoff 1997 — Culicover P.W., Jackendoff R. Semantic subordination despite syntactic coordination. *Linguistic inquiry*. 1997. 28(2), 195–217.
- Ebert et al. 2008 — Ebert C., Endriss C., Hinterwimmer S. A unified analysis of indicative and biscuit conditionals as topics. In *Semantics and linguistic theory*, 2008. Pp. 266–283.
- Ebert et al. 2014 — Ebert C., Ebert C., Hinterwimmer S. A unified analysis of conditionals as topics. *Linguistics and Philosophy*. 2014. 37, 353–408.
- Frey 2023 — Frey W. On the categorical status of different dependent clauses. In J.M. Hartmann, A. Wöllstein (eds.). *Propositionale argumente im sprachvergleich/propositional arguments in cross-linguistic research: theorie und empirie/theoretical and empirical issues*. Narr Francke Attempto Verlag, 2023.
- Goldsmith 1985 — Goldsmith J. A principled exception to the Coordinate Structure Constraint. *CLS21 Proceedings*. 1985. Pp. 133–143.
- Grebenyova 2004 — Grebenyova L. Interpretation of Slavic Multiple Wh-Questions. *Proceedings of the Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics (FASL 12)*. 2004.
- Grebenyova 2006 — Grebenyova L. Sluicing Puzzles in Russian. *Proceedings of the Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics (FASL 14)*. 2006.
- Grebenyova 2009 — Grebenyova L. Sluicing and Multiple Wh-Fronting. *Proceedings of the Fifth Asian Generative Linguistics of the Old World Conference (GLOW in Asia)*. 2009.
- Haegeman 1984 — Haegeman L. Pragmatic conditionals in english. *Folia Linguistica*. 1984. Vol. 18. №3-4. Pp. 485–502.
- Haegeman 2003 — Haegeman L. Conditional clauses: External and internal syntax. *Mind and Language*. 2003. 18. Pp. 317–339.
- Haegeman, Šönenberger 2023 — Haegeman L., Šönenberger M. The external syntax of conditional clauses. In *Conditionals: logic, linguistics and psychology*. Springer, 2023. Pp. 275–319.
- Iatridou 1991 — Iatridou S. *Topics in conditionals*. Ph.D. dis. Massachusetts Institute of Technology dissertation, 1991.
- Karttunen, Peters 1979 — Karttunen L., Peters S. Conventional Implicature. In *Presupposition*. Brill, 1979. Pp. 1–56.

- Lakoff 1986 — Lakoff G. Frame semantic control of the Coordinate Structure Constraint. In A.M. Farley, P.T. Farley, K-E. McCullough (eds.). *Papers from the Parasession on Pragmatics and Grammatical Theory*. Chicago, IL, USA: Chicago Linguistic Society, University of Chicago, 1986. Pp. 152–167.
- Merchant 2001 — Merchant J. *The syntax of silence: Sluicing, identity, and the theory of ellipsis*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Prince 1997 — Prince E. On the functions of left-dislocation in English discourse. In: A. Kamio (ed.). *Directions in Functional Linguistics*. John Benjamins, Philadelphia, 1997. Pp. 117–144.
- Prince 1998 — Prince E. On the limits of syntax, with reference to topicalization and left-dislocation. In P. Cullicover, L. McNally (eds.). *Syntax and Semantics*. Academic Press, New York, 1998. 29. Pp. 281–302.
- Podlesskaya 1997 — Podlesskaya V.I. Syntax and Semantics of resumption: some evidence from Russian conditional conjuncts. *Russian linguistics*. 1997. 21. Pp. 125–155.
- Postal 1998 — Postal P. *Three Investigations of Extraction*. Cambridge, MA, USA: MIT Press, 1998.
- Privoznov 2023 — Privoznov D. *The syntax of presupposition projection*. Handout.
- Ross 1967 — Ross J.R. *Constraints on variables in syntax*. Ph.D. dis. Massachusetts Institute of Technology, 1967.
- Scott 2012 — Scott T. *Whoever doesn't hop must be superior: The Russian left-periphery and the emergence of superiority*. Ph.D. dis. Stony Brook university, 2012.
- Šimík et al. 2022 — R. Šimík, P. Biskup, K. Bartasová, M. Dančová, E. Dostálková, K. Hrdinková, G. Kosková, J. Kozák, K. Lupoměská, A. Maršík, E. Schejbalová. Extraction from clausal adjuncts in Czech: A rating experiment. *Proceedings of the Fifty-Second Annual Meeting of the North East Linguistic Society (NELS 52)*. 2022. 3. Pp. 109–125.
- Tiskin 2017 — Tiskin D. Movement out of adjunct clauses in Russian: evidence from semantics. In S.S. Alvestad (ed.). *Comparative Slavic Syntax and Semantics*. 2017. 9(1). Pp. 33–43.

Статья поступила в редакцию 05.09.2024; одобрена после рецензирования 02.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was received on 05.09.2024; approved after reviewing 02.12.2024; accepted for publication 20.12.2024.

Дарья Александровна Парамонова

МГУ имени М.В. Ломоносова

Daria Paramonova

Lomonosov Moscow State University

dashparamonova@yandex.ru

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2024.40.40.005

НЕКОТОРЫЕ МОДИФИКАЦИИ К ТЕОРИИ СВЯЗАННЫХ УПОТРЕБЛЕНИЙ ИНДЕКСАЛЬНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ И. БАССИ

Д.Б. Тискин

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —
Санкт-Петербург*

Аннотация: Связанные употребления индексальных выражений (*fake indexicals*, FI), в т. ч. личных местоимений 1 и 2 лица, анализируются И. Басси [Bassi 2021] как результат постсинтаксического процесса, обращаясь к признакам референта местоимения. Это приводит к экстравагантному описанию синтаксиса и семантики относительных придаточных, включающих FI. Опираясь на данные русского языка, мы показываем способ вернуться к более традиционному описанию для некоторых из них. При этом идея постсинтаксического процесса полезна в описании связанных употреблений не только рефлексивов (о чём говорит уже Басси), но и связанных полных именных групп, которые в таком случае можно описывать как местоимения, постсинтаксически получающие экспонент своего антецедента.

Ключевые слова: связанные употребления индексальных выражений, связывание, ф-признаки, относительные придаточные, русский язык

Для цитирования: Тискин Д.Б. Некоторые модификации к теории связанных употреблений индексальных выражений И. Басси // Типология морфосинтаксических параметров. 2024. Том 7, вып. 1. С. 107–123. doi:10.37632/PI.2024.40.40.005

SOME MODIFICATIONS TO BASSI'S THEORY OF FAKE INDEXICALS

Daniel Tiskin

HSE University, St. Petersburg

Abstract: Fake indexicals (FIs), or bound-variable uses of e.g. 1st- and 2nd-person pronouns, have been analysed by Bassi (2021) as arising from a post-syntactic process of inspecting the features of the referent. This leads to a peculiar analysis of the syntax and semantics of relative clauses containing FIs. I argue for a more traditional analysis (of some of the examples) based on data from Russian. However, Bassi's post-syntactic proposal is valuable as it can be extended not only to reflexives (as Bassi himself notes) but also to bound uses of R-expressions, which are then analysed as pronouns whose exponence is post-syntactically set to be a copy of their antecedent.

Keywords: fake indexicals, binding, ϕ -features, relative clauses, Russian

For citation: Tiskin D. Some modifications to Bassi's theory of fake indexicals. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2024. Vol. 7, iss. 1. Pp. 107–123. (In Rus.). doi:10.37632/PI.2024.40.40.005

1. Введение

Связанные употребления индексальных выражений (*fake indexicals*, FI) представляют собой (если ограничиваться материалом русского¹ и английского языков) такие употребления личных местоимений 1 и 2 лица (и примыкающие к ним употребления охарактеризованных по числу или роду местоимений 3 лица), а также соответствующих форм глагольного или именного сказуемого, которые (i) функционируют как связанные переменные, т. е. имеют семантически связывающий antecedent и коварируют с ним, и (ii) имеют хотя бы один ϕ -признак (лицо, число, род), не вносящий вклада хотя бы на одном из уровней значения предложения (пресуппозиция или ассерция). Например, в интересующей нас интерпретации (1) пресуппозиция 'Я сделал(а) моё домашнее задание' включает указание на то, что домашнее задание принадлежит говорящему, но ассерция 'Другие не сделали свои домашние задания' не утверждает, что другие тоже делали задание говорящего. В (2), наоборот, ассерция 'Ты даёшь мне денег, чтобы я отстала' утверждает, что целью является, чтобы говорящая отстала, но пресуппозиция 'Кому-то более ожидаемому ты даёшь денег, чтобы он от тебя отстал' не содержит указания на 1 лицо.

¹ Среди немногочисленных работ, посвящённых FI в русском языке, следует назвать по крайней мере [Парамонова 2023], где экспериментально исследуется в т. ч. доступность связанной интерпретации местоимения в некоторых типах относительных придаточных.

- (1) *Only I did my homework.* (пример И. Хайм, по [Schlenker 2004: 159, (6)])
'Только я сделал(а) моё/своё домашнее задание.'
- (2) ... *ты всем даешь денег, чтобы от тебя отстали. Ты даже мне даешь денег только для того, чтобы я от тебя отстала!* [Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)]²

Объяснение неучастия признаков местоимения в семантической композиции до недавнего времени шло по двум основным направлениям: модификация семантики фокуса с целью исключить пресуппонируемые местоимением ф-признаки из вычисления множества фокусных альтернатив, по которому квантифицирует фокусная частица (*only*, *даже* и т.д.) [Sauerland 2013] и признание лексической неоднозначности местоимений [Kratzer 2009; Ivan, Mirrazi 2019]. В последнем случае имеется в виду, что некоторые местоимения берутся из лексикона с полным набором признаков, а другие («минимальные»), хотя в конечном счёте приобретают такой же экспонент, порождаются без признаков и получают их посредством механизма передачи признаков, сопутствующей связыванию, причём эти признаки служат только выбору экспонента и не видны семантической интерпретации³.

Недавняя работа [Bassi 2021] не относится вполне ни к одному из двух направлений и вводит в оборот новые синтаксические аргументы на материале английского и ряда других языков. Представляет интерес анализ этих аргументов, ведущих в случае FI в относительных клаузах к нестандартному синтаксическому описанию, и их сопоставление с отсутствующими в работе И. Басси данными русского языка.

Оставшая часть статьи организована следующим образом: §2 описывает подход Басси к анализу FI и его сопутствующие допущения о синтаксисе и семантике относительных придаточных; §3 излагает наши аргументы против описания русских относительных клауз с FI по модели Басси и предлагает альтернативное решение; §4 намечает пути применения постсинтаксического подхода Басси к различным типам связанных полных ИГ в тайском, английском и русском языках, при котором такие ИГ трактуются как FI, лишь по экспоненту совпадающие с полными ИГ; заключение указывает на нерешённые проблемы.

² Примеры с такой атрибуцией взяты из основного корпуса НКРЯ, <http://ruscorpora.ru>.

³ Недавно [Charnavel, Sportiche 2023] предложили ещё одну теорию: в случаях связывания пресуппозиция связываемого элемента устраняется, если совпадает с пресуппозицией связывающего, поэтому пресуппозиция местоимения-FI не попадает в фокусные альтернативы.

2. FI в относительных придаточных: [Bassi 2021]

И. Басси [Bassi 2021] нашёл способ избежать как признания лексической неоднозначности местоимений, так и усложнённой семантики фокуса. В его теории местоимение порождается с индексом, но без ϕ -признаков (т. е. как «минимальное»)⁴ и получает эти признаки в результате постсинтаксической операции, обращающейся к фактическим признакам индивида, который сопоставлен индексу при текущем означивании (*assignment*). Эта процедура доступна и для связанных (нереференциальных) употреблений местоимений, как в [*Every girl*]₁ *did her*₁ *homework* ‘Каждая девочка сделала своё домашнее задание’, поскольку в этом случае может быть проверено всё множество индивидов в «локальном контексте» (*local context*) связанной переменной. Антецедент определяет, что любой индивид, который может быть сопоставлен индексу на *her*, является девочкой, т. е. имеет признак [FEM]; правило выбора экспонента местоимения определяет, что если все такие индивиды имеют признак [FEM], то выбирается *her*, если все имеют [MASC], то выбирается *his*, а если множество смешанное — *their* (в варианте английского языка, который описывает Басси). В случае же связывания местоимения антецедентом, несущим фокус, как в *Only MARY*₁ *did her*₁ *homework* ‘Только Мэри сделала своё домашнее задание’, множество индивидов, на основе которого делается выбор экспонента, берётся только из самого антецедента (*Mary*), а не из его фокусных альтернатив (других индивидов, о которых могла бы идти речь вместо Мэри), поэтому, даже если среди них есть не имеющие признака [FEM], в опорном множестве оказывается только Мэри и выбор экспонента делается в пользу *her* [Bassi 2021: 110, (160)]. Это и приводит к тому, что местоимение ведёт себя как FI — несёт признак [FEM], хотя множество альтернатив не

⁴ Как отмечает анонимный рецензент, принятие Басси идеи о «минимальности» местоимений может показаться необоснованным, поскольку некоторые авторы предлагали считать, что местоимение-FI сохраняет семантику лица и числа, а за отсутствие этих признаков в зоне эллипсиса ответствен другой механизм, например, унификация (*unification*) в [Maier 2008]. К тому же Басси не разделяет тезиса о чисто синтаксическом способе означивания их ϕ -признаков. По-видимому, для Басси это просто способ избежать необходимости объяснять, как признаки нейтрализуются при FI-интерпретации. Тем не менее чисто семантические теории типа предложенной Э. Майером, по-видимому, всё равно недостаточны для языков мира в целом, т. к. не могут объяснить различий в доступности FI-интерпретации в зависимости от синтаксической позиции местоимения [Ivan, Mirrazi 2019].

ограничено такими, где домашнее задание принадлежит женщине⁵. Аналогично определяется и признак лица местоимения.

Чтобы применить своё решение к FI в относительных придаточных, таким как (3), Басси должен преодолеть затруднение: местоимение-FI \emptyset в придаточном связано λ -оператором, ассоциированным с относительным передвижением, и на этом этапе φ -признаки ещё не определены; квантификацию же по этой переменной осуществляет адъективное *only*, утверждающее наличие свойства ‘ $\lambda x.x$ закончил статью x ’ у говорящего и отрицающее его у других, у которых признак лица другой. В результате предсказывается 3 лицо местоимения \emptyset вместо первого, поскольку пробег переменной включает не только говорящего.

(3) a. *I am the only one who finished my paper.*

‘Только я закончил мою/свою статью.’

b. *I am [(the) only (one) [(who) $\lambda_1 t_1$ finished \emptyset_1 's paper]]]*

Чтобы преодолеть затруднение, Басси делает допущение: придаточное передвигается из своей позиции ниже *only* в более высокую позицию, становясь сестрой предикативного узла (4). Поскольку экспонент местоимения определяется после синтаксиса, на момент определения антецедентом, влияющим на выбор признаков, будет уже матричное подлежащее, заполняющее аргументный слот в верхнем, нерестриктивном относительном придаточном, что объясняет выбор 1 лица в (3).

(4) *I am* [_{PredP} [_{PredP} *the only one* [_{CP} ~~*who finished my paper*~~]] [_{CP} *who finished my paper*]]

В подтверждение тезиса о связывании FI в придаточном непосредственно матричным подлежащим Басси приводит следующие факты.

- В партитивной конструкции, где меньшая по размеру ИГ содержит монотонное вниз (*downward monotone*) кванторное слово *few* ‘немногие’, от которого ожидается способность лицензировать единицы с отрицательной полярностью (NPI) в своей сфере действия, употребление FI (*her* женского рода в соответствии с признаком *Mary* в ситуации, где часть студентов мужского пола) возможно тогда же, когда

⁵ Впрочем, поскольку в теории Басси признаки местоимения не участвуют в вычислении значения, а привносятся только в экспонент, требуется объяснение не того, как употребление *her* не препятствует наличию альтернатив-мужчин, а того, как наличие таких альтернатив не препятствует употреблению *her*, что Басси и делает, постулируя нечувствительность выбора экспонента к альтернативам.

сказуемое придаточного выступает в единственном числе, т. е. согласуется (в конечном счёте, не считая *who*) с *one*, а не с *few students* (5a).

- Такое же употребление FI возможно тогда, когда невозможно употребление NPI (*ever*), т. е. когда придаточное **не** находится в сфере действия *few* (5b).

- (5) a. *Mary is [[one of the few students] [who (*ever) submits her papers on time]].*
 ‘Мэри — одна из немногих студентов, кто (когда-либо) сдаёт свои работы вовремя.’
- b. *Mary is [one of [the few students [who ever submit their papers on time]]].*
 ‘Мэри — одна из немногих студентов, которые (букв. кто) когда-либо сдают свои работы вовремя.’

Эти данные, согласно Басси, показывают различную позицию придаточного при FI и при обычном связанном местоимении: в случае обычного местоимения (*their* в (5)) придаточное присоединяется низко и его именной вершиной оказывается *students*, а в случае FI — выше, так что его вершиной является *one*. Невозможность FI при низкой позиции в ситуации, где позицию можно диагностировать по согласованию сказуемого и употребимости NPI, по мысли Басси, показывает, что в более низкой позиции FI уже недоступны — видимо, в силу семантического связывания со стороны *few* (в отличие от несущего признак 1 лица матричного подлежащего), которое, как и *only*, перебирает индивидов с разным признаком лица. Соответственно, в (4), где FI возможен, позиция придаточного должна быть достаточно высокой.

3. Позиция относительной клаузы

Итак, Басси объясняет взаимосвязь между допустимостью FI и недопустимостью NPI в относительной клаузе⁶ тем, что обе имеют место, когда

⁶ Мы исходим из оценок английских предложений, даваемых в [Bassi 2021], включая неприемлемость примеров типа **John is one of the few students who ever reads anything* ‘Джон — один из немногих студентов, кто когда-либо читает что-либо’, включающих одновременно NPI и единственное число в придаточном. С другой стороны, [Arnold, Lucas 2016: 52] утверждают, что такие комбинации возможны: *one of the most impressive goals that has ever been scored here* ‘один из самых впечатляющих голов, что когда-либо был забит здесь’. При этом анализ Д. Арнолда и К. Лукаса основывается на других синтаксических допущениях и предполагает возможность для *one* принимать два компонента, так что между (одной из имеющихся в языке лексем с экспонентом) *one* и придаточным устанавливается непосредственное (селективное) отношение.

клауза присоединяется выше кванторного слова *few*, а обратное соотношение — когда она присоединяется ниже. Недостатком такого анализа является нестандартная модель семантической композиции для структуры в (4): нижняя (непроизносимая) копия CP вносит обычный семантический вклад (ограничивает множество, называемое несущей NP), а верхняя вносит тот же вклад **ещё раз**, модифицируя PredP, поскольку предотвратить этот семантический вклад невозможно, хотя он оказывается избыточным (соответствующее ограничение уже наложено ниже). Такое решение отличается от двух более широко известных: конверсии следа (*Trace Conversion*, [Fox 2002]), при которой нижняя копия конвертируется в переменную, связываемую передвинутым элементом как обобщённым квантором, и семантической реконструкции (например, [Lechner 1998]), которая отличается от конверсии типом следа — он тот же, что у верхней копии, так что эта копия оказывается аргументом составляющей, откуда передвинулась. Кроме того, неясны причины постулируемого Басси передвижения.

В связи с этим полезно рассмотреть возможность более традиционного анализа. Такой анализ представляется возможным и даже желательным ввиду следующих фактов русского языка. **Во-первых**, вопреки утверждению [Longenbaugh 2019], единственное число относительного местоимения *который* нередко встречается в русских текстах (хотя и противоречит литературной норме⁷):

- (6) *Я, кажется, был одним из немногих, который входил к нему без доклада даже в то время, когда он пишет свой фельетон с короткими строчками и бесчисленными точками.* [Вл.А. Гиляровский. Москва газетная (1934)]

При этом соотношение частот для единственного и множественного числа зависит от кванторного слова: так, для *немногих* доля ед. ч. существенно выше, чем для *многих* и *нескольких*, да и доля вхождений *немногих* с *который* (для обоих чисел вместе) от общего числа употреблений с *из*, существенно выше; это показано в таблице 1 и на рис. 1–2, где представлены соотношения для корпуса *Araneum Russicum Maximum*⁸. Отсюда можно

⁷ Ср. характеристику единственного числа сказуемого при *что* (о *который* не сообщается) как находящуюся «на грани допустимости» в [Холодилова 2014].

⁸ Запросы, соответственно: [lemma = "один"] [word = "из"] [word = "немногих|нескольких|многих"] [tag = "N.*"] [word = "\,"]{0,1} [lemma = "который"] и [lemma = "один"] [word = "из"] [word = "немногих|нескольких|многих"] [word = "\,"]{0,1} [lemma = "который"].

предположить, что распространённость употребления ед. ч. связана с индивидуальными особенностями лексемы *немногий*.

Таблица 1. Единственное vs множественное число *который* в сочетаниях типа *один из Q (N), который* с различными Q по данным Araneum Russicum Maximum

Кванторное слово	Число <i>который</i> в сочетании с N			Число <i>который</i> в сочетании без N			Всего вхождений <i>из Q</i> в корпусе, автоподсчёт
	SG	PL	% SG	SG	PL	% SG	
<i>многих</i>	363	1129	24,3	101	305	24,9	71649
<i>немногих</i>	7646	4299	64,0	1547	657	70,2	115100
<i>нескольких</i>	96	361	21,0	8	48	14,3	213198

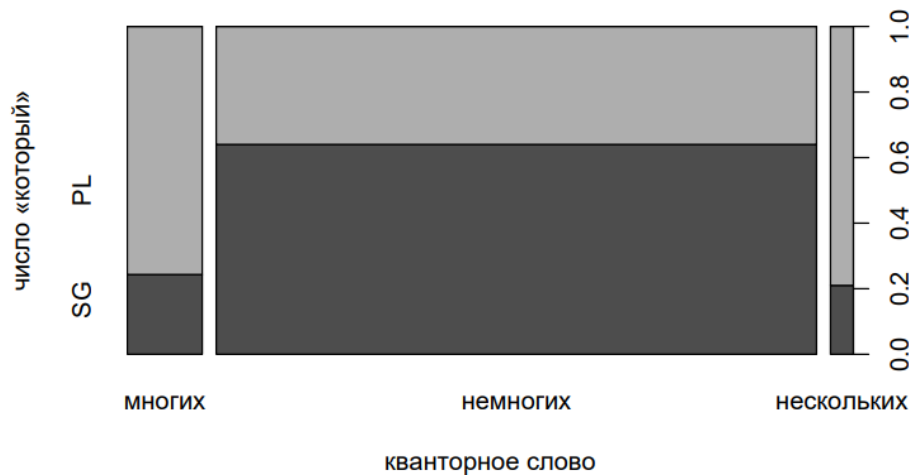

Рис. 1. Единственное vs множественное число *который* в сочетаниях типа *один из Q N, который* с различными Q по данным Araneum Russicum Maximum ($n = 13894$)

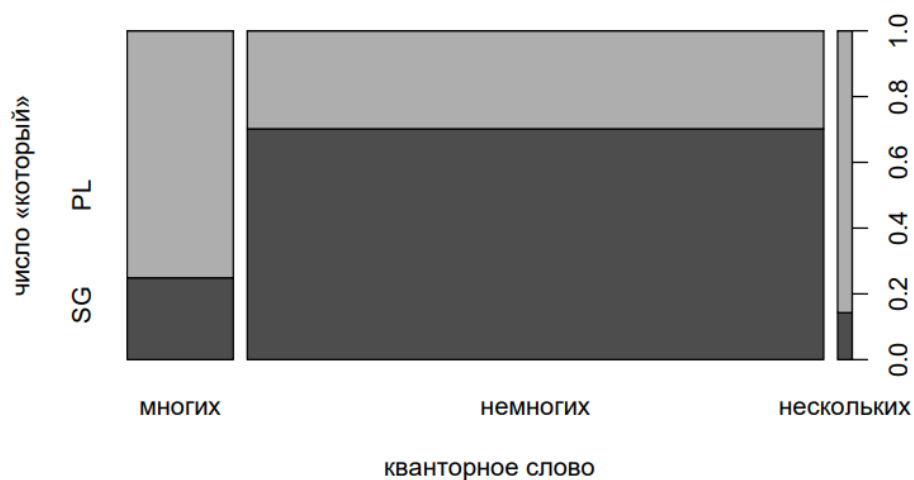

Рис. 2. Единственное vs множественное число *который* в сочетаниях типа *один из Q, который* с различными Q по данным Araneum Russicum Maximum ($n = 2666$)

Во-вторых, партитивные конструкции с относительным придаточным маргинально возможны даже тогда, когда именная группа содержит указательное местоимение (7).

- (7) *Ложное представление наше о том, что предшествующее событию приказание есть причина события, происходит оттого, что когда событие совершилось и **те одни** из тысячи приказаний, которые связались с событиями, исполнились, то мы забываем о тех, которые не были, потому что не могли быть исполнены.* [Л.Н. Толстой. Война и мир. Том четвертый (1867–1869)]

Считая, что *тот* является детерминатором и возглавляет DP [Лютикова 2016: 45 и сл.], мы можем утверждать, что в таких случаях *один* не является самой высокой вершиной в именной группе и относительная клауза может присоединяться выше *один*, оставаясь в пределах DP. В таких случаях относительное местоимение имеет признак единственного числа, если его имеет *один*:

- (8) *Молоко Тёма — тот один из немногих продуктов, **который** я покупаю регулярно.* (Веб)

Предложения, в которых вершина D не выражена, могут тем не менее иметь нулевой D выше *один*, что объясняет выбор единственного числа *который*. Таким образом, нет нужды считать, что относительное придаточное порождается в сфере действия *немногих*. Отказ от этого допущения, однако, нуждается в защите: очевидное возражение состоит в том, что оно не предсказывает рестриктивную интерпретацию придаточного и представляет дело так, будто *один* выбирает индивида из множества, обозначаемого NP без учёта придаточного [Arnold, Lucas 2016]; между тем, если продолжить (8) чем-то вроде *Они мне очень нравятся*, то *они* будет понято как ‘продукты, которые я покупаю регулярно’, а не просто ‘продукты’. На рестриктивную интерпретацию указывает и само наличие *тот* [Холодилова 2014]. Наш ответ на эти соображения будет семантическим: неполнота *один из немногих продуктов* заставляет предполагать сдвиг значения *немногий* от ‘ $\lambda P \lambda x.x$ есть представитель множества P небольшой мощности’, при котором *немногих* требует рестриктора, к ‘ $\lambda x. \exists P.x$ есть представитель множества P небольшой мощности’, при котором рестриктор

не требуется⁹. В таком случае придаточное будет рестриктивным, поскольку, обозначая свойство, как раз указывает на то, что это за P : среди большего класса продуктов, являющихся представителями каких-либо немногочисленных множеств, теперь выделяется подкласс продуктов, являющихся представителями немногочисленного множества регулярно покупаемых. Наконец, можно предположить, что способность употребляться с контекстно задаваемым дополнительным (по сравнению с NP) рестриктором демонстрирует в первую очередь слово *немногий* и лишь в меньшей мере другие кванторные слова.

С учётом этих аргументов для русского языка вместо аналога (4) оказывается подходящей традиционная примерная структура DP, включающей партитивную конструкцию и относительную клаузу:

(9) [\emptyset /*тот* [[*один из [немногих продуктов]*] [_{CP} *который ...*]]]

Её более конкретным воплощением может быть структура, постулируемая для DP с указательной вершиной и относительным придаточным в [Knyazev 2023], где предлагается учесть альтернативную позицию указательного местоимения (ср. *ситуация* [_{CP} *та, что...*]) и случаи¹⁰, в которых необходим анализ с подъёмом вершинной NP из относительного придаточного:

(10) [_{DP} *тот*₁ [_{DP} [*один из [немногих продуктов]*]]₂ [_{D'} *t*₁ [_{CP} *который t*₂ ...]]]

⁹ Это несколько упрощённая формулировка ввиду наличия примеров типа (8) с рестриктором (типа *продуктов*) перед придаточным. Более точно новое значение описывается как ‘ $\lambda x \lambda Q. \exists P. x$ есть представитель множества $P \cap Q$ небольшой мощности’, а в примерах без рестриктора (*один из немногих* \emptyset , *который*) предполагается нулевой рестриктор, значение которого тривиально (покрывает весь универсум) или почти тривиально (= ‘людей’, ‘вещей’ и т. п.).

¹⁰ Например, идиомы [Lyutikova, Tatevosov 2019]: *та [свинья]₁, [которую t₁]₂ ты мне подложил t₂*. Как отмечает анонимный рецензент, в свете поведения русских идиом в конструкциях контроля [Rudnev, Shikunova 2022] нельзя быть уверенным, что релятивизация части идиомы (*свинья*) неизбежно ведёт к анализу с подъёмом этой части из позиции сестры *который*. Вместо этого рядом с *который* может быть местоименный элемент, кореферентный *свинья*. Но, помимо идиом, [Lyutikova, Tatevosov 2019] указывают также на возможность рефлексива внутри вершинной NP, которую можно объяснить тем, что условия связывания рефлексива выполняются до передвижения: *сведения о себе₁, [которые [сведения о себе₁]] кандидаты₁ предоставили [которые [сведения о себе₁]]*; оценка этого аргумента выходит за рамки задач настоящей статьи. Мы лишь утверждаем, что предлагаемый нами грубый очерк структуры в (9) согласуется с предлагаемым в других недавних исследованиях, чья мотивация отличается от нашей.

Поскольку в этой структуре придаточное порождается как комплемент *tot*, она объясняет связь *tot* с рестриктивностью¹¹.

4. Связанные референциальные выражения как FI?

Несмотря на предложенные в §3 изменения, есть основания считать, что существенные черты подхода Басси к описанию FI заслуживают сохранения. В частности, в этом подходе различные связанные ИГ получают свои признаки посредством сходных механизмов. Например, не только FI, но и рефлексивы трактуются как минимальные местоимения; они получают признак рефлексивности, когда находятся в определённых синтаксических условиях, определение которых входит в компетенцию синтаксической теории связывания, и именно в таких условиях используется рефлексивная морфология. При таком разделении труда между компонентами модели не выглядят парадоксальными проблематичные для семантических теорий рефлексивизации (трактующих рефлексивный показатель как оператор, уменьшающий арность предиката, или носитель пресуппозиции кореферентности, см. [Sportiche 2023]) конструкции¹², в которых рефлексив или реципрок определённо не является коаргументом своего антецедента, такие как (11).

(11) *We₁ didn't know* [_{CP} *what each other₁ wanted*]. [Bruening 2021]

‘Мы не знали один желаний другого (букв. что «друг друг» хочет).’

В теории Басси особая форма рефлексива или реципрока рассматривается не как способ наложить на именные группы требования кореферентности или связывания, а как сигнал уже наличного такого отношения, определяемого их коиндексацией и взаиморасположением в предложении.

Аналогичное решение может пролить свет на поведение по видимости полных ИГ, проявляющих в некоторых языках способность к связыванию.

¹¹ В случаях типа *один из немногих продуктов, тот, который...* при таком анализе следует считать, что придаточное с *который* является рестриктивным относительно вершины *tot* с элидированной NP, но вся возглавляемая *tot dP* относится как *один из немногих продуктов* как аппозитив. (Благодарим анонимного рецензента, указавшего на необходимость этого разъяснения.)

¹² К их числу могут относиться и конструкции с ЕСМ, однако для них (или некоторых из них) возможен альтернативный анализ с подъёмом в позицию дополнения, в которой поднятый рефлексив оказывается коаргументом своего антецедента — подлежащего матричной клаузы.

Так, в тайском языке могут связываться личные имена, термины родства и гонорифики [Chaipheth, Jenks 2021: (4c)]:

- (12) *aacaan₁ sǒnsǎj wâa aacaan₁ pùaj*
 учитель:НОН думать COMP учитель:НОН больной
 ‘Учитель думает, не болен ли он’

Невозможность связывания для других полных ИГ заставляет предполагать, что принцип С теории связывания Хомского действует и в тайском. Поэтому К. Чайпхет и П. Дженкс предлагают исключение из него, согласно которому ИГ может быть связана другой ИГ при совпадении не только их индексов, но и сопутствующих им ф-признаков, в число которых в тайском входят связанные с вежливостью. Для имён собственных, однако, такое решение теряет интуитивную удовлетворительность, поскольку требует постулировать как минимум столько различных признаков, сколько существует различных способных к связыванию имён¹³ (ведь одно имя не связывается другим).

Вместо этого уже [Lee 2003] предлагает считать, что такие ИГ являются местоимениями, что объясняет их способность к связыванию, и обладают признаком [COPU], который интерпретируется на PF как требование использовать для местоимения экспонент его антецедента¹⁴. Принятие архитектуры теории Басси, в которой местоимение должно быть минимальным (порождаться без признаков), заставляет модифицировать это решение: имена, гонорифики и термины родства наделяются общим признаком, который при его копировании на местоимение заставляет сенсомоторный интерфейс реализовать местоимение как копию его антецедента.

К достоинствам модифицированного подхода можно отнести его способность описать поведение связанных ИГ в таких языках, как русский и английский. Здесь имена или слова закрытых классов не наделены безусловной способностью связываться, однако и они, и имена нарицательные

¹³ Во всяком случае, так поступают Чайпхет и Дженкс. Вместо этого можно было бы постулировать обобщённый признак [PROPN], лицензирующий нарушение принципа С при условии кореферентности. Это решение подходит, если различные, но кореферентные имена могут связывать друг друга; но авторы утверждают, что две ИГ должны совпадать, иллюстрируя неприемлемость для случая имени и гонорифика [Chaipheth, Jenks 2021: (6)], но не двух имён.

¹⁴ Применение такого же признака в других синтаксических условиях — к интенсифицирующему повтору предикативных составляющих в турецком языке — см. в [Erbaşı 2018].

(во всяком случае, нераспространённые) могут связываться антецедентом, если он несёт фокус¹⁵:

(13) *Only MARY still looks like Mary in these old pictures.* [Roeper 2006]

‘На этих старых фотографиях только Мэри всё ещё выглядит как Мэри.’

(14) ... *Париж все равно звучал как Париж, Рим как Рим и даже ЛЬЕЖ как Льеж* [Николай Климонтович. Дорога в Рим (1991-1994)]

Соответственно, можно предположить, что нижние копии ИГ в (13)–(14) представляют собой минимальные местоимения, чья форма определяется их антецедентом при условии, что он несёт фокус. Пока неясно, какие факторы определяют, будет ли минимальное местоимение при фокусном антецеденте реализовано как рефлексив или как копия антецедента: в примерах типа (14) конкуренцию со стороны *себя* исключает номинатив, при дистантном расположении её может исключать требование локальности у рефлексива, однако в (13) ничто не мешает употреблению *herself*. Возможное объяснение связано с реинтерпретацией второго вхождения имени как наименования прототипа (ср. [Котта Рамузино 2019]), но этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Оценивая подход, постулирующий копирование экспонента, следует иметь в виду и объяснительный потенциал конкурирующих теорий, таких как (i) отсутствие пресуппозиции имени собственного (о том, что его референт тождествен Мэри) на уровне фокусных альтернатив (ср. о других пресуппозициях в [von Heusinger 2007; Sauerland 2013]), что позволяет считать второе *Mary* в (13) именем, а не местоимением и при этом трактовать его как связанную переменную в фокусных альтернативах, и (ii) обусловленность связывания в (13)–(14) коиндексированными фокусами на обоих вхождениях ИГ (в адаптированных к разрывным фокусам (коиндексированным или нет) системах, использующих признак FOC для определения размера фокусных альтернатив и признак F для определения того, какие части в них варьируют [Charnavel, Sportiche 2022]):

¹⁵ Пример (13) может быть понят и так, что другие не выглядят как Мэри, но эта интерпретация прагматически маловероятна из-за своей тривиальности; в другой интерпретации отрицается, что каждый из других выглядит как он сам, т. е. пресуппозиция имени собственного (что оно отсылает именно к Мэри) не попадает в пресуппозицию предложения — поведение, характерное для местоимений-FI.

(15) *Only [MARY_F still looks like Mary_F in these old pictures]_{FOC}*

Теория типа (i) должна объяснить, о какой пресуппозиции идёт речь в случаях вроде (14), когда связывается не имя собственное (например, распространив идею пресуппозиции тождества на имена естественных видов (*natural kinds*) типа *бандит* для описания примеров типа (16).

(16) *Сейчас, конечно же, найдутся умники, которые даже здесь отыщут косяки и недостатки, но по мне так все очень достоверно, отличное погружение в эпоху и, соглашусь с предыдущими комментаторами, даже БАНДИТЫ как БАНДИТЫ) [Araneum Russicum Maximum]*

При подходе типа (ii) придётся признать, что предполагаемый второй фокус необязательно имеет просодическое выражение¹⁶, поскольку неочевидно, что вторая копия в (13)–(14) обязана нести фокусную интонацию в большей степени, чем анафорическое *one* в (17).

(17) *Langston Braverman is no ghost, but she acts like one.*

‘Лэнгстон Браверман не привидение, но она ведёт себя как таковое.’

5. Заключение

Рассмотрев анализ связанных употреблений личных местоимений И. Басси, мы на русском материале предложили способ устранить из него нежелательные синтаксические и семантические допущения, касающиеся относительных придаточных. Рестриктивность придаточного в примерах типа *один из немногих NP, который...* мы объясняем сдвигом значения кванторного слова, в результате которого оно квантифицирует не обозначаемое NP множество, а его пересечение с другим множеством, существование которого предполагает, тогда как придаточное определяет, что это за множество. При этом точное описание процедуры, комбинирующей значение придаточного и значение *один из немногих NP*, остаётся предметом дальнейших исследований.

Отметим здесь же некоторые другие ограничения предложенного решения. Во-первых, анализ, подходящий для конструкций с высокой позицией

¹⁶ Ср. обратное утверждение о примерах типа *I shall miss you. — And I you: «complex focus requires focal stress on the two indexicals» [Charnavel 2019: 491n41], т. е. каждый из контрастирующих элементов должен быть просодически выделен.*

детерминатора (*тот один из немногих*), не годится для более низкой позиции (*один из тех немногих*), но такие примеры с единственным числом в придаточном тоже встречаются¹⁷:

- (18) *Доктор Штокман в моем репертуаре — одна из тех немногих счастливых ролей, которая влечет к себе своей внутренней силой и обаянием.* [К.С. Станиславский. *Моя жизнь в искусстве* (1925-1928)]

Во-вторых, как отмечает Басси (р. 133, (201)), как FI себя могут вести признаки не только у местоимений, но, к примеру, у функциональных DP. Для истинности (19) поэтому не требуется, чтобы у всех, кроме Алекс, было по одному ребёнку.

- (19) *Alex was the only one in the swimming pool who paid close attention to her child.*
'Алекс была единственной в бассейне, кто внимательно следил за её/своим ребёнком.'

Анализ Басси, включающий тезис о невидимости пресуппозиций для семантики альтернатив, объясняет отсутствие требования единственности в (19), поскольку оно пресуппозитивно. Наша теория была бы вынуждена оговаривать поведение таких пресуппозиций особо, поскольку иначе неясно, почему происходящая за счёт придаточного рестрикция имеет вид 'тот, кто был в бассейне' > 'тот, кто был в бассейне и внимательно следил за своими детьми, сколько бы их ни было', а не '... за своим ребёнком'.

Список условных сокращений

COMP — комплементаризер; HON — гонорифик.

Список источников / References

- Котта Рамузино 2019 — Котта Рамузино П. *Мужик как мужик*: Об одной сравнительно-тавтологической конструкции в русском языке [Cotta Ramusino P. *Muzhik kak muzhik*: Ob odnoi sravnitel'no-tavtologicheskoi konstruktsii v russkom yazyke [Mužik kak mužik: On a Comparative-Tautological Construction in Russian]]. *Scando-Slavica*. 2019. Vol. 65, no. 1. P. 42–61.
- Лютикова 2016 — Лютикова Е. А. *Синтаксис именной группы в безартиклевом языке*. Дис. д. ф. н. М.: МГУ, 2016. [Lyutikova E. A. *Sintaksis imennoi gruppy v bezartiklevom yazyke* [Noun Phrase Syntax in an Articleless Language]. DSc dissertation. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2016.]

¹⁷ Как и в английском языке: *This is one of those problems that really bothers me* [Arnold, Lucas 2016].

- Парамонова 2023 — Парамонова Д. А. Контексты связывания личных местоимений в русском языке. Курсовая работа. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2023. [Paramonova D. A. Konteksty svyazyvaniya lichnykh mestoimenii v russkom yazyke [Binding Contexts for Personal Pronouns in Russian]. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2023.]
- Холодилова 2014 — Холодилова М. А. Относительные придаточные. *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики* (rusgram.ru). М., 2014. [Kholodilova M. A. Otnositel'nye pridatochnye [Relative Clauses]. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki (rusgram.ru). Moscow, 2014.]
- Arnold, Lucas 2016 — Arnold D., Lucas Ch. One of those constructions that really needs a proper analysis. *Proceedings of the Joint 2016 Conference on Head-driven Phrase Structure Grammar* / ed. by D. Arnold et al. CSLI Publications, 2016. P. 43–63.
- Bassi 2021 — Bassi I. *Fake Features and Valuation From Context*. PhD dissertation. MIT, 2021.
- Bruening 2021 — Bruening B. Generalizing the Presuppositional Approach to the Binding Conditions. *Syntax*. 2021. Vol. 24, iss. 4. P. 417–461.
- Chaiphet, Jenks 2021 — Chaiphet K., Jenks P. Names as complex indices: On apparent Condition C violations in Thai. *Proceedings of NELS 51*. UQAM, 2021. URL: <https://lingbuzz.net/lingbuzz/005980>.
- Charnavel 2019 — Charnavel I. Supersloppy readings: Indexicals as bound descriptions. *Journal of Semantics*. 2019. Vol. 36, no. 3. P. 453–530.
- Charnavel, Sportiche 2022 — Charnavel I., Sportiche D. Unifying intensifiers ourselves. *Proceedings of NELS 52*. Rutgers University, 2022. P. 139–148.
- Charnavel, Sportiche 2023 — Charnavel I., Sportiche D. Indexical binding, presuppositions and agreement. *Proceedings of Sinn und Bedeutung 28*. URL: <https://lingbuzz.net/lingbuzz/007872>.
- Erbaşı 2018 — Erbaşı B. Turkish doubled verbs as doubled TPs. *Exact Repetition in Grammar and Discourse* / ed. by R. Finkbeiner, U. Freiwald. De Gruyter, 2018. P. 182–199.
- Fox 2002 — Fox D. Antecedent-contained deletion and the copy theory of movement. *Linguistic Inquiry*. 2002. Vol. 33, no. 1. P. 63–96.
- Ivan, Mirrazi 2019 — Ivan R., Mirrazi Z. *Minimal Pronouns & T-Agreement Effects: The Case of Farsi Fake Indexicals*. GLOW 42. 2019. URL: <https://glowlinguistics.org/42/wp-content/uploads/sites/4/2019/05/main.pdf>.
- Knyazev 2023 — Knyazev M. Noun complement clauses with a demonstrative determiner in Russian. *Journal of Slavic Linguistics*. 2023. Vol. 31, FASL 30 issue. P. 1–19.
- Kratzer 2009 — Kratzer A. Making a pronoun: Fake indexicals as windows into the properties of pronouns. *Linguistic Inquiry*. 2009. Vol. 40, no. 2. P. 187–237.
- Lechner 1998 — Lechner W. Two kinds of reconstruction. *Studia Linguistica*. 1998. Vol. 52, no. 3. P. 276–310.
- Longenbaugh 2019 — Longenbaugh N. Agreement mismatch in partitive relatives. *Linguistic Inquiry*. 2019. Vol. 50, no. 4. P. 847–861.
- Lyutikova, Tatevosov 2019 — Lyutikova E., Tatevosov S. On the Structure of Russian Relative Clauses. *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2019. Vol. 75, no. 1. P. 65–94.
- Maier 2008 — Maier E. What syntax doesn't feed semantics: Fake indexicals as indexicals. *What Syntax Feeds Semantics? Workshop proceedings* / ed. by M. Romero. ESSLLI, University of Konstanz, 2008. P. 60–69.
- Roeper 2006 — Roeper T. Not Only I: Notes on the Syntax of Focus Binding. *Form, structure, and grammar: A Festschrift presented to Günther Grewendorf on occasion of his 60th birthday* / ed. by P. Brandt, E. Fu. Berlin: Akademie Verlag, 2006. P. 353–366.

- Rudnev, Shikunova 2022 — Rudnev P., Shikunova A. Idioms, NP position, and control: Evidence from Russian. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2022. Vol. 5, iss. 1. P. 91–106.
- Sauerland 2013 — Sauerland U. Presuppositions and the alternative tier. *Proceedings of SALT 23*. UCSC, 2013. P. 156–173.
- Schlenker 2004 — Schlenker P. Person and binding (a partial survey). *Italian Journal of Linguistics*. 2004. Vol. 16, no. 1. P. 155–218.
- Sportiche 2023 — Sportiche D. *Constraints on Reflexivization*. Ms., 2023. URL: <https://lingbuzz.net/lingbuzz/005488>.
- von Heusinger 2007 — von Heusinger K. Alternative Semantics for definite NPs. *On Information Structure, Meaning and Form. Generalizations Across Languages* / ed. by K. Schwabe, S. Winkler. Amsterdam: Benjamins, 2007. P. 485–508.

Статья поступила в редакцию 23.10.2024; одобрена после рецензирования 15.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was received on 23.10.2024; approved after reviewing 15.12.2024; accepted for publication 20.12.2024.

Даниил Борисович Тискин

кандидат философских наук; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург

Daniel Tiskin

Ph.D.; HSE University, St. Petersburg

daniel.tiskin@gmail.com

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2024.51.34.006

КОНСТРУКЦИИ С ДУБЛИРОВАНИЕМ ТОПИКА МЕСТОИМЕНИЕМ И КОНСТРУКЦИИ ТИПА «CONCERNING X» КАК МАРКИРОВАНИЕ ТОПИКА

А.М. Хургес

независимый исследователь

Аннотация: В этой статье предлагается применить схему анализа маркеров топика, основанную на локусе маркирования (то есть схему, в которой позиция маркера может определяться либо относительно выражения топика, либо относительно всей конструкции), к стратегиям маркирования топика, обычно анализируемым отдельно от сегментного маркирования. Рассматриваются конструкции с дублированием топика местоимением и конструкции типа “concerning X”, различия между ними, а также проблемы, связанные с их анализом.

Ключевые слова: топик, маркер топика, локус маркирования

Для цитирования: Хургес А.М. Конструкции с дублированием топика местоимением и конструкции типа «concerning X» как маркирование топика // Типология морфосинтаксических параметров. 2024. Том 7, вып. 1. С. 124–137. (На английском.). doi:10.37632/PI.2024.51.34.006

PRONOMINAL DOUBLING AND “CONCERNING” CONSTRUCTIONS AS TOPIC MARKING

Alina Khurges

Independent scholar

Abstract: In this paper I argue that an approach based on the locus of marking (in which marking may be associated with the topic constituent it-

self or with the entire construction) may be applied not only to dedicated topic markers, but to some other constructions typically analyzed separately, namely, to constructions where the topic constituent is doubled by a pronoun, and to constructions similar to the English “concerning X” construction. I describe the variation these types of constructions show (including the variation in how similar they are to clear segmental topic marking strategies) and the problems they pose for analysis.

Keywords: topic, topic marking, locus of marking

For citation: Khurges A. Pronominal doubling and “Concerning” constructions as topic marking. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2024. Vol. 7, iss. 1. Pp. 124–137. doi:10.37632/PI.2024.51.34.006

1. Introduction

Previous typological research on topic markers (see, for instance, [Wälchli 2019]) focused on markers attached to the topic constituent (as in (1)).¹ However, topics can be marked by various means. For instance, in (2), no marker attached to the topic constituent is present; instead, the tense-modal marker and the mood marker show agreement with the topic in gender.²

(1) Imbabura Quechua (Quechuan)³

fluka tayta-ka alpa-ta-mi yapu-n
 1SG father-TOP land-ACC-VALIDATOR plow-3
 ‘My father_{Topic} plows the land’. [Cole 1985: 95]

(2) Jarawara (Arawan)

oko siraba Okomobi jo-kaba-ni-ke
 1SG.POSS cangati(F) PN(M) OT-eat-PST.F-DECL.F
 ‘Okomobi ate my cangati_{Topic}’. [Dixon 2004, as cited in Marquardt, 2020: 14]

¹ Topic is defined in various ways in the literature (see, e.g., [Smith 2009: 196] for a brief overview of different definitions of topic). In this study, I use the aboutness definition following [Lambrecht 1994].

² Here and below, the relevant markers are given in bold.

³ Language families are given according to Glottolog [Hammarström et al. 2024]. The original orthography of all the examples is preserved, as are the translations; the only change made to the translations is the addition of subscript “Topic” for clarity (for the sake of uniformity, the same is done even if the topic is indicated by the use of a construction like “as for” in the translation). The glosses are partially unified.

To describe this variation, we may apply an approach parallel to that suggested in [Aannestad 2021; Aissen 2023; Lander 2022] for focus marking to topic marking as well. I suggest using the modification of head/dependent marking typology proposed in [Lander, Nichols 2020]. This modification allows for a more uniform analysis of what is termed C marking, which would, under the original head/dependent marking approach, be separated into head-marking (positioned in relation to the head) and detached marking (always taking a specific position, for instance, the second position). Under this approach, we may classify topic marking strategies as either D topic marking, where the position of the marker is defined with respect to the topic constituent itself (as in (1)), or C topic marking, where the position of the marker is defined with respect to the whole construction (as in (2)).

This approach can be applied to clear segmental topic marking, as in (1) and (2) above. However, other topic marking constructions, typically analyzed separately from dedicated topic marking, also exist, and I argue that this approach can be applied to them as well.

One example of such constructions is pronominal doubling constructions. Consider, for instance, (3) from Catalan, where the topic constituent (*aquesta pel·lícula*) is doubled by a pronoun (*l'*). These constructions are typically not seen as segmental topic marking (see, for instance, [Wälchli 2019], who additionally dismisses all marking not associated with the topic constituent as similar to these constructions).

(3) Catalan (Indo-European, Romance)

<i>aquesta</i>	<i>pel·lícula</i>	<i>no</i>	<i>l'</i>	<i>he</i>	<i>vist</i>	<i>encara</i>
PROX.F.SG	movie	no	3SG.ACC	have.1SG	see.PP	yet

'I haven't seen this movie_{Topic} yet'. [Hualde 1992: 229]

Similarly, constructions like the English *concerning X*, *as to X*, Russian *что касается X* (*čto kasaetsja X*), henceforth “concerning X” constructions,⁴ are also typically analyzed separately from segmental topic marking (for instance, Wälchli [2019] describes them as distinct from what he considers topic marking).

As integration of the topic into the clause can be gradual (see [Lander 2021] for a discussion and for parallels with focus constructions), I argue that these

⁴ I use the longer and more compositional *concerning X* construction to refer to constructions of this type. Lambrecht (1994) refers to them as “as-for constructions” using the shorter and less compositional *as for X* construction, but I chose *concerning X* to indicate that not only the least compositional of these constructions are taken into consideration here.

constructions may be more and less similar to grammaticalized topic marking. Namely, “concerning X” constructions may be similar to D marking, and pronominal doubling constructions may be similar to C marking.

The rest of this article is structured as follows. In Section 2, I discuss the parameter of integration and its relevance for topic marking constructions, sections 3 and 4 are dedicated to “concerning X” and pronominal doubling constructions respectively, and, finally, Section 5 contains some concluding remarks.

2. The parameter of integration

A parameter that is highly relevant for topic marking constructions is that of integration, that is, of the degree to which the topic is integrated into the clause.

Consider pronominal doubling constructions. They are often not analyzed as (segmental) topic marking and seen as a separate phenomenon (see, for instance, [Wälchli 2019]), as the topic constituent is analyzed as external to a complete clause where it is resumed by a pronoun.

A similar analysis can be argued for in the case of constructions like “concerning X”, as these constructions also appear to be external to the clause. For instance, [Wälchli 2019] describes them as “clausal or pseudo-clausal” and notes that the marker in them is a predicate; [Lambrecht 1994: 152; 182] describes them as a subtype of left dislocation constructions. Conditional markers used as topic markers (see [Haiman, 1978] on the connection between conditionals and topics) can also be analyzed in this manner, as the presence of the conditional marker allows interpreting these constructions as biclausal.

However, in both of these types of constructions, like in other constructions with fronted topics, the topic may be integrated into the clause to different degrees (see [Lander 2021] for a discussion). For instance, in Japanese, unlike in many other languages, dislocated topics bind reflexives and hence function as parts of the clause (this is illustrated by (4)). Lander [2021: 115] mentions the same phenomenon in Korean.

(4) Japanese (Japonic)

Ken-wa zibun-no ie-ga Tokyo-ni aru.
 PN-TOP REFL-GEN home-NOM PN-LOC exist

‘As for Ken_{Topic}, his home is in Tokyo.’ [Gunji 1987:167]

Besides that, topic constituents bearing dedicated topic markers also show different degrees of integration, with some being resumed by pronouns (optionally or obligatorily), or being separated from the clause prosodically.

For instance, in Dagaare, topic constituents marked by *éng* may optionally be doubled by a pronoun (this is illustrated in (5)).

(5) Dagaare (Atlantic-Congo, Gur)

à dɔ́ ʒ nyé éng (ò) kú-ló lá
 DEF man PROX TOP (3SG) go.home-IPFV FOC

‘As for this man_{Topic}, he is going home.’ [Ali et al. 2021: 36]

Likewise, in Nigerian Pidgin, constituents bearing topic marking may be prosodically separate from the clause (being separated by a pause and forming their own phrase stress group) and doubled by pronouns (see (6)).

(6) Nigerian Pidgin

Gàri kwanu, ìm sel fòr maket.
 gari TOP 3S sell.FACT P market

‘As for the gari_{Topic}, (s)he sold it in the market.’ [Faraclas 1996: 123]

Marked topics in Tzotzil are described as adjoined to a complete clause (and so are indexed on the verb):

(7) Tzotzil (Mayan)

?ati tzeb-e, ?i-s-sa? s-malal.
 TOP DEF girl-CLCMP-A3-search A3-husband

‘The girl_{Topic} looked for a husband.’ [Aissen 1987: 18]

As both dedicated topic marking strategies on one hand and “concerning X” and pronominal doubling constructions on the other may show different degrees of integration, analysis of the latter alongside the former appears to be a worthwhile pursuit.

3. “Concerning X” constructions

“Concerning X” constructions⁵ may show different degrees of grammaticalization. The most compositional “concerning X” constructions consisting of clear

⁵ As noted in Section 2 above, use of conditional markers for topic marking is associated with similar problems to those of “concerning X” constructions, so the two types are discussed together in this section.

lexical items are the least grammaticalized. An example of a compositional “concerning X” construction is the Russian *если мы говорим о X* (*esli my говорим о X*, lit. ‘if we are talking about X’), illustrated in (8).⁶

(8) Russian (Indo-European, Slavic)

Esli my говорим о журнале Maxim, то
 if 1PL.NOM talk.PRES.1PL about journal.PREP.SG PN then

он našel иную аудиторию, чем
 3SG.M.NOM find.PST.SG.M different.ACC.SG.F audience.ACC.SG than

nazvannye выше проекты.
 named.NOM.PL above project.NOM.PL

‘If we are talking about the journal Maxim_{Topic}, it found a different audience than the projects mentioned above.’

Various other “concerning X” constructions, while not described as grammaticalized topic markers, may not be compositional. Some examples of this would be the English *as for X* or *as to X* constructions or the Russian *что до X* construction (*čto do X*, lit. ‘what/that to X’, illustrated in (9)), which seem to be much more idiomatic.

(9) Russian (Indo-European, Slavic)

A čto do sosulek, то и они не так
 DM what to icicle.GEN.PL then and 3PL.NOM not as

прозрачны, как кажутся.
 clear.PL as seem.PRES.3PL

‘As for icicles_{Topic}, they are not as clear as they seem.’⁷

These constructions may also be in the process of grammaticalization. For instance, in Japhug, the topic marker *pu~pu-ŋu nɣ* is derived from the conditional form of the past imperfective of the verb ‘be’. It sometimes indexes the topic when it is a first or second person pronoun (as in (10a)), but sometimes occurs without such indexation (as in (10b)), which may indicate

⁶ Russian examples are taken from The Russian National Corpus (ruscorpora.ru). The glosses are mine.

⁷ The presence of *то* (glossed ‘then’), which normally appears in the apodosis of a conditional sentence, in (9) is also noteworthy. It appears to also be associated with topic marking.

that it is being reanalyzed as a topic marker rather than a verb form. Moreover, a short form of it, *ɲunɣ*, is also used (as in (10c)). This may be evidence of phonetic reduction, which typically accompanies grammaticalization.

(10) Japhug (Sino-Tibetan)

a. *aʒo pu~pu-ɲu-a nɣ, kɣndzɪɪ kumɲu tu-j,*
 1SG COND~PST.IPFV-be-1SG LNK siblings five exist:FNPST-1SG
 ‘Concerning me_{Topic}, we are five brothers and sisters.’

b. *aʒo ku-fse pɔpɔɲunɣ, ɕuɲgu sɣ-xtɕu~xtɕi nutɕu,*
 1SG S:PART-be.like TOP before GER-be.small DEM:LOC

χpuɲ lɣ-kɣ-ta,
 monk AOR:upstream-O:PART-put

‘For instance me_{Topic}, [I was] sent to become a monk early in my childhood.’

c. *ma u-ɲga ra ɲunɣ, maka wuma ʒo ko-nq^{hi} ma.*
 LNK 3SG.POSS-clothes PL TOP at.all really EMPH IFR-be.dirty LNK
 ‘As for his clothes_{Topic}, they had become very dirty.’ [Jacques 2021: 392–394]

Another case of potential grammaticalization is presented by the Turkish conditional marker. It has three forms: the full form of the conditional copula *ise*, its clitic allomorph $=(y)sA$ and the affix $-sA$. Kabak and Schiering [2004] demonstrate that the full form *ise* is preferred as a topic marker (this use is illustrated by (11)), whereas the bound form is preferred when used as a conditional marker (however, both forms are occasionally used in both functions). Based on this distribution, Kabak and Schiering argue that the form *ise* is grammaticalized as a topic marker.

(11) Turkish (Turkic)⁸

Sibel Can ise Bursa-da iki yer-de sahne-ye ɕık-tı.
 PN TOP Bursa-LOC two place-LOC stage-DAT come.out-PST

‘As for Sibel Can_{Topic}, she performed in two places in Bursa.’ [Kabak, Schiering 2004: 9]

⁸ The glosses are mine.

Overall, some of the topic marking strategies described in this section are very similar to grammaticalized D marking, whereas others (for instance, the Russian *esli my govorim o X* construction) are quite distinct. The constructions that are in the process of grammaticalization (such as the Japhug *ɣupɣunɣ*) are of particular interest, being “in the middle” between these two phenomena.

4. Pronominal doubling

A similar case is that of pronominal doubling constructions. I use the term “pronominal doubling” and take into consideration only the constructions where the topic is doubled by a pronoun (as, for instance, in (3), repeated here as (12)), as opposed to those where it is doubled by a non-pronominal NP (as in (13), where the topic *ɣjəʷənɛʷxer* ‘my neighbors’ is doubled by the NP *a hezxem*, ‘those dogs’), as it would be difficult to interpret a non-pronominal NP as a topic marker.

(12) Catalan (Indo-European, Romance)

aquesta pel·lícula no l' he vist encara
 PROX.F.SG movie no 3SG.ACC have.1SG see.PP yet
 ‘I haven’t seen this movie_{Topic} yet’. [Hualde 1992: 229]

(13) West Circassian (West Caucasian)⁹

s-jə-ʷənɛʷ-xe-r a he-ʒ-xe-m mafe-qes
 1SG.IO-POSS-neighbor-PL-ABS that dog-old-PL-OBL day-every

s-a-ʷe-ʷə

1SG.ABS-3PL.ERG-CAUS-CRY

‘My neighbors_{Topic} — those dogs [insult] make me cry every day.’ [Lander et al. 2024]

As has been mentioned in Section 2 above, these constructions show different degrees of integration of the topic constituent into the clause. In (14), for instance, the topic constituent occupies a separate tone group from the rest of the sentence and lacks the object marker (which is generally obligatory for direct objects but becomes optional in this topic construction). Both of these facts are signs of a lack of integration into the clause.

⁹ The research article this example is taken from is in Russian. The English translation is mine.

(14) Maltese (Afro-Asiatic, Semitic)

Hija rajtu l-bieraħ
 brother.1SG saw.1SG.3M.SG the-yesterday

‘As for my brother_{Topic}, I saw him yesterday.’ [Borg, Azzopardi-Alexander 1997: 124]

In (15), on the other hand, the topic constituent (*a könyvet*) that is doubled by a pronoun (*azt*) is preceded by a different element of the sentence and shows case marking connecting it to the rest of the sentence, which are both signs of some degree of integration.

(15) Hungarian (Uralic)

Anna a könyvet, azt a szobá-ban olvasta
 PN the book.ACC it-ACC the room-ILL read

‘The book_{Topic}, Anna read it in the room.’ [Kenesei et al. 1998: 173]

Pronominal doubling constructions may be analyzed as a kind of C marking, with the pronoun being a topic marker whose position is determined with respect to the entire clause. This kind of analysis might be more meaningful for the cases where the topic is more integrated into the clause (as in the Hungarian example), as it is more plausible that the pronoun appears specifically to mark the topic,¹⁰ as opposed to the topic constituent simply being adjoined to a complete clause (which would be a more plausible analysis of a pronominal doubling construction with less integration, such as the one in the Maltese example above). As not all descriptions contain enough data to argue for or against a greater degree of integration of the topic constituent into the clause, the matter of whether a certain construction should be analyzed as C marking or as a separate phenomenon with the topic being adjoined to a complete clause is often problematic.

It may also be noted that some other topic marking strategies that I would analyze as C marking, that is, as segmental topic marking positioned with respect to the whole construction, are closer to pronominal doubling than others. For instance, the Chichewa object marker is described in [Bresnan, Mchombo 1985] as an incorporated pronoun. I view it as segmental C marking instead of grouping it with pronominal doubling constructions as it is

¹⁰ The Hungarian example is described as a case of “left dislocation” in [Kenesei et al. 1998: 173]. However, in all the examples of “left dislocations” given, the pronoun follows the topic constituent directly. This may allow for an interpretation of this construction as D marking. A similar case from Kannada is discussed in more detail at the end of this section.

incorporated into the verb (and therefore has a fixed position, unlike, in many cases, pronouns in pronominal doubling constructions) and described as only appearing in topic contexts. It is illustrated in (16).

(16) Chichewa (Atlantic-Congo, narrow Bantu)

njúchi zi-ná-wá-lúm-á alenje
bees SM-PST-OM-bite-IND hunters

‘The bees bit them, the hunters_{Topic}.’ [Bresnan, Mchombo 1985: 277]

A topic marking strategy that is described as “agreement with topic” but appears quite similar to pronominal doubling constructions is attested in the Sign Language of the Netherlands (NGT). In NGT, the topic constituent is optionally doubled by a pronoun (indexical sign, abbreviated IX in (17) below) in the clause-final position. [Kimmelman 2014: 23] notes that this pronoun is not in the position expected of it (as NGT is an SOV language); notably, in (17a), both a pronoun doubling the topic constituent in the subject position and a clause-final pronoun are present. [Crasborn et al. 2009] describe this phenomenon as “topic agreement”, as these clause-final pronouns were thought to always refer to the subject ([Bos 1995], as cited in [Crasborn et al. 2009]; see also [Padden 1988: 86-89] for a description of clause-final pronouns doubling the subject, “subject pronoun copy”, in ASL), but Crasborn et al. also found examples of clause-final pronouns referring to (topic) objects (as in (17b)) and (topic) locative expressions (as in (17c)). Based on the available information, it is difficult to determine whether describing this as a C marking strategy would be correct (an argument in favor of such a decision would be, perhaps, if these clause-final pronouns were restricted to topic contexts).

(17) NGT (Sign Language)

a. GIRL IX_{left} / IX_{left} BOOK THROW-AWAY IX_{left}
‘That girl_{Topic}, she threw away the book.’

b. BOOK IX_{right} / IX_{left} BOOK THROW-AWAY IX_{right}
‘He threw away the book_{Topic}.’

[Crasborn et al. 2009], as cited in [Kimmelman 2014: 23]

c. IX_{right} LAST TUESDAY HEMA BUILDING IX_{left} IX_{right} ENTER WATCH
FIND IX_{left}

‘Last Tuesday he found a watch in the HEMA_{Topic}.’

[Crasborn et al. 2009: 366]

Another interesting property of pronominal doubling constructions is that they may occasionally be similar to both C marking and D marking constructions. For instance, in pronominal doubling constructions in Kannada where the topic is not the subject, the pronoun is optionally moved next to the topic constituent (as in (18)).¹¹ As the pronoun is thus (if optionally) positioned in relation to the topic constituent, this may be analyzed as D marking.

(18) Kannada (Dravidian)

beLtaᅅgaDi bassa:? adanna iduvarege ya:ru: no:Dilla.
 Beltangadi bus-Q it-ACC now-till who-INC see-PP-NEG
 ‘As for the Beltangadi bus_{Topic}, nobody has seen it yet.’
 [Sridhar 1990: 144–145]

5. Concluding remarks

Overall, the less grammaticalized strategies of topic marking show significant variation and may be more or less similar to the more grammaticalized topic marking constructions. It appears that the notion of a clear distinction between segmental topic marking on one hand and other strategies on the other is an oversimplification. Indeed, some “concerning X” and pronominal doubling constructions may be hard (or impossible?) to distinguish from D and C marking respectively, whereas some others may be clearly different from the grammaticalized strategies and perhaps best analyzed separately. These constructions may show different degrees of integration of the topic into the clause; a greater degree of integration may be indicated by word order (for instance, by the presence of a different element before the topic), presence of case marking, the topic binding reflexives, and so on.

“Concerning X” constructions show variation from phenomena that are difficult to distinguish from grammaticalized D marking to quite distinct compositional expressions (like the Russian *esli my govorim o X* expression). The strategies “in the middle” between grammaticalized topic markers and compositional expressions, perhaps in particular the ones that are in the process of grammaticalization (like the Japhug data discussed in Section 3) are of particular interest, and in many cases, the matter of whether a specific marker is best analyzed as segmental topic marking or some other strategy remains problematic.

¹¹ When the topic is the subject, the pronoun is in this position by default.

Likewise, pronominal doubling constructions may vary greatly in terms of integration, with some of them showing no signs of integration and perhaps being best analyzed as a separate phenomenon with the topic constituent being adjoined to a complete clause, while others, showing more integration, appear more similar to C marking with the pronoun being analyzed as a marker. Similarly to “concerning X” constructions, in some cases, it might be difficult to determine whether a particular topic marking strategy is best analyzed as a pronominal doubling construction or as segmental topic marking.

Abbreviations

1, 2, 3 — 1st, 2nd, 3rd person; A3 — set A agreement affix, 3rd person; ABS — absolutive; ACC — accusative; AOR — aorist; CAUS — causative; CL — clitic; CMP — completive; COND — conditional; DAT — dative; DECL — declarative; DEF — definite; DEM — demonstrative; DM — discourse marker; EMPH — emphatic; ERG — ergative; F — feminine; FACT — factative tense/aspect/modality; FNPST — factual non-past; FOC — focus; GEN — genitive; GER — gerund; IFR — inferential; ILL — illative; INC — inclusive clitic; IND — indicative; IO — indirect object; IPFV — imperfective; IX — index (pointing sign); LNK — linker; LOC — locative; M — masculine; NEG — negation/negative; NOM — nominative case; O — object; OBL — oblique; OM — object marker; OT — object topic; P — preposition; PART — participle; PN — proper name; POSS — possessive; PP — past participle; PRES — present; PREP — prepositional case; PROX — proximal/proximate; PST — past; Q — question; REFL — reflexive; S — subject; SG — singular; SM — subject marker; TOP — topic; VALIDATOR — validator.

References

- Aannestad 2021 — Aannestad A.A. *A typology of morphological argument focus marking*. Master's thesis. University of North Dakota, 2021.
- Aissen 1987 — Aissen J. *Tzotzil clause structure* (Studies in Natural Language and Linguistic Theory 7). Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1987.
- Aissen 2023 — Aissen J. Documenting topic and focus. *Key topics in language documentation and description*. Language Documentation & Conservation Special Publication no. 26. Jenks P., Michael L. (eds.). Honolulu: University of Hawai'i Press, 2023. Pp. 11–57.
- Ali et al 2021 — Ali M., Grimm S., Bodomo A. *A dictionary and grammatical sketch of Dagaare* (African Language Grammars and Dictionaries 4). Berlin: Language Science Press, 2021.
- Borg, Azzopardi-Alexander 1997 — Borg A., Azzopardi-Alexander M. *Maltese*. London: Routledge, 1997.
- Bresnan, Mchombo 1985 — Bresnan J., Mchombo S.A. On topic, pronoun, and agreement in Chicheŵa. *Proceedings of the Annual Eastern States Conference on Linguistics (2nd, Buffalo, NY, October 3–5, 1985)*. Choi S., Devitt D., Janis W., McCoy T., Zhang S. (eds.). New York: The State University of New York at Buffalo, 1985. Pp. 276–312.
- Cole 1985 — Cole P. *Imbabura Quechua* (Croom Helm descriptive grammars). London: Croom Helm, 1985.

- Crasborn et al. 2009 — Crasborn O., van der Kooij E., Ros J., De Hoop H. Topic agreement in NGT (Sign Language of the Netherlands). *The Linguistic Review*. 2009. Vol. 26. Pp 355–370.
- Faraclas 1996 — Faraclas N.G. *Nigerian Pidgin*. London: Routledge, 1996.
- Gunji 1987 — Gunji T. *Japanese phrase structure grammar: A unification-based approach*. Dordrecht: Springer, 1987.
- Haiman 1978 — Haiman J. Conditionals are topics. *Language*. 1978. Vol. 54. No. 3. Pp 564–589.
- Hammarström et al. 2024 — Hammarström H., Forkel R., Haspelmath M., Bank S. 2024. Glottolog 5.0. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. <https://doi.org/10.5281/zenodo.10804357> (Available online at <http://glottolog.org>, Accessed on 2024-05-27.)
- Hualde 1992 — Hualde J.I. *Catalan*. London: Routledge, 1992.
- Jacques 2021 — Jacques G. *A grammar of Japhug* (Comprehensive Grammar Library 1). Berlin: Language Science Press, 2021.
- Kabak, Schiering 2004 — Kabak B., Schiering R. A corpus study on the distribution of Turkish *ise* and its clitic form. *Turkic Languages*. 2004. Vol. 8. No. 2. Pp. 232–244.
- Kenesei et al. 1998 — Kenesei I., Vago R.M., Fenyvesi A. *Hungarian*. London: Routledge, 1998.
- Kimmelman 2014 — Kimmelman V. *Information structure in Russian Sign Language and Sign Language of the Netherlands*. Ph.D. dis. Universiteit van Amsterdam, 2014.
- Lambrecht 1994 — Lambrecht K. *Information structure and sentence form: Topic, focus, and the mental representations of discourse referents*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Lander, Nichols 2020 — Lander Yu., Nichols J. Head/Dependent Marking. *Oxford Research Encyclopedia of Linguistics*. Aronoff M. (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2020.
- Lander 2021 — Lander Yu. Fronted topics, clefted foci and the parameter of integration into the clause. *Problemy obščej i vostokovednoj lingvistiki. Sočetaemost' jazykovyx edinic i jazykovye modeli. Pamjati Z.M. Šaljapinoj (1946–2020)*. Kogan A. (ed.). Moscow: IOS RAS, 2021. Pp. 112–123.
- Lander 2022 — Lander Yu. *FOCUS locus, or Describing narrow focus marking: A typological framework* (A presentation given in the Linguistic Convergence Laboratory, HSE University, Moscow, Russia, 8 November 2022).
- Lander et al. 2024 — Lander Yu., Bagirokova I., Unarokova Sh. Left-dislocated topic in West Caucasian languages. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura*. 2024. No. 3. (in print).
- Marquardt 2020 — Marquardt C. *Topic agreement in Jarawara* (A presentation given at the Generative Linguistics in the Old World (GLOW) 43 conference (online), Berlin, Germany, 7 April 2020).
- Padden 1988 — Padden C.A. *Interaction of morphology and syntax in American Sign Language*. New York: Garland, 1988.
- Smith 2009 — Smith C.S. *Modes of discourse: the local structure of texts*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Sridhar 1990 — Sridhar S.N. *Kannada*. London: Routledge, 1990.
- Wälchli 2019 — Wälchli B. *The elusive topic: Towards a typology of topic markers (with special reference to cumulation with number in Bolinao and gender in Nalca)*. (Conference presentation with published abstract, given at the Research Seminar in General Linguistics (online), Helsinki, Finland, 24 April 2019).

Статья поступила в редакцию 30.11.2024; одобрена после рецензирования 15.12.2024; принята к публикации 19.12.2024.

The article was received on 30.11.2024; approved after reviewing 15.12.2024; accepted for publication 19.12.2024.

Алина Михайловна Хургес
независимый исследователь

Alina Khurges
Independent scholar

ahurges@mail.ru

Типология морфосинтаксических параметров
том 7, выпуск 1

Сайт журнала:

<https://tmp.sc/>

Оригинал-макет: Кс.П. Семёнова

Подписано в печать 27.12.2024.

Формат 21*29.7 см. Гарнитура Charis SIL.

Электронное издание. Объём 138 стр.